This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

LSoc
3977
44 (10)

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY 24 MAY 1967

ОТДѢЛЪ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ.

ВЫПУСКЪ ДЕСЯТЫЙ.

МОСКВА.
1888.

Digitized by Google

LSoc 3977.44 (10)

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

663

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

66

ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ОТДѢЛЪ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ.

ВЫПУСКЪ ДЕСЯТЫЙ.

МОСКВА.
1888.

Digitized by Google

Δ
LSoc 3977.44 (10)

Digitized by Google

УЧЕБНИКЪ ЛОГИКИ

СЪ ПОДРОБНЫМИ УКАЗАНІЯМИ

НА ИСТОРІЮ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ ЭТОЙ НАУКИ

въ Россіи и другихъ странахъ.

Заслуженнаго Ординарнаго Профессора Московскаго Университета

М. ТРОИЦКАГО.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Логика геометріи и наукъ о духѣ.

Выпускъ I.

Классификація Наукъ.— Опредѣленіе Философіи.—Логика Геометріи. Логика Психологіи.

МОСКВА.
1888.

Digitized by Google

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВАГО ВЫПУСКА.

ГЛАВА I.

Классификація наукъ 3

ГЛАВА II.

Опредѣленіе философіи и его исторія 38

ГЛАВА III.

Логика Геометріи. 51

ГЛАВА IV.

Логика Психологіи 76

Digitized by Google

По опредѣленію Историко-филологическаго факультета ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета печатать разрѣшается. 18 апрѣля, 1888 года.

Деканъ В. Ключевскій.

Digitized by Google

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ объясненіе состава издаваемой нами *третьей* книги «Учебника Логики», считаемъ нужнымъ сказать слѣдующее.

По плану, третья книга должна содержать Логику Наукъ. Мы рѣшились ограничить ее *Логикою Наукъ о Духѣ*, единственно съ тою цѣлью, чтобы не задерживать надолго изданія послѣдней части нашего Учебника. Въ этой рѣшимости насъ поддержали примѣръ Д. С. Милля, или, точнѣе сказать, тѣ основанія, которыми руководился творецъ системы современной Логики, излагая Логику Наукъ въ тѣхъ же границахъ. Теоріи Общей Логики, — т. е. дедукціи, и индукціи или началъ, — отвлечены преимущественно отъ пріемовъ свойственныхъ математикѣ и наукамъ физическимъ; такъ что, въ Общей Логикѣ, ссылающейся постоянно на примѣры математики и естествознанія, логика математики и логика естествознанія, скрытно, уже изложены въ такой мѣрѣ, которая почти достаточна для «Учебника». Между тѣмъ науки о духѣ требуютъ особеннаго приноровленія общихъ логическихъ методовъ изслѣдованія къ природѣ своего предмета; и, поэтому, не могутъ обойтись безъ спеціальныхъ методологическихъ указаній.

Прибавленіе *Логики Геометріи*, къ логикѣ наукъ о духѣ, преслѣдуетъ только косвенную цѣль: закончить изложеніе общихъ логическихъ теорій разъясненіемъ логическаго смысла терминовъ

Digitized by Google

анализъ и *синтезъ*. Ученые, мало знакомые съ современною обработкою Логики, часто предполагаютъ, что эта наука, не коснувшись методовъ анализа и синтеза, не касается самой сущности своего предмета. Такой предразсудокъ не можетъ быть искорененъ безъ прямого разъясненія истиннаго отношенія логическаго анализа и синтеза къ индукціи и дедукціи; а это разъясненіе не легко дать, не прибѣгая къ сравненію логическаго анализа и синтеза съ геометрическимъ. Косвенною цѣлью нашей Логики Геометріи опредѣлились и самыя границы ея изложенія.

Естественнымъ введеніемъ въ Логику Наукъ, въ какихъ бы предѣлахъ послѣдняя ни излагалась должна, служить классификація наукъ. Но вопросъ о классификаціи наукъ окончательно не разрѣшимъ безъ указаній на отношеніе наукъ къ философіи. Такимъ образомъ, слѣдуя естественнымъ потребностямъ этой части Логики, мы начинаемъ ея изложеніе *Классификаціею наукъ*, присоединяя къ послѣдней *опредѣленіе Философіи*.

1888 года, 16 Апрѣля.
Москва.

Digitized by Google

ЛОГИКА ГЕОМЕТРІИ

и

НАУКЪ О ДУХѢ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ЛОГИКА ГЕОМЕТРІИ И НАУКЪ О ДУХѢ.

ГЛАВА I.

Классификація наукъ.

1. *Наукою* въ строгомъ смыслѣ называется совокупность ученій, содержащихъ общія истины, излагаемыя въ такомъ порядкѣ, какой опредѣляется близостью ихъ сходства и взаимной зависимости, и сопровождаемыя раскрытіемъ тѣхъ пріемовъ, какими повѣряется ихъ достовѣрность.

Такимъ образомъ, наука отличается:

1) Отъ *поэзіи*, существеннымъ содержаніемъ которой являются вымыслы.

2) Отъ *дѣловой* литературы, заключающей въ себѣ просьбы, требованія, распоряженія, приказанія, соглашенія, разсчеты и проч., а не какія нибудь истины.

3) Отъ собранія народныхъ *примѣтъ*, *пословицъ* и такъ-называемыхъ *размышленій*,—такъ какъ достовѣрность излагаемыхъ въ нихъ истинъ ничѣмъ не гарантирована, или гарантируется недостаточно.

4) Отъ *матеріаловъ* науки, какими служатъ *описанія частныхъ* фактовъ, *приблизительныя* обобщенія и такъ-называемые *эмпирическіе законы*.

Digitized by Google

5) Отъ результатовъ изслѣдованій, не достигающихъ характера достовѣрности. Сюда относятся ученія, содержащія однѣ *вѣроятности* и простую *мыслимость*.

2. Наука имѣетъ своимъ предметомъ или *природу*, или тѣ *пріемы*, съ помощью которыхъ человѣкъ можетъ распоряжаться ею въ своихъ цѣляхъ. Науки занимающіяся природою называются *теоретическими*, или науками въ тѣсномъ смыслѣ; науки занимающіяся пріемами человѣческой дѣятельности, называются *практическими*, науками объ искусствахъ, и просто *искусствами*.

3. Науки теоретическія или науки въ тѣсномъ смыслѣ раздѣляются, далѣе, на *отвлеченныя* (абстрактныя) и *конкретныя*. Отвлеченными называются тѣ науки, которыя изслѣдуютъ *явленія* природы, т. е. ихъ *законы;* конкретными же тѣ, которыя объясняютъ существующія въ природѣ *вещи,* изъ законовъ ея явленій.

4. Распоряжаться природою можно только при знакомствѣ съ ея законами; съ другой стороны, знаніе законовъ природы служитъ ключемъ къ объясненію исторіи существующихъ вещей, ихъ современнаго состоянія и послѣдующей судьбы. Слѣдовательно, науки практическія, точно также какъ и конкретныя, зависятъ отъ наукъ отвлеченныхъ; поэтому отвлеченныя науки, по всей справедливости, называются *основными*. Основныя науки, согласно разницѣ главныхъ отдѣловъ явленій природы, распадаются на нѣсколько большихъ группъ, излагаемыхъ, по степени ихъ родства и взаимной зависимости, въ слѣдующемъ порядкѣ:

Логика (какъ ученіе объ общихъ условіяхъ научнаго характера истинъ).

Математика.

Механика.

Молекулярная физика.

Химія.

Біологія.

Психологія.

Digitized by Google

5. Въ раздѣленіи наукъ на теоретическія и практическія, отвлеченныя и конкретныя, равно какъ и въ дѣленіи наукъ отвлеченныхъ, начало взаимной зависимости наукъ проведено весьма удовлетворительно. И это имѣетъ свои неоцѣненныя выгоды въ установленіи метода конечной разработки всѣхъ наукъ, и ихъ послѣдовательнаго изученія. Нѣтъ сомнѣнія, что искусства, какъ практика, появляются раньше теоретическихъ наукъ, и даютъ поводъ къ возникновенію правилъ по указаніямъ опыта. Но эти правила остаются простымъ матеріаломъ практической науки, до тѣхъ поръ пока знаніе законовъ тѣхъ явленій, надъ которыми оперируетъ какое нибудь искусство, не откроетъ пріемовъ, съ помощью которыхъ можно распоряжаться ими, въ виду преслѣдуемой этимъ искусствомъ цѣли, и такимъ образомъ не дастъ критерія нажитой раньше практической эмпиріи.

Тоже примѣняется къ наукамъ отвлеченнымъ и конкретнымъ. Несомнѣнно, что обработкѣ тѣхъ и другихъ наукъ предшествуютъ частныя описанія и эмпирическія обобщенія. Эмпирія тѣхъ и другихъ наукъ имѣетъ различный характеръ. Науки отвлеченныя, имѣющія дѣло съ явленіями, именно ихъ законами, опираются на частныя описанія явленій, и полученные отсюда, между прочимъ, эмпирическіе законы. Науки конкретныя имѣютъ дѣло съ существующими классами вещей, и опираются на ихъ естественную исторію, состоящую также изъ частныхъ описаній и эмпирическихъ обобщеній. Но если науки отвлеченныя могутъ обрабатываться независимо отъ конкретныхъ, то конкретныя, въ своей окончательной обработкѣ, т. е. какъ объясненіе существующихъ вещей и ихъ исторіи,—какъ науки дедуктивныя, могутъ появляться не раньше наукъ отвлеченныхъ.

Это достаточно обнаруживаетъ, какимъ могучимъ орудіемъ къ усовершенствованію всѣхъ наукъ мы обладаемъ въ этомъ началѣ взаимной зависимости наукъ и построенной на ней классификаціи. Но научный порядокъ, какъ замѣчено выше, опредѣляется не

Digitized by Google

однимъ началомъ взаимной зависимости, но также началомъ наибольшаго сходства или родства научныхъ истинъ. А это послѣднее начало—слѣдуетъ признать—проведено недостаточно удовлетворительно въ классификаціи отвлеченныхъ или основныхъ наукъ. Несомнѣнно, что указанная іерархія основныхъ наукъ совпадаетъ съ важнѣйшими разницами въ классахъ явленій. Однако, очевидно, что значеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ, сравнительно съ другими, въ вышеизложенной классификаціи, является преувеличеннымъ. Несомнѣнно, что явленія духа или сознанія гораздо больше отдѣляются отъ явленій напр. организаціи, чѣмъ послѣднія отъ явленій химическихъ сочетаній, молекулярныхъ или механическихъ движеній. Очевидно также, что математику, которая въ большинствѣ своихъ истинъ есть только методъ, а не знаніе природы, нельзя вводить въ число наукъ о природѣ, подобно механикѣ или физикѣ. Наконецъ, логика, какъ наука о наукахъ, должна, очевидно, составлять не звѣно въ ряду наукъ, а естественное введеніе въ этотъ рядъ. На этомъ основаніи, мы считаемъ необходимымъ пополнить вышеприведенную классификацію наукъ нѣкоторыми добавочными чертами, какъ это указано въ слѣдующей таблицѣ:

Digitized by Google

Наука:

Введеніе: Логика.

Науки Теоретическія.		*Науки Практическія.*
Отвлеченныя.	Конкретныя.	

I

Математика.

Ариѳметика.		
Алгебра.		
Геометрія.		

II

Науки физическія.

(Науки о веществѣ и движеніи).

Механика.	Астрономія.	Напр.
Молекулярная физика	Статика.	Агрикультура.
Химія.	Динамика.	Искусство мореплаванія.
Біологія.	Минералогія.	
	Ботаника.	Артиллерійское искусство.
	Зоологія.	
	И т. д.	Медицина.

III

Науки нравственныя.

(О духѣ или сознаніи связанномъ съ веществомъ и движеніемъ).

Психологія.	Конкретныя части	Напр
Субъективный	Психологіи.	Грамматика.
анализъ духа.	Ученіе о ха-	Ретрорика.
Физіологія духа.	рактерахъ.	Эстетика.
Патологія духа.	Психологія	Педагогія.
	животныхъ.	Политика.
	Соціологія.	Право.
	И проч.	Этика.

Digitized by Google

А. Исторія классификаціи наукъ.

(1) Изложенная нами классификація наукъ, въ своихъ существенныхъ чертахъ, составляетъ одну изъ величайшихъ услугъ, оказанныхъ наукѣ *О. Контомъ*. Не то это значитъ, чтобы слѣды такой классификаціи не встрѣчались раньше Конта, или чтобы всѣ позднѣйшіе писатели, раздѣляющіе его точку зрѣнія, находились отъ него въ исторической зависимости. Заслуга Конта, которой у него никто не въ состояніи оспорить, состоитъ въ указаніи глубочайшаго начала классификаціи наукъ,—именно начала ихъ *взаимной зависимости*. Онъ первый, наилучшимъ образомъ, поставилъ его, и первый далъ ему превосходное осуществленіе, въ дѣленіи наукъ на теоретическія и практическія, абстрактныя и конкретныя, и въ іерархіи абстрактныхъ или основныхъ наукъ. *Г. Спенсеръ* и *Бэнъ* измѣнили классификацію Конта въ слѣдующихъ существенныхъ пунктахъ: къ числу наукъ отвлеченныхъ они прибавили логику; а астрономію и соціологію отнесли къ наукамъ конкретнымъ;—въ классификацію наукъ они ввели психологію, которой Г. Спенсеръ далъ мѣсто между науками конкретными, а Бэнъ, съ бо́льшимъ основаніемъ, между абстрактными или основными.—Что касается начала наибольшаго сходства, побуждающаго къ дополнительному дѣленію наукъ на математическія, физическія и нравственныя, то это начало, впервые, въ высокой степени осуществлено въ классификаціи *Д'Аламбера*, поддержано въ Англіи *Д. Стюартомъ*, и проводится въ наше время *Ліяромъ* и *Рабье* во Франціи, и *Вундтомъ* въ Германіи.

(2) Первый опытъ подробной классификаціи наукъ принадлежитъ *Бэкону*. Бэконъ начинаетъ общимъ дѣленіемъ всего человѣческаго ученія (doctrina) на три части, соотвѣтствующія тремъ способностямъ разумной души человѣка: исторію, поэзію и философію. «Исторія относится къ памяти, поэзія къ фантазіи, философія къ разуму». Исторія «имѣетъ своимъ предметомъ недѣлимыя вещи (individua), ограниченныя пространствомъ и временемъ». Это прилагается и къ исторіи естественной,—не смотря на то, что

Digitized by Google

она повидимому занимается не недѣлимыми, а видами (species) ихъ. «Предметомъ поэзіи служатъ также единичныя вещи, измышленныя по сходству съ тѣми, которыя упоминаются въ истинной исторіи». Философія «не останавливается на недѣлимыхъ,—содержитъ не первыя впечатлѣнія ихъ, а отвлеченныя отъ нихъ понятія, и вращается въ сочетаніи и раздѣленіи послѣднихъ, согласно съ закономъ природы и очевидностью самыхъ вещей». Для ясности дѣла, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что Бэконъ отожествляетъ исторію съ наблюденіемъ, и философію съ науками (scientiae): «мы считаемъ, говоритъ онъ, исторію и опытъ (experientia) за одно и тоже, точно также какъ философію и науки».

Исторію Бэконъ раздѣляетъ на естественную (naturalis) и гражданскую (civilis). «Въ исторіи естественной передаются дѣйствія и произведенія природы,—въ исторіи гражданской—человѣка». Въ естественную исторію входятъ: исторія нормальныхъ образованій природы (generationum); исторія уклоненій отъ нормъ (praeter-generationum); и исторія механическихъ произведеній или механическихъ искусствъ. По цѣли преслѣдуемой исторіею, она раздѣляется на повѣствовательную, и индуктивную (или обработанную въ цѣляхъ индукціи), которую Бэконъ называетъ въ другихъ мѣстахъ экспериментальною. Гражданскую исторію Бэконъ дѣлитъ на три части: исторію церкви, исторію литературы, и исторію гражданскую въ тѣсномъ смыслѣ, къ которой относитъ: мемуары, древности и настоящую исторію (historia justa).

Въ число прибавленій къ гражданской исторіи Бэконъ вноситъ: рѣчи (orationes), переписку (epistolae) и изрѣченія (apophtegmata).

Поэзія раздѣляется Бэкономъ на повѣствовательную, драматическую и параболическую (басни, притчи, загадки, сравненія).

Философія имѣетъ три предмета: Бога, природу и человѣка. Философію Божества Бэконъ называетъ не наукою, а только «искрою науки (scientiae scintilla)», такъ какъ содержаніе ея видитъ не въ «созиданіи вѣры, а въ опроверженіи атеизма». Такимъ образомъ, философія, какъ совокупность наукъ, ограничивается собственно двумя частями: философіею природы и философіею

Digitized by Google

человѣка. Отдѣльныя части философіи должны быть предварены какъ бы общимъ введеніемъ въ оныя, составляющимъ своего рода науку, называемую Бэкономъ «первою философіею». Это не средневѣковая метафизика; отъ частныхъ наукъ о природѣ и человѣкѣ первая философія «отдѣляется не столько содержаніемъ и предметомъ, сколько границами», въ которыхъ они излагаются. Содержаніе первой философіи должно быть ограничено истинами общими всѣмъ или многимъ наукамъ, или такими, которыя относятся ко всѣмъ или многимъ отдѣламъ природы.

Философія природы раздѣляется на спекулятивную или теоретическую, и оперативную или практическую. Теоретическая философія природы имѣетъ своимъ предметомъ изслѣдованіе причинъ, которыя Бэконъ, слѣдуя Аристотелю, дѣлитъ на четыре рода: матеріальныя, дѣйствующія, формальныя и конечныя. Часть философіи природы, изслѣдующую причины дѣйствующія и матеріальныя, Бэконъ называетъ физикою; а другую, изучающую два остальные рода причинъ, метафизикою. Впрочемъ, подъ формами Бэконъ разумѣетъ не какія нибудь сущности нефеноменальнаго міра, а тѣ феномельныя свойства частныхъ вещей, отъ которыхъ зависятъ всѣ другія свойства ихъ. Практическая философія природы составляетъ приложеніе физики и метафизики,—послѣдней только въ ея ученіи о формахъ,—и распадается на механику, и магію (искусство преобразованія или превращеніи субстанцій). Органомъ философіи природы Бэконъ признаетъ математику, которую раздѣляетъ на чистую и прикладную.

Философія человѣка, составляющая цѣль всѣхъ другихъ наукъ, есть собственно только часть науки о природѣ. «Она состоитъ изъ двухъ частей, такъ какъ разсматриваетъ человѣка или отдѣльно, или совмѣстно съ другими людьми,—въ обществѣ. Первую, говоритъ Бэконъ, мы называемъ философіею человѣческой природы (humanitatis), вторую—общественною философіею (philosophia civilis seu socialis)». Философія человѣческой природы содержитъ, во-первыхъ, общее ученіе о человѣкѣ и, во-вторыхъ, частныя ученія о тѣлѣ и душѣ человѣка. Къ общему ученію Бэконъ относитъ ученіе о личности человѣка и ученіе о связи души съ тѣломъ. Наука о тѣлѣ человѣка распадается на четыре части,

Digitized by Google

соотвѣтственно четыремъ благамъ человѣческаго тѣла: здоровью, красотѣ, силамъ, удовольствію. Бэконъ называетъ эти части: медициною, косметикою, атлетикою и ученіемъ объ удовольствіяхъ (voluptaria). Наука о душѣ человѣка раздѣляется на ученіе о духѣ человѣка, или разумной душѣ, относящееся къ религіи или богословію, и ученіе о душѣ чувственной, общей человѣку съ животными, составляющее собственный предметъ философскихъ изслѣдованій. Послѣднее содержитъ въ себѣ двѣ части: науку о свойствахъ и способностяхъ души, и науку объ упражненіи послѣднихъ. Бэконъ придерживается дѣленія всѣхъ способностей души на два класса: умственныя (разумъ, разсудокъ, воображеніе, память) и практическія (желаніе, воля). Отсюда наука объ упражненіи способностей распадается на два отдѣла: логику (искусство изобрѣтенія, сужденія, запоминанія, передачи), и мораль (ученіе объ образцѣ или о благѣ, и ученіе о воспитаніи души, или георгику души).—Философія общественная заключаетъ въ себѣ слѣдующія части: ученіе объ обращеніи, ученіе о веденіи дѣлъ, и ученіе объ управленіи. Послѣднее распадается на экономику и политику.

Классификація наукъ Бэкона можетъ быть наглядно представлена въ слѣдующей таблицѣ:

Digitized by Google

Исторія.

1. Естественная.
   - Повѣствовательная.
     - Нормальныхъ образованій.
     - Уклоненій.
     - Механическихъ изобрѣтеній.
   - Индуктивная.

2. Гражданская
   - Исторія церкви.
   - Исторія литературы.
   - Собственно гражданская.
     - Мемуары.
     - Древности.
     - Настоящая Исторія (historia justa).

Прибавленія къ гражданской исторіи.
- Рѣчи.
- Переписка.
- Изрѣченія.

Поэзія.

Повѣствовательная.
Драматическая
Параболическая.

Digitized by Google

Философія.

1. Первая философія.
2. Философія природы:
   1) Теоретическая.
      1. Физика.
         - Ученіе о началахъ вещей.
         - Ученіе объ образованіи вещей.
         - Ученіе о разнообразіи вещей.
      2. Метафизика.
         - Ученіе о формахъ вещей.
         - Ученіе о конечныхъ причинахъ.
   2) Практическая:
      1. Механика.
      2. Магія.

   Великое прибавленіе къ философіи природы:

   Математика.
   - Чистая (Геометрія. Ариѳметика. Алгебра).
   - Смѣшанная (Ученіе о перспективѣ. Музыка. Астрономія. Космографія. Архитектура. Ученіе о машинахъ).

3. Философія человѣка:

   А. Какъ недѣлимаго:

   1) Общая.
      - О личности человѣка.
      - О связи души съ тѣломъ.
   2) Ученіе о тѣлѣ человѣка.
      - Медицина.
      - Косметика.
      - Атлетика.
      - Ученіе объ удовольствіяхъ.
   3) Ученіе о душѣ человѣка.
      (1) О способностяхъ души.
      (2) Объ упражненіи ихъ:

      Логика.
      - Ученіе объ изобрѣтеніи, сужденіи, запоминаніи, сообщеніи.

      Мораль.
      - Ученіе о благѣ.
      - Ученіе о воспитаніи души.

   В. Какъ общества.
   - Ученіе объ обращеніи.
   - Ученіе о дѣлахъ.
   - Ученіе объ управленіи.

Digitized by Google

3. Д'Аламберъ, составившій планъ знаменитой французской «Энциклопедіи», первый томъ которой появился въ 1751 году, руководствуется основными идеями Бэкона, и принимаетъ его дѣленіе человѣческихъ знаній на три отдѣла: исторію, философію, и поэзію. Въ подробностяхъ классификаціи Д'Аламбера отразились частію внушенія декартовой философіи, частію успѣхи наукъ послѣ Бэкона. Къ исторіи церкви (преданій) Д'Аламберъ прибавляетъ исторію священную (откровенія). Исторія естественная обнимаетъ однообразіе или правильное теченіе природы,—какъ оно наблюдается вообще въ небесныхъ тѣлахъ, животныхъ, растеніяхъ и т. д.;—затѣмъ, уклоненія отъ ея обычнаго теченія и, наконецъ, видоизмѣненія, вносимыя въ нее искусствомъ человѣка, или употребленіе ея произведеній. Мѣсто Бэконовой первой философіи занимаетъ у Д'Аламбера общая метафизика или онтологія, предметомъ которой поставлена часть вещей, указанныхъ Бэкономъ для первой философіи,—а именно изслѣдованія о возможности, существованіи, необходимости и т. д. Философія человѣка совпадаетъ съ наукою о душѣ, или пневматологіею, и распадается на логику и мораль, какъ науки, обнимающія теоретическое и практическое ученіе о способностяхъ души. Притомъ мораль заключаетъ въ себѣ и науки общественныя. Философія природы имѣетъ своимъ предметомъ тѣло, и раздѣляется на метафизику, и общую физику тѣлъ (ученіе о протяженіи, непроницаемости и проч.), математику, или ученіе о томъ свойствѣ тѣлъ, которое называется величиною или количествомъ,—и частную физику, подъ которою разумѣется вся совокупность частныхъ наукъ о тѣлахъ. Подъ поэзіею Д'Аламберъ разумѣетъ вообще изящныя искусства. Сущность классификаціи Д'Аламбера можетъ быть передана въ слѣдующей таблицѣ:

Digitized by Google

Digitized by Google

Исторія.

1. Священная. Церковная.
2. Гражданская (древняя и новая).
   - Собственно гражданская.
     - Мемуары.
     - Древности.
     - Полная Исторія.
   - Исторія литературы.
3. Естественная.
   - Однообразія природы.
   - Уклоненія природы.
   - Употребленіе природы.
     - Искусства.
     - Ремесла.
     - Мануфактуры.

1. Богословіе.
2. Пневматологія.

Логика
- Искусство
- Искусство за
- Искусство пе

Мораль
- Обща
- Частная.

3. Философія природы:
   1. Метафизика тѣлъ, и об
   2. Математика.
      - Чистая.
      - Смѣшанн
      - Физико-
   3. Частная физика.
      - Зоологія.
      - Астрономія
      - Метеорологія
      - Космологія.
      - Ботаника.
      - Химія.

Digitized by Google

офія.

- Наука объ органѣ рѣчи.
  - Грамматика.
    - Знаки.
    - Пособія.
    - Построеніе.
    - Синтаксисъ
    - Филологія.
    - Критика.
    - Педагогія.
- Науки о качествахъ рѣчи.
  - Реторика
  - Піитика

ѣ. Объ обязанностяхъ).

онахъ спру- я).
- Естественнная Экономика.
- Политика.

а.

етика.
- Численная.
- Алгебра.

трія.
- Элементарная.
- Трансцендентная (Теорія кривыхъ).

ика.
- Статика.
- Динамика.

триче- Астро- мія.
- Космографія.
- Хронологія.
- Гномовика.

ка.

тика.

и т. д.

ескія:

омія.
- Простая.
- Сравнительная.

логія.

цина.
- Гигіена.
- Патологія.
- Семіотика.
- Терапія.
  - Діэтетика.
  - Хирургія.
  - Фармація.

кая.

ологія.

логія.

огія.

ологія.

едѣліе.

водство.

Поэзія.

- Повѣствовательная.
  - Поэма Эпическая.
  - Мадригалъ.
  - Эпиграмма.
  - Романъ.
  - И т. д.
- Драматическая.
  - Трагедія.
  - Комедія.
  - Опера.
- Параболическая.
  - Аллегорія.

- Музыка.
- Живопись.
- Скульптура
- Архитектура.
- Гравированіе.

Digitized by Google

4. Замѣчательное предупрежденіе классификаціи О. Конта мы находимъ въ опытѣ *Нейля Арнотта*. Бэнъ излагаетъ его слѣдующимъ образомъ. «Докторъ Нейль Арноттъ, говоритъ онъ, въ своемъ сочиненіи по физикѣ, отпечатанномъ въ 1828 году, сдѣлалъ почти популярною классификацію болѣе сообразную съ духомъ новаго времени. Онъ дѣлитъ главныя науки на четыре класса, сообразно четыремъ великимъ категоріямъ законовъ, управляющихъ природою,—а именно: физику, химію, науку о жизни, науку о духѣ. Онъ разсматриваетъ математику какъ науку служащую необходимымъ введеніемъ во всѣ другія науки,—такъ какъ она есть наука о количествѣ или о мѣрѣ, но онъ думаетъ, что ее не слѣдуетъ включать въ число естественныхъ наукъ, подобно физикѣ или химіи. По его мнѣнію, всѣ науки даютъ происхожденіе искусствамъ.

«Въ трактатѣ изданномъ позднѣе и озаглавленномъ «Взглядъ на человѣческій прогрессъ», докторъ Арноттъ отмѣтилъ еще съ большею точностью различіе между науками и искусствами, и разницу наукъ конкретныхъ отъ абстрактныхъ.

«Науки конкретныя суть тѣ, которыя изучаютъ *вещи*: астрономія, географія, минералогія, геологія, ботаника, зоологія, исторія человѣка. Наука или философія абстрактная изучаетъ *явленія*, и обнимаетъ четыре главныя части: физику, химію, біологію, науку о духѣ. Искусства раздѣлены на четыре группы: механическія, химическія, физіологическія и нравственныя».

5. *О. Контъ* ищетъ «положительнаго», т. е. строго-научнаго начала самой классификаціи наукъ. «Это начало, говоритъ онъ, есть необходимое слѣдствіе одного лишь простого приложенія положительнаго метода къ самому вопросу о классификаціяхъ, который, подобно всякому другому вопросу, долженъ подлежать рѣшенію съ помощью наблюденія, а не соображеній à priori. Это начало состоитъ въ томъ, что классификація должна выходить изъ самаго изученія классифицируемыхъ предметовъ, и опредѣляться реальнымъ родствомъ и естественною связью, представляемыми ими, такъ чтобы классификація была сама выраженіемъ самаго общаго факта, открываемаго при идущемъ вглубь сравненіи обнимаемыхъ ею предметовъ.

Digitized by Google

«Такимъ образомъ, прилагая это основное правило къ подлежащему случаю, мы должны приступить къ классификаціи различныхъ положительныхъ наукъ, слѣдуя той взаимной зависимости, которая дѣйствительно существуетъ между ними; а эта зависимость, чтобы быть реальною, можетъ вытекать только изъ зависимости соотвѣтственныхъ явленій».

Приступая къ исполненію этой задачи, Контъ обращаетъ предварительное вниманіе на два слѣдующія дѣленія всѣхъ наукъ: а именно, во-первыхъ, на теоретическія и практическія, и во-вторыхъ, абстрактныя и конкретныя.

Науки теоретическія, или науки въ собственномъ смыслѣ, обнимаютъ наши знанія о природѣ; а науки практическія, или искусства, содержатъ тѣ пріемы, которые мы извлекаемъ изъ нашихъ знаній о природѣ, для измѣненія послѣдней въ свою пользу. Такимъ образомъ первыя служатъ основаніемъ вторыхъ. Знаніе законовъ явленій природы позволяетъ намъ предусматривать послѣднія; а предусмотрѣніе дозволяетъ дѣйствія, видоизмѣняющія ихъ въ нашу пользу. И такъ, искусства или науки практическія, должны быть отдѣляемы отъ наукъ теоретическихъ, какъ производныя отъ основныхъ. Отдѣльная разработка тѣхъ и другихъ тѣмъ нужнѣе, что каждое искусство зависитъ обыкновенно не отъ какой нибудь одной, а отъ многихъ или даже отъ всѣхъ главныхъ теоретическихъ наукъ. Такимъ образомъ, «истинная теорія земледѣлія требуетъ глубокаго сочетанія знаній физіологическихъ, химическихъ, физическихъ, и даже астрономическихъ и математическихъ.

Теоретическія науки Контъ раздѣляетъ, далѣе, на абстрактныя и конкретныя. Абстрактныя, или общія, «имѣютъ предметомъ открытіе законовъ, управляющихъ различными классами явленій, разсматривая всѣ мыслимые случаи»; «конкретныя же, частныя, описательныя, называемыя также иногда науками естественными въ собственномъ смыслѣ, состоятъ въ приложеніи этихъ законовъ къ дѣйствительной исторіи различныхъ существующихъ вещей». Такимъ образомъ, науки отвлеченныя называются «основными»,—науки конкретныя—«вторичными». Разницу между обоими классами наукъ можно замѣтить, напр., сравнивая, съ одной стороны, общую физіологію, а съ другой, зоологію и ботанику

Digitized by Google

въ собственномъ смыслѣ. Въ самомъ дѣлѣ, очевидно, что изучать вообще законы жизни, и опредѣлять въ частности способъ существованія каждаго живого тѣла, составляетъ два труда совершенно различнаго характера. Послѣднее изученіе притомъ необходимо опирается на первое.—Тоже прилагается къ химіи относительно минералогіи; первая есть очевидно раціональное основаніе послѣдней. Въ химіи разсматриваютъ всѣ возможныя сочетанія молекулъ, и во всѣхъ вообразимыхъ обстоятельствахъ; въ минералогіи же разсматриваютъ изъ этихъ комбинацій только тѣ, которыя оказываются реализованными въ дѣйствительномъ устройствѣ земного шара, и подъ вліяніемъ только тѣхъ обстоятельствъ, которыя свойственны ему».

«Философіи основныхъ (абстрактныхъ) наукъ, замѣчаетъ Контъ, представляющей систему положительныхъ понятій относительно всѣхъ порядковъ нашихъ реальныхъ знаній, достаточно, по этому самому, чтобы составить ту *первую философію*, которой искалъ Бэконъ».

Отдѣливши основныя науки отъ прикладныхъ и конкретныхъ, Контъ приступаетъ къ классификаціи первыхъ. Контъ напоминаетъ, что главная цѣль, преслѣдуемая этимъ энциклопедическимъ трудомъ, состоитъ въ расположеніи основныхъ наукъ «въ порядкѣ ихъ естественной связи, и соотвѣтственно ихъ взаимной зависимости; такъ чтобы можно было изложить ихъ, не впадая нигдѣ въ какой бы то ни было порочный кругъ». Но зависимость наукъ можетъ быть послѣдствіемъ только соотвѣтственной зависимости явленій. Теперь, «первый взглядъ на совокупность естественныхъ явленій заставляетъ насъ раздѣлить ихъ, сообразно съ установленнымъ нами началомъ, прежде всего, на два главныхъ великихъ класса: первый, обнимающій всѣ явленія тѣлъ неорганическихъ, второй—всѣ явленія тѣлъ органическихъ. Въ самомъ дѣлѣ, послѣднія сложнѣе и частнѣе первыхъ; они зависятъ отъ предыдущихъ, которыя, напротивъ, нисколько отъ нихъ не зависятъ. Отсюда, явленія физіологическія необходимо изучать не иначе, какъ послѣ явленій тѣлъ неорганическихъ».

Обращаясь къ физикѣ неорганической, Контъ дѣлитъ ее на физику небесную, или астрономію,—будетъ ли она геометрическою, или механическою,—и на физику земную. Астрономія изучаетъ явле-

Digitized by Google

нія всеобщаго тяготѣнія, которыя оказываются самыми общими, самыми простыми, самыми абстрактными изъ всѣхъ явленій природы; поэтому ими и должна начинаться философія природы. Такимъ образомъ астрономія должна предшествовать земной физикѣ. Послѣдняя, въ свою очередь, дѣлится на двѣ доли, смотря потому, изучаются ли земныя тѣла съ точки зрѣнія механической, или химической. Отсюда—физика въ тѣсномъ смыслѣ, и химія. «Послѣдняя, для изученія строго методическаго, требуетъ очевидно предварительнаго знанія первой, потому что всѣ явленія химическія необходимо сложнѣе физическихъ; они зависятъ отъ послѣднихъ, не имѣя сами обратнаго вліянія».

Переходя къ физикѣ органической, Контъ замѣчаетъ, что «всѣ живыя существа, представляютъ два существенно различныхъ порядка явленій: одни относятся къ недѣлимому, другіе—къ виду, особенно живущему обществомъ. Разница эта имѣетъ основное значеніе главнымъ образомъ въ приложеніи къ человѣку. Послѣдній порядокъ явленій очевидно сложнѣе и частнѣе перваго; онъ зависитъ отъ него, не имѣя обратнаго вліянія. Отсюда, два великіе отдѣла физики органической: физіологія въ тѣсномъ смыслѣ, и физика соціальная, основанная на первой».

Такимъ образомъ, основная философія естественно дѣлится на пять наукъ: астрономію, физику, химію, физіологію и соціальную физику. Въ этотъ перечень основныхъ наукъ должна быть введена еще математика. «Въ настоящемъ состояніи развитія нашихъ положительныхъ знаній, я думаю, слѣдуетъ разсматривать математическую науку, не столько какъ составную часть философіи природы въ собственномъ смыслѣ, сколько какъ истинное, коренное, со времени Декарта и Ньютона, основаніе всей этой философіи,—хотя, говоря точно, она есть вмѣстѣ то и другое». Контъ раздѣляетъ ее на три части: математическое исчисленіе (calcul), составляющее абстрактную часть математики, общую геометрію и раціональную механику,—составляющія ея конкретную часть. Чистымъ органомъ естественной философіи служитъ собственно абстрактная часть математики; «геометрія же и механика должны быть разсматриваемы, напротивъ, какъ истинныя науки о природѣ, основанныя, какъ и всѣ остальныя, на наблюденіи, хотя, вслѣдствіе крайней простоты своихъ явленій, онѣ допускаютъ без-

Digitized by Google

конечно болѣе совершенную ступень систематизаціи, которая иногда могла приводить къ непризнанію опытнаго характера ея первыхъ началъ. Но обѣ эти физическія науки имѣютъ ту особенность, что въ настоящемъ состояніи человѣческаго ума, онѣ употребляются и будутъ употребляться какъ методъ, гораздо больше чѣмъ какъ прямая наука. Какъ самая общая и простая, наука математики естественно становится во главѣ всѣхъ другихъ основныхъ наукъ. Такимъ образомъ, классификація всѣхъ наукъ и вообще человѣческихъ знаній по Конту можетъ быть, въ концѣ, представлена въ слѣдующей таблицѣ:

Исторія. *Философія.* } Теологическая. Метафизическая. Положительная (Науки).

Науки:

Теоретическія. Практическія (искусства).

Абстрактныя. Конкретныя.

Математика.
Исчисленіе.
Геометрія.
Механика.
Астрономія.
Физика.
Химія.
Физіологія.
Соціологія.

6. *Классификація Г. Спенсера.* Г. Спенсеръ не указываетъ спеціальныхъ цѣлей, преслѣдуемыхъ его классификаціею наукъ, а ограничивается указаніемъ общаго логическаго начала классификаціи. «Истинная классификація, говоритъ Спенсеръ, обнимаетъ въ каждомъ классѣ такіе предметы, которые имѣютъ больше общихъ свойствъ другъ съ другомъ, чѣмъ со всѣми предметами, исключенными изъ ихъ класса. Кромѣ того, свойства общія предметамъ сведеннымъ въ одну группу, и не принадлежащія другимъ предметамъ, должны быть важнѣе всѣхъ тѣхъ, которыя могутъ принадлежать другимъ предметамъ, т. е. должны покрывать большое число свойствъ подчиненныхъ». Итакъ, «если науки допускаютъ классификацію, послѣдняя можетъ имѣть мѣсто только при сведеніи

Digitized by Google

въ одинъ классъ предметовъ сходныхъ, и при отдѣленіи отъ нихъ въ другіе классы предметовъ отъ нихъ отличныхъ, соотвѣтственно данному выше опредѣленію».

Примѣняя свое начало классификаціи къ теоретическимъ наукамъ, Г. Спенсеръ находитъ Контово дѣленіе ихъ на абстрактныя и конкрентныя не удовлетворительнымъ. «Самое широкое естественное дѣленіе наукъ состоитъ въ раздѣленіи ихъ на два класса: науки имѣющія предметомъ абстрактныя отношенія, въ которыхъ представляются намъ явленія, и науки имѣющія предметомъ самыя явленія. Отношенія какого бы то ни было порядка имѣютъ болѣе родства другъ съ другомъ, чѣмъ съ какимъ бы то ни было предметомъ. Предметы какого бы то ни было порядка имѣютъ болѣе родства другъ съ другомъ, чѣмъ съ какимъ бы то ни было отношеніемъ. Пусть пространство и время, какъ нѣкоторые думаютъ, суть только формы мысли, или,—какъ думаю я самъ,—формы вещей, сдѣлавшіяся формами мысли вслѣдствіе организованнаго и наслѣдственнаго знанія вещей,—все же остается вѣрнымъ то, что пространство и время безусловно отличны отъ обнимаемыхъ ими вещей, и что науки занимающіяся только пространствомъ и временемъ отдѣлены глубокою разграничительною линіею отъ наукъ занимающихся вещами заключенными въ пространствѣ и временн. Пространство есть отвлеченная идея, обнимающая всѣ отношенія сосуществованія. Время есть отвлеченная идея обнимающая всѣ отношенія преемства. И такъ какъ отношенія сосуществованія и преемства, въ своихъ общихъ и частныхъ формахъ, суть единственный предметъ логики и математики, то послѣднія составляютъ классъ наукъ, отличный гораздо больше отъ другихъ наукъ, чѣмъ эти различаются между собою.

«Науки, занимающіяся не пустыми формами, въ которыхъ являются намъ вещи, а самыми вещами, допускаютъ подраздѣленіе, не столь глубокое, какъ выше указанное дѣленіе, но глубже всякаго другого дѣленія между науками разсматриваемыми порознь. Онѣ раздѣляются на два класса, различающіеся и характеромъ, и цѣлью, и методами. Каждое явленіе болѣе или менѣе сложно,—есть обнаруженіе силы многоразличными способами. Отсюда два предмета изслѣдованія: мы можемъ изучать порознь различные

Digitized by Google

способы обнаруженія силы, и можемъ изучать ихъ въ ихъ отношеніяхъ, т. е. насколько они содѣйствуютъ произведенію сложнаго явленія... Хотя истины, получаемыя первымъ способомъ изслѣдованія, конкретны, насколько онѣ относятся къ объективной реальности, но онѣ также и абстрактны, насколько относятся къ способамъ существованія, разсматриваемымъ отдѣльно одинъ отъ другого; между тѣмъ какъ истины, получаемыя вторымъ способомъ изслѣдованія, конкретны въ собственномъ смыслѣ, такъ какъ онѣ представляютъ факты въ состояніи ихъ сочетанія, т. е. такими, какъ они существуютъ въ природѣ».

Поэтому, Г. Спенсеръ представляетъ главныя дѣленія теоретическихъ наукъ въ слѣдующей таблицѣ:

	о формахъ явленій	наука отвлеченная	Логика и Математика	
Наука	о самыхъ явленіяхъ	въ ихъ элементахъ	Наука абстрактно-конкретная	Механика, Физика, Химія и проч.
		въ ихъ совокупности	Наука конкретная	Астрономія, Геологія, Біологія, Психологія, Соціологія и проч.

Г. Спенсеръ настойчиво указываетъ на то, что термины *абстрактный* и *конкретный* употребляются имъ не въ томъ смыслѣ, какъ у Конта. У послѣдняго, термины *абстрактный* и *общій*, въ приложеніи къ наукамъ, совпадаютъ. По Спенсеру, «слово *абстрактный* прилагается къ факту, отдѣленному отъ совокупности обстоятельствъ частнаго явленія; слово же *общій* прилагается къ факту, резюмирующему или представляющему многіе сходные факты». Держась этого словоупотребленія, Г. Спенсеръ считаетъ себя въ правѣ утверждать, что три указанные имъ класса наукъ различаются не по степени общности, а только по степени ихъ абстрактности.

Въ видахъ дальнѣйшихъ изслѣдованій, мы передаемъ нѣкоторыя черты данной Г. Спенсеромъ, таблицы наукъ конкретныхъ:

Digitized by Google

Наука конкретная.

- Всеобщіе законы непрерывнаго перераспредѣленія вещества и движенія,—Развитія и Разложенія.
- Законы дѣйствительно происходящаго перераспредѣленія.
  - Среди небесныхъ тѣлъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ какъ массъ (Астрономія).
  - Между молекулами какого бы то ни было небеснаго тѣла:
    - Астрогенія
      - Минералогія
      - Геологія
    - Геогенія
      - Біологія
        - Морфологія
        - Физіологія
        - Психологія
          - Соціологія.

По поводу возраженій Г. Спенсера на классификацію О. Конта, Д. С. Милль замѣтилъ: «Во всякой классификаціи можно найти ошибки. Есть сотни способовъ расположенія по классамъ какого нибудь собранія предметовъ; и почти всегда можно кое-что сказать противъ самаго лучшаго изъ нихъ, и въ пользу самаго худшаго. Но достоинство классификаціи зависитъ отъ цѣлей, къ осуществленію которыхъ она предназначается. Мы указывали на цѣли, которыя имѣла въ виду Контова классификація. Спенсеръ не доказалъ, чтобы она не отвѣчала этимъ цѣлямъ; а мы не можемъ сказать, чтобы его собственная соотвѣтствовала цѣлямъ столь же важнымъ». Притомъ самый порядокъ основныхъ наукъ въ трехъ классахъ Спенсера мало отличается отъ указаннаго Контомъ.

7. *Классификація Бэна.* Бэнъ не одобряетъ Спенсерова дѣленія основныхъ теоретическихъ наукъ на три класса. Разница между математикою и ближайшею «абстрактно-конкретною» наукою, т. е. раціональною механикою или кинематикою, совсѣмъ не такъ велика, какъ это полагаетъ Г. Спенсеръ. Притомъ, практически, это не имѣетъ значенія. Какова бы ни была разница между науками абстрактными и абстрактно-конкретными, математика все таки будетъ предшествовать механикѣ, въ логическомъ порядкѣ наукъ. Затѣмъ, терминъ *конкретный* Г. Спенсеръ употребляетъ совсѣмъ не въ обычномъ смыслѣ; обыкновенно, подъ конкретными науками разумѣютъ то, что разумѣлъ подъ ними

Digitized by Google

Контъ,—т. е. науки классификаціи и описаній, стремящіяся стать изъ эмпирическихъ дедуктивными. Кто не усвоитъ Спенсерова смысла этого термина, тотъ не пойметъ основательности раздѣленія наукъ на абстрактно-конкретныя и просто конкретныя, на которой настаиваетъ Спенсеръ. Поэтому Бэнъ считаетъ не основательнымъ отступать отъ Контова дѣленія наукъ на абстрактныя и конкретныя, но признаетъ за классификаціею Спенсера двѣ важныя заслуги: она даетъ мѣсто логикѣ впереди математики, и включаетъ психологію въ число теоретическихъ наукъ. Отсюда Бэнъ даетъ классификацію наукъ, которая можетъ быть представлена въ слѣдующей таблицѣ:

Науки теоретическія.	Практическія (искусства).
Абстрактныя:	
Логика (какъ ученіе объ общихъ началахъ логическихъ правилъ).	Напр.
Математика.	
Механика (наука о движеніяхъ массъ).	Земледѣліе.
Молекулярная физика. (Сцѣпленіе, теплота, свѣтъ и проч.).	Мореплаваніе.
Химія.	Металлургія.
Біологія.	Артиллерія.
Психологія.	Машиностроеніе.
	Красильное искусство и другія вѣтви промышленности.
Конкретныя:	Медицина.
Конкретныя части Механики (астрономія, ученіе о паденіи тѣлъ на землю, статика, гидростатика, динамика, гидродинамика, акустика).	Этика.
	Логика (какъ система правилъ).
Конкретныя части Біологіи (ботаника, зоологія, анатомія и физіологія человѣческаго тѣла).	Эстетика.
	Реторика.
Конкретныя части Психологіи (ученіе о характерахъ и проч.).	Грамматика.
	Педагогика.
Науки имѣющія дѣло съ явленіями мѣстныхъ свойствъ (метеорологія, минералогія, геологія, географія).	Политика (практическая).
	Юриспруденція.
Наука соціальная, иначе политика теоретическая, или соціологія.	Право.
	Политическая экономія.
Филологія.	

Digitized by Google

Бэнъ замѣчаетъ, что иныя практическія науки, какъ политика, политическая экономія, юриспруденція, право, даже этика, могутъ быть обрабатываемы и теоретически, какъ конкретныя теоретическія науки. Притомъ каждая практическая вѣтвь знаній проходитъ двѣ ступени развитія: чисто эмпирическую, когда знанія почерпаются изъ одной практики искусства,—и научную, когда къ объясненію и направленію искусства прилагается теорія, т. е. одна или нѣсколько наукъ теоретическихъ. Искусства становятся практическими науками только на послѣдней ступени своего развитія.

Ясно также, что въ настоящее время можно настаивать на систематическомъ порядкѣ только основныхъ или абстрактныхъ теоретическихъ наукъ, который опредѣляется характеромъ изучаемыхъ ими явленій, т. е. ихъ сравнительною простотою и взаимною зависимостью.

Изъ этого видно, что самыя важныя отличія Бэна отъ Конта, въ ученіи о классификаціи наукъ, состоятъ въ томъ, что Бэнъ вводитъ въ число основныхъ теоретическихъ наукъ теоретическую логику, и психологію, а науку общественную или соціологію причисляетъ къ наукамъ конкретнымъ.

8. Таковы существенныя черты исторіи классификаціи наукъ. Мы дополнимъ наше изложеніе ея слѣдующими подробностями.

Локкъ, въ своемъ дѣленіи науки, придерживается древнихъ образцовъ. «Все подлежащее операціямъ человѣческаго ума, говоритъ онъ, обнимаетъ: 1) природу вещей, какъ онѣ существуютъ сами по себѣ, ихъ отношенія и ихъ способъ дѣйствія; 2) то что долженъ дѣлать человѣкъ, въ качествѣ свободнаго и разумнаго дѣятеля, для достиженія какой нибудь цѣли, особенно счастія; 3) средства къ достиженію познаній этихъ двухъ предметовъ, и къ передачѣ ихъ. Поэтому я думаю, что наука можетъ быть раздѣлена собственно на три вѣтви:

«1) Φυσικὴ или философію природы. Цѣлью ея служитъ истина теоретическая (speculative). Въ этотъ классъ вводится все представляющееся человѣческому духу; напр. Богъ, ангелы, духъ, тѣло или модификаціи каждаго, каковы число, фигура и т. д.

«2) Πρακτικὴ, или искусство пользоваться своими способностями и дѣйствіями для достиженія добраго и полезнаго. Важнѣйшая

Digitized by Google

вѣтвь его есть мораль или этика, цѣлью которой служитъ изысканіе правилъ человѣческихъ дѣйствій, ведущихъ къ счастью, и средствъ къ выполненію ихъ; она предписываетъ не какую нибудь пустую теорію, а справедливость и сообразное съ нею поведеніе.

«3) Σημειωτική, или ученіе о знакахъ. Такъ какъ самые употребительные знаки суть слова, то ее назвали также, довольно справедливо, Λογική, логикою. Цѣль ея—разсмотрѣть природу знаковъ, которыми духъ пользуетсн для разумѣнія вещей, или для объясненія ихъ другимъ». — Локкъ считаетъ это трехчастное дѣленіе всѣхъ предметовъ нашего ума «самымъ общимъ и самымъ естественнымъ».

Адамъ Смитъ, подобно Локку, держится дѣленія древней философіи «на физику или философію природы, этику или нравственную философію, и логику». «Такъ какъ духъ человѣческій и Божество, какова бы ни была ихъ сущность, суть составныя части великой системы вселенной, — части самой высокой важности,— то, поэтому, все чему въ древнихъ школахъ учили объ ихъ природѣ, составляло часть системы физики».

Такимъ же образомъ, докторъ *Кампбеллъ* причисляетъ къ физикѣ (или физіологіи) не только естественную исторію, астрономію, географію, механику, оптику, гидростатику, метеорологію, медицину, химію, но также естественное богословіе и психологію.

Д. Стюартъ утверждаетъ, что допускаемое предыдущими писателями смѣшеніе столь разнородныхъ вещей, какъ духъ и матерія, въ одной наукѣ, называемой физикою, не можетъ быть оправдано съ логической точки зрѣнія. «Не смотря на всѣ эти авторитеты, говоритъ онъ, трудно принять распорядокъ, который, вводя въ классъ астрономіи, механики, оптики и гидростатики, — столь отличныя отъ нихъ ученія естественнаго богословія и философіи человѣческаго духа, отдѣляетъ отъ двухъ послѣднихъ науки столь близкія къ нимъ, этику и логику. Человѣческій духъ, какъ и окружающій его матеріальный міръ, составляетъ, правда, часть великой системы вселенной, но можно ли представить двѣ части одного цѣлаго, болѣе различныя и болѣе діаметрально противоположныя во всѣхъ своихъ характеристическихъ свойствахъ? Не принадлежитъ ли одинъ собственно *наблюденію*,—той способ-

Digitized by Google

ности, которая имѣетъ дѣло съ перцепціями и впечатлѣніями органовъ тѣлесныхъ, — а другой — исключительно *рефлексіи*,— операціи, дающей знать о всѣхъ обычныхъ навыкахъ ума, отдѣляя мысли отъ чувственныхъ предметовъ, и даже пытаясь отдѣлить ихъ отъ чувственныхъ образовъ? Можно ли сдѣлать большее злоупотребленіе знаками рѣчи, прилагая тоже имя къ двумъ вѣтвямъ науки, привлекающимъ нашу любознательность въ направленіяхъ совершенно противоположныхъ, и способныхъ создавать умственные таланты, если не совершенно несовмѣстимые, то по крайней мѣрѣ рѣдко встрѣчающіеся въ одномъ и томъ же лицѣ? Въ частности, слово *физика*, которое отъ долгаго и постояннаго употребленія ограничено явленіями матеріи, не можетъ не поражать насъ своею аномаліею и недостаткомъ логики, когда оно прилагается къ явленіямъ мысли и сознанія?» Поэтому Д. Стюартъ одобряетъ Д'Аламберово дѣленіе философіи на науку о духѣ и науку о веществѣ.

Разсужденія Д. Стюарта, конечно, остались не безъ вліянія на мнѣнія англійскихъ ученыхъ, протестовавшихъ противъ классификаціи О. Конта, не выдѣляющей психологіи изъ біологіи. Этимъ протестомъ особенно извѣстенъ *Стюартъ Милль*, отдѣляющій отъ наукъ физическихъ науки о духѣ, къ которымъ онъ относитъ психологію, этологію, соціологію, и такія практическія науки какъ этика, политика и проч. Эта особенность не мѣшаетъ Д. С. Миллю одобрять Контово дѣленіе наукъ на абстрактныя и конкретныя, равно какъ и его іерархію основныхъ или абстрактныхъ наукъ относительно первыхъ пяти членовъ, т. .е математики, астрономіи, физики, химіи, біологіи.

Вьюэлль (Whewell) составилъ классификацію наукъ, выходя изъ началъ шотландской философіи. Она представлена имъ въ слѣдующей таблицѣ:

Digitized by Google

Классификація.	*Науки.*	*Основныя идеи.*
Науки чистой математики.	Геометрія	Пространство.
	. . . . .	Время.
	Ариѳметика . . .	*Число.*
	Алгебра	Символъ.
	Дифференціальное исчисленіе . . .	Предѣлъ.
Чистыя науки о движеніяхъ.	Чистая механика. .	*Движеніе.*
	Формальная астрономія.	
Механическія науки.	Статика.	Причина. *Сила.*
	Динамика	*Матерія.*
	Гидростатика . . .	*Инерція.*
	Гидродинамика . .	*Давленіе жидкости.*
	Физическая астрономія.	
Вторично-механическія науки (физика).	Акустика. Оптика и проч.	
Аналитико-механическія (физика).	Электричество. . .	Полярность.
	Магнетизмъ и проч.	
Аналитическая наука.	Химія	Элементъ (*Сложеніе*). *Химическое сродство.* Субстанція (атомъ).
Аналитико-классификаціонныя науки.	Кристаллографія. . .	Симметрія.
	Систематическая минералогія.	Сходство.
	Систематическая ботаника.	Степени сходства.
Науки классификаціи.	Систематич. зоологія.	
	Сравнительная анатомія.	
Органическія науки.	Біологія	(*Организація*).
(*Метафизика*).	Психологія.	Конечная причина. Инстинктъ. Духовное волненіе. Мысль.

Digitized by Google

Классификація.	*Науки.*	*Основныя идеи.*
Палетіологическія науки	Геологія	Историческія причины.
	Распредѣленіе растеній и животныхъ.	
	Глоссологія.	
	Этнографія.	
	Естественное Богословіе.	Первая причина.

Во Франціи, *Жоржъ Бентамъ*, на основаніи Хрестоматіи Іереміи Бентама, сдѣлалъ опытъ классификаціи наукъ по началу дихотоміи, направленный къ исправленію и пополненію классификаціи Д'Аламбера. Классификація Бентама, строго дихотомическая, оказывается въ высшей степени искусственною. Къ той же цѣли стремилась и классификація *Ампера*, представляющая гораздо болѣе интереса. Характеръ ея можно видѣть изъ слѣдующей таблицы, представляющей основныя дѣленія наукъ теоретическихъ и практическихъ:

Digitized by Google

Космологическія.

1. Космологическія въ собствен. смыслѣ . .
   - Математическія . . .
     - Математическія въ ствен. смыслѣ .
     - Физико-математич.
   - Физическія . . . .
     - Физическ. въ соб. с
     - Геологическія . . .
2. Физіологическія . . .
   - Естественныя. . .
     - Фитологическія . . .
     - Зоологическія собств
   - Медицинскія . . .
     - Физико-медицинскія.
     - Собственно медицин

Ноологическія.

Ноологическія въ собственномъ смыслѣ. .
- Философскія . . .
  - Философскія собствен
  - Моральныя . . . . .
- Ноотехническія . .
  - Ноотехническ. собст
  - Дидагматическія. . .

Соціальныя. . . . . .
- Этнологическія . .
  - Этнологическ. собст
  - Историческія. . . . .
- Политическія . . .
  - Физико-обществен. .
  - Этногенетическія . .

Digitized by Google

ритмологія. [Аритмографія. Матем. анализъ. Теорія функцій. Теорія вѣроятностей.
еометрія. [Синтетическая. Аналитическая и проч.
еханика. [Кинематика. Статика и проч.
ранологія. [Уранографія. Астрономія и пр.
бщая Физика. [Эксперимент. Физика. Химія и проч.
ехнологія. [Технографія. Промышлен. Физика и проч.
еологія. [Физическ. Географія. Минералогія и проч.
риктотехнія. [Разработка минъ. Минер. Физика и проч.

отаника. [Фитографія. Анатомія и Физіологія растеній и проч.
емледѣліе.
оологія. [Зоографія. Анатомія животн. Зоономія. Физіологія животн.
отехнія. и проч.
едицинская физика. [Фармацефтика. Діэтетика и проч.
игіена. [Профилактика и проч.
осологія. [Носографія. Патологич. Анатомія и проч.
едицинская практика. [Діагностика. Спеціал. Терапія и проч.

сихологія. [Психографія. Логика. Методологія и проч.
нтологія. [Онтотетика. Теодицея и проч.
тика. [Этографія. Моральн. Практика и проч.
елесіологія.
ехнэстетика. [Философія изящныхъ искусствъ и проч.
носсологія. [Лексикографія. Глоссономія. Филос. языковъ и проч.
итература. [Библіографія. Сравнит. Литература и проч.
едагогика. [Теорія воспитанія и проч.

тнологія. [Этнографія. Сравнительн. Географія и проч.
рхеологія. [Мнеміографія. Археологич. Критика и проч.
сторія. [Хронографія. Сравнит. исторія. Философія исторіи и проч.
рологія.
оціальная Экономія. [Статистика и пр.
оенное искусство. [Тактика. Стратегія и проч.
омологія. [Номографія. Юриспруденція. Сравнит. Законодательство. Теорія Законовъ.
олитика. [Дипломатія. Гибернетика. Теорія власти и пр.

Digitized by Google

Изъ писателей нашего десятилѣтія обращаетъ на себя вниманіе своею классификаціею *Бурдо*. Онъ признаетъ семь слѣдующихъ основныхъ наукъ: Онтологію, Математику, Динамику, Фи-

Раздѣленіе

Предметы наукъ.	Феноменологія, Анализъ фактовъ:	
	Элементарныхъ, или твердыхъ.	Сложныхъ, или пер мѣнныхъ.
1. Положительная Онтологія или Логика, наука о реальностяхъ.	Элементарная Онтологія, т. е. объ идеяхъ объективныхъ.	Онтологія спеціаль т. е. объ идеяхъ су ективныхъ.
2. Метрологія или Математика, наука о величинахъ.	Элементарная Математика, т. е. о числахъ.	Спеціальная Матема ка, т. е. о прот ніи.
3. Тезеологія или Динамика, наука о положеніяхъ.	Элемент. Динамика, т. е. о равновѣсіи.	Спеціал. Динамика, о движеніи.
4. Пойологія или Физика, наука о модальностяхъ.	Элемент. Физика, т. е. о постоянныхъ модальностяхъ.	Спеціальн. Физика, о модальностяхъ мѣнчивыхъ.
5. Кразеологія или Химія, наука о сочетаніяхъ.	Элемент. Химія. т. е. о субстанціяхъ твердыхъ (fixes).	Спеціальн. Химія, о субстанціяхъ вижныхъ (muables)
6. Морфологія, наука о формахъ.	Элемент. Морфологія, т. е. о матеріалахъ.	Спеціальн. Морфол т. е. о способ строенія.
7. Праксеологія, наука о функціяхъ.	Элемент. Праксеологія, т. е. о функціяхъ соматическихъ.	Спеціал. Праксеол т. е. о функціяхъ хическихъ.

Digitized by Google

зику, Химію, Морфологію, Праксеологію. Характеръ его классификаціи можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

:ъ.

инологія (Κοινολογία),	Синтезъ отношеній.	Методы наукъ.
тныхъ, или ряда.	Общихъ, или совокупности.	
внитетельная Онтотія, т. е. объ ассоя идей.	Общая Онтологія, т. е. объ отожествленіи идей.	Методъ интуиціи.
внительн. Математика, т. е. объ отношеніи величинъ.	Общая Математика, т. е. объ уравненіи величинъ.	Методъ дедукціи.
внит. Динамика, т. орезультатахъдѣйвій.	Общая Динамика, т. е. о законахъ коллёкаціи.	Методъ наблюденія.
внит. Физика, т. е. соотношеніяхъ мольностей.	Общая Физика, т. е. о единствѣфизическихъ силъ.	Методъ экспериментаціи.
внит. Химія, т. е. тепеняхъ сложенія.	Общая Химія, т. е. о законахъ сложенія (composition).	Методъ интеграціи.
внит. Морфологія, е. объ отношеніяхъ ластическихъ.	Общая Морфологія, т. е. о законахъ конформаціи.	Методъ сравненія.
внит. Праксеологія, е. объ отношеніяхъ нкцій.	Общая Праксеологія, т. е. о законахъ функціонированія.	Методъ связи (connexion)

Digitized by Google

Ліяръ держится распространеннаго дѣленія наукъ на математическія, физическія и нравственныя. «Предметы наукъ, говоритъ онъ, могутъ быть разложены на три главныя группы: 1. предметы математическіе,—число и фигуры; 2. предметы физическіе,—явленія природы инертной и природы живой; 3. предметы нравственные,—человѣкъ и человѣческія событія. Отсюда три главныхъ порядка наукъ: 1. Науки математическія; 2. Науки физическія; 3. Науки нравственныя».—Точно также, *Рабье* разсматриваетъ въ слѣдующемъ порядкѣ методы наукъ:—физическихъ или физіологическихъ; математическихъ; нравственныхъ.

Изъ новѣйшихъ писателей Германіи, *Масарикъ* остается на почвѣ классификаціи Конта и Г. Спенсера, а *Дюрингъ* и *Вундтъ* держатся трехчастнаго дѣленія наукъ на математическія, естественныя, и нравственныя или гуманныя. Дюрингъ, вслѣдъ за Г. Спенсеромъ и Бэномъ, ставитъ логику въ одну группу съ математикою. Вундтъ, въ отдѣлѣ наукъ естественныхъ, удерживаетъ іерархію О. Конта, разсматривая ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ: механика, физика, химія, біологія. Науки нравственныя онъ называетъ терминомъ Д. С. Милля: *науки о духѣ*.

Изъ Русскихъ писателей вопросомъ классификаціи наукъ занимался *Н. Я. Гротъ*. Онъ принимаетъ шесть основныхъ наукъ: Космологію, Геологію, Фитологію, Зоологію, Психологію, Соціологію. Каждая изъ нихъ обработывается въ четырехъ видахъ: какъ конкретная, конкретно-абстрактная, абстрактная, и абстрактно-конкретная. Напр. Зоологія—какъ Зоографія, Зоогенія, Біологія, Зоономія.

Ampere, A. M. Essai sur la philosophie des Sciences, ou Exposition Analytique d'une classification naturelle de toutes les connaissances humaines. 2 Parties. 1838.

Bacon, Instavratio Magna. Ed. Bouillet. 1854.

Bain, A. Logic. 1870.

Digitized by Google

Bentham, G. Essai sur la Nomenclature et la Classification des principales branches d'art-et-science; ouvrage, extrait de Chrestomatie de Jeremie Bentham. 1823.

Bourdeau, L. Theorie des sciences. Plan de science integrale. 2 Voll. 1882. Paris.

Campbell. Philosophy of Retoric. Booc. 1. Chap. 1.

Comte, A. Cours de philosophie positive. Tom. 1. 2 ed. 1869.

Гротъ, Н. Я. Къ вопросу о классификаціи наукъ. 1884.

Janet, Paul. Traité élementaire de philosophie. 1874.

Krug, W. T. Versuch einer neuen Eintheilung der Wissenschaften. 1885

Liard. La Logique. 1884.

Locke, Works. A new Edit. 1823.

Masaryk, Th. G. Versuch einer Concreten Logik. (Classification und Organisation der Wissenschaften.) 1887.

Mill, D. S. A System of Logic. ratiotinative and inductive. In two Volumes. 8-th. edit. 1872.

— Auguste Comte and Positivism. Sec. edit. 1866.

Peirce, C. S. La Logique de la science. Revue philos. par Ribot. Vol. VI. et VII.

Rabier, C. Leçons de Philosophie. II. Logique. 1880.

Smith, A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. Vol. III. Booc. V. 1828.

Spencer, H. Classification of sciences. 3—th. edit.

Stewart, D. Oeuvres, trad. p. Buchon. Histoire abregée des sciences metaphysiques etc. 1822.

Whewell. Nowum Organum Renovatum. 3—th. ed. 1854.

Digitized by Google

ГЛАВА II.

В. Опредѣленіе философіи и его исторія.

1. Хотя ученія называемыя *философскими*, появились въ Греціи еще въ концѣ VII-го вѣка до Р. Х., однако имя *философіи*, какъ названіе такихъ ученій, появилось, повидимому, не раньше временъ Сократа. *Ксенофонтъ* упоминаетъ о лицахъ называвшихъ себя «философствующими».

У *Платона* терминъ философія получаетъ нѣкоторую опредѣленность. Онъ отличаетъ философа отъ софиста и политика. Философъ идетъ далѣе вещей чувственныхъ или явленій: «философы, это тѣ, которые способны постигать вѣчное и неподвижное; которые отдаютъ свою любовь тому, что во всѣхъ случаяхъ существуетъ дѣйствительно». (Rep. 480). Такимъ образомъ, философъ стремится къ познанію того, что Платонъ называетъ «идеями» или «міромъ идей»,—вѣчныхъ образцовъ или формъ смѣняющихся вещей.—Но Платонъ не дѣлаетъ рѣшительнаго различія между философіею и науками; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ называетъ философіею и всякую науку. Въ одномъ изъ его разговоровъ встрѣчается выраженіе: «о геометріи или какой нибудь другой философіи».

Такое же употребленіе нашего термина встрѣчается и у *Аристотеля*. Аристотель не отдѣляетъ отъ философіи ни математики, ни естествознанія; въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ о трехъ философіяхъ: математической, физической и богословской. Но собственнымъ предметомъ философа онъ признаетъ, въ другомъ мѣстѣ, «первую философію», которую послѣ него назвали метафизикою.

Digitized by Google

Терминъ философіи опредѣлился повидимому совершенно случайно, вслѣдствіе фактическаго раздѣленія ученыхъ изслѣдованій. Съ одной стороны, называвшіе себя философами ограничивались въ своихъ ученіяхъ метафизикою, философіею религіи, психологіею, логикою, этикою, эстетикою и политикою. Это именно мы наблюдаемъ не только у Платона и Аристотеля, но и у ближайшихъ къ нимъ философовъ, именно школы стоической и школы эпикурейской. Съ другой, въ періодъ александрійскій, явились великіе труды по математикѣ, астрономіи, механикѣ и другимъ наукамъ, принадлежавшіе людямъ не претендовавшимъ на имя философовъ. Естественно, что въ той же Александріи, гдѣ явились представители науки, помимо философовъ, остались и философы, не претендовавшіе на занятіе науками математическими и естественными. Это именно мы и наблюдаемъ въ такъ-называемой *неоплатонической* философіи, имѣвшей такой успѣхъ между первыми мыслителями христіанства.

Вслѣдствіе этихъ традицій, курсъ философіи въ среднихъ вѣкахъ,— такъ-называемой схоластической,— ограничивался существенно тремя доктринами: метафизикою (которая раздѣлялась на онтологію,—ученіе о бытіи вообще, — раціональную космологію, раціональную пневматологію, и раціональное богословіе), логикою и этикою.

2. Въ новое время понятія о философіи крайне расходятся между собою еще и донынѣ.

Въ европейскихъ университетахъ читается до сихъ поръ собственно курсъ схоластической философіи: логика, метафизика и этика, къ которымъ прибавляютъ иногда одну, или нѣсколько, изъ слѣдующихъ наукъ: психологію (не метафизическую), эстетику, философію права, философію религіи, философію исторіи, политику.

При этомъ, большинство преподавателей философіи новаго времени стараются обработывать философскія ученія по методамъ строго-научнымъ, съ помощью дедукціи, опирающейся на индукцію или на опытъ; но меньшинство остается вѣрнымъ ученію объ особомъ источникѣ философскихъ истинъ, какъ независимыхъ отъ опыта, или ученію о понятіяхъ и познаніяхъ à priori.

Digitized by Google

3. Новая философія разработывалась однако по преимуществу внѣ школы; и здѣсь-то мы встрѣчаемъ наибольшее разнообразіе въ мнѣніяхъ о ея предметѣ и объемѣ. Въ виду рѣзкой критики, направленной противъ метафизики школами Локка и Канта, и стремленія нѣкоторыхъ философовъ видѣть въ ней всю суть философіи, нѣкоторые писатели новаго времени высказываютъ мысль, что философія есть ничто иное какъ собраніе *гипотезъ* относительно природы вещей, имѣющихъ цѣну только въ смыслѣ постановки вопросовъ, или какъ временная антиципація научныхъ рѣшеній (нѣкоторые позитивисты Англіи). Другіе допускаютъ, что философія имѣетъ дѣло съ однѣми *вѣроятностями*, и потому не имѣетъ ничего общаго съ науками, которыя обладаютъ достовѣрностью (Бурдо). Наконецъ, третьи считаютъ ее системою *знаній*, которая, впрочемъ, у нѣкоторыхъ не исключаетъ гипотетическаго и проблематическаго элементовъ.

4. Писатели, разсматривающіе философію какъ систему знаній, раздѣляются, главнымъ образомъ, на три класса. Одни противополагаютъ философію исторіи, поэзіи и богословію, отожествляя философію съ наукою или системою наукъ. Во главѣ этихъ писателей стоятъ *Бэконъ*, и его продолжатели, *Дидро* и *Д'Аламберъ*. Бэконъ прямо заявляетъ, что подъ философіею онъ разумѣетъ науки; но раздѣляетъ философію на *первую*, или *первичную* (Philosophia prima) и *вторую*, или *вторичную* (Philosophia secunda). Подъ первою философіею онъ разумѣетъ науку объ аксіомахъ общихъ всѣмъ или многимъ наукамъ, — при чемъ подъ аксіомами разумѣетъ не только аксіомы въ смыслѣ математики, но и то что̀ называютъ «законами природы»;—слѣдов. науку о *началахъ* всѣхъ наукъ, не столько въ смыслѣ общихъ или основныхъ понятій,—такъ какъ и это не исключается его выраженіями,—сколько въ смыслѣ самыхъ широкихъ реальныхъ предложеній. Подъ второю философіею онъ разумѣетъ науки о природѣ и науки о человѣкѣ. Естественное богословіе онъ принимаетъ въ свою классификацію ученій, но не признаетъ наукою въ строгомъ смыслѣ. Математику считаетъ не наукою о природѣ, а органомъ этой науки.

Подъ вліяніемъ Бэкона и Д'Аламбера работалъ *О. Контъ*. Не отрицая философіи богословской, вслѣдъ за этими обоими писателями,—и философіи метафизической,—однако не въ смыслѣ тѣхъ

Digitized by Google

же писателей, а въ смыслѣ схоластической онтологіи,—онъ останавливается, впрочемъ, только на философіи какъ наукѣ: богословіе и метафизика представляютъ для Конта ранніе, незрѣлые, ненаучные опыты истолкованія природы. Философія какъ наука, или система наукъ, названа имъ *положительною*,—терминъ, встрѣчавшійся и раньше Конта, напр. у *Гертли*, въ томъ же самомъ смыслѣ,—т. е. въ смыслѣ философіи какъ науки, — и подавшій поводъ къ названію всей системы Конта, со всѣми ея особенностями, даже ошибками, *позитивизмомъ* по преимуществу. Слѣдуетъ замѣтить, что Контъ неоднократно заявлялъ, что онъ считаетъ дѣломъ возможнымъ, хотя и будущимъ, научную обработку искусствъ и исторіи, и слѣдов. имѣетъ передъ глазами широкую классификацію философіи Бэкона и Д'Аламбера; но, для собственнаго опыта философіи положительной, ограничиваетъ ее такъ-называемыми имъ *абстрактными* или *основными* науками. Притомъ, подобно Д'Аламберу, онъ не только не даетъ, въ своей классификаціи наукъ, мѣста для «первой философіи» Бэкона, но заявляетъ прямо, что подъ первою философіею Бэкона нельзя разумѣть ничего другого, кромѣ абстрактныхъ наукъ, которыя Бэконъ относилъ ко второй философіи.—Къ взглядамъ Бэкона, Д'Аламбера и О. Конта (взглядамъ, общимъ впрочемъ и множеству другихъ писателей XVII и XVIII вѣка, въ томъ числѣ *Гоббсу, Декарту* и проч.), примыкаетъ ученіе о томъ же предметѣ *Г. Спенсера*. Для него философія, также, почти тожественна съ наукою; но онъ точнѣе слѣдуетъ традиціямъ Бэкона, давши опытъ «первой философіи» въ смыслѣ Бэкона, подъ именемъ науки «о первыхъ началахъ».

Вторая группа писателей разумѣетъ подъ философіею преимущественно науки о духѣ, и даже психологію, съ нѣкоторымъ количествомъ наукъ практическихъ, въ смыслѣ школьной философіи. Это особенно распространено въ Англіи, гдѣ психологія достигла впервые блестящей разработки.

Наконецъ, третья группа, не отдѣляя философіи отъ науки, поставила своею задачею, ограничить объемъ первой сравнительно съ послѣднею. Всѣ попытки этой группы сводятся къ соединенію «первой философіи» Бэкона, съ нѣкоторою «второю философіею», не вполнѣ сливающеюся съ науками о природѣ, или матеріи и движеніи, и съ науками о духѣ. Самымъ простымъ рѣшеніемъ

Digitized by Google

этого вопроса является приложеніе Бэконовой идеи «началъ общихъ всѣмъ или многимъ наукамъ», къ наукамъ о природѣ, и къ наукамъ о духѣ. Философія духа должна излагать начала общія наукамъ о духѣ; философія природы—начала общія наукамъ о природѣ (Ибервегъ, Сетъ). Этотъ взглядъ можетъ быть распространенъ и на любой отдѣлъ наукъ. Отсюда можно говорить о философіи *уголовнаго права* (Франкъ), философіи *искусства въ Голландіи* (Тэнъ), философіи *архитектуры въ Греціи* (Гутми), философіи *французской революціи* (П. Жанэ); и т. д. Нѣмецкіе позитивисты (Авенаріусъ, Паульсенъ, Герингъ и др.), примыкая къ идеѣ такой положительной или научной философіи, настаиваютъ особенно на томъ, что содержаніе философіи должно составляться не началами вообще, а спеціально тѣми классами началъ, которыя называются понятіями, терминами, и выступаютъ въ опредѣленіяхъ. Система самыхъ общихъ понятій въ системѣ спеціальныхъ наукъ, — вотъ что собственно должно составлять содержаніе философіи.

5. Спрашивается: какое изъ опредѣленій философіи, указанныхъ нами, должно быть признано наиболѣе вѣрнымъ?

Прежде всего замѣтимъ, что игнорированіе школьного опредѣленія объема философіи должно привести ко многимъ практическимъ затрудненіямъ. Если бы философія означала только совокупность наукъ, то, очевидно, что для кафедры философіи, подлѣ кафедръ различныхъ наукъ, не оставалось бы мѣста. Между тѣмъ, кафедры философіи существуютъ во всѣхъ университетахъ, и существованіе ихъ нигдѣ не признается излишествомъ, по той простой причинѣ, что на долю кафедры философіи остаются многія науки, на которыя не претендуютъ другія кафедры, каковы именно: *логика*, *метафизика*, *этика* и нѣкоторыя другія. Закрывши кафедры философіи, мы не могли бы придумать, къ какой другой кафедрѣ пріурочить эти ученія; а это доказываетъ ясно, что школьное опредѣленіе философіи имѣетъ свои твердыя основанія, и что философія въ школьномъ смыслѣ должна быть предметомъ преподаванія, наряду съ предметами другихъ кафедръ.

6. Но эти практическія соображенія не даютъ теоретическаго рѣшенія нашего вопроса. Школьная философія тянется изъ среднихъ вѣковъ, и не можетъ быть отнесена далѣе неоплатонической

Digitized by Google

школы. У Платона и Аристотеля, какъ мы видѣли, былъ и другой, болѣе широкій взглядъ на философію, къ которому близко примкнули величайшіе мыслители новаго времени, какъ Бэконъ, Гоббсъ, Декартъ, Д'Аламберъ, О. Контъ, Г. Спенсеръ и другіе. Теперь спрашивается: изъ-за практическихъ удобствъ преподаванія, должны ли мы подчиняться схоластическимъ традиціямъ, ограничивая философію курсомъ логики, метафизики и этики?

Думаемъ, что на это слѣдуетъ отвѣчать отрицательно, имѣя въ виду практику самой школы. Кто прослѣдитъ программы преподаванія философіи, въ три послѣднія столѣтія, въ европейскихъ университетахъ, особенно во Франціи и Германіи, тотъ убѣдится въ двухъ безспорныхъ фактахъ: во-первыхъ, перечисленіе философскихъ ученій до сихъ поръ еще колеблется; во-вторыхъ, существуетъ несомнѣнное стремленіе къ расширенію ея объема, или къ сближенію со взглядами на философію, господствовавшими когда-то въ древности, и господствующими до сихъ поръ внѣ европейской школы. Такимъ образомъ, въ наше время, въ программу преподаванія философіи во французскихъ школахъ вводится, кромѣ логики, метафизики и этики, еще слѣдующее: психологія, теодицея (Луи Прево), начала философіи права, эстетики, политической экономіи (П. Жанэ). Въ нѣмецкихъ университетахъ, къ тому же курсу философіи, кромѣ указанныхъ ученій, прибавляютъ также философію исторіи. Такія же колебанія и дополненія замѣтны и въ англійскихъ школахъ.

6. Очевидно, что современная школа наклонна къ расширенію объема философіи. Но спрашивается: какъ далеко оно должно идти? Кто можетъ указать основательно, съ полнымъ теоретическимъ правомъ, истинные предѣлы философіи?

Прежде чѣмъ приступить къ указанію пути, которымъ, по нашему мнѣнію, можно притти къ рѣшенію этого вопроса, сдѣлаемъ нѣсколько предварительныхъ замѣчаній.

Изъ критики разнообразныхъ опредѣленій философіи вытекаютъ несомнѣнно, прежде всего, два вывода. Во-первыхъ, философія не можетъ быть отдѣлена отъ науки; нельзя исключить изъ философіи, ни въ школьномъ, ни въ болѣе широкомъ смыслѣ, такихъ наукъ, какъ психологія, логика, эстетика. Во-вторыхъ, понятіе философіи не совпадаетъ, по объему, съ понятіемъ науки; потому что первое

Digitized by Google

шире послѣдняго. Отожествляя философію съ наукою, мы должны были бы все не-научное признать не-философскимъ; — слѣдов. исключить изъ философіи ученіе о *нравственныхъ вѣроятностяхъ* (теодицея, философія религіи), и ученіе о *мыслимости* нефеноменальныхъ вещей (метафизика). А на это не согласится вполнѣ ни одна философская школа: безъ философіи религіи и метафизики, для большинства философовъ, нѣтъ философіи.

7. Но если философія не отожествима съ наукою, иначе выходитъ изъ предѣловъ послѣдней: то не слѣдуетъ ли опредѣлять философію какъ *науку*, съ прибавленіемъ *теоріи религіи* и *метафизики*, какъ ученій имѣющихъ самое высокое практическое значеніе, но лишенныхъ очевидности научныхъ истинъ, или не составляющихъ какой нибудь доли системы знаній?

Нѣкоторыя совпаденія благопріятны этому утвержденію. Прежде всего, философы новаго времени, какъ Бэконъ, Д'Аламберъ и другіе, держались приблизительно такого взгляда. Особенно онъ совпадаетъ съ знаменитымъ дѣленіемъ философіи Конта — на богословскую, метафизическую и положительную. То, что Контъ смотритъ на двѣ первыя философіи только какъ на незрѣлыя попытки объясненія природы, за недостаткомъ науки, — не имѣетъ большого значенія, если смотрѣть на нихъ съ нашей точки зрѣнія, какъ на выраженіе двухъ способовъ мышленія о вещахъ, не достигающихъ значенія знанія, но оставляющихъ человѣку вопросы вѣры, утишаемые благопріятными ей рѣшеніями въ формѣ простыхъ вѣроятностей и возможностей. Есть и другое совпаденіе такого взгляда на философію съ обстоятельствами дѣла. Все историческое, описательное, эмпирическое, съ строгой точки зрѣнія ученыхъ, защищавшихъ этотъ взглядъ на философію, не составляетъ науки въ строгомъ смыслѣ; но тоже самое утверждается всегда и относительно философіи: въ простой эмпиріи нѣтъ ничего философскаго.

Но эти благопріятныя изложенному взгляду обстоятельства не уничтожаютъ многихъ серьезныхъ возраженій.

Прежде всего, если философію отожествить съ наукою, дополняя послѣднюю философіею вѣры и метафизикою: то мы, въ нѣкоторой степени, возбудимъ одно изъ предыдущихъ возраженій. Собственнымъ тѣломъ философіи останется наука, и только, въ

Digitized by Google

заключеніи, она выйдетъ на два шага изъ ея предѣловъ. Кафедра философіи въ такомъ широкомъ смыслѣ, не можетъ существовать рядомъ съ другими кафедрами. Писатели державшіеся такого взгляда на философію, сами ограничивались разработкою не многихъ наукъ. Такъ, О. Контъ находилъ, что въ его время нельзя думать о созданіи практическихъ и конкретныхъ наукъ—въ курсѣ положительной философіи, и потому ограничилъ его для себя только науками абстрактными или основными. Притомъ Контова обработка послѣднихъ, напр. біологіи, ясно показываетъ, что въ курсѣ положительной философіи О. Конта, мы имѣемъ дѣло не съ системою спеціальныхъ наукъ, а съ нѣкоторою *философіею науки,* съ нѣкоторою особенною обработкою спеціальныхъ наукъ, ограниченною самымъ общимъ содержаніемъ ихъ. Такъ именно иные писатели,—напр. Д. С. Милль,—и разсматриваютъ цѣль, которую, въ своемъ «Курсѣ» преслѣдовалъ О. Контъ.

8. Отсюда вытекаетъ слѣдующее полное заключеніе. Философія не можетъ быть отдѣлена отъ науки; но также не можетъ вполнѣ и совпадать съ нею. Она должна, такимъ образомъ, совпадать съ спеціальною наукою только въ нѣкоторой мѣрѣ, или быть не наукою, а *научною* или *положительною,* не отказываясь, въ своемъ *послѣднемъ словѣ,* быть также *проблематическою* и *гипотетическою.*

Но теперь спрашивается: чѣмъ мы можемъ оправдать это отдѣленіе научной философіи отъ науки? Въ какихъ предѣлахъ онѣ должны совпадать, и съ какого пункта одна не покрываетъ другую?

Мнѣніе многихъ позитивистовъ во Франціи, Англіи и Германіи о философіи, какъ ученіи о началахъ науки могло бы разрѣшить это затрудненіе,—если подъ началами мы будемъ разумѣть не одни понятія,—какъ это дѣлаютъ нѣмецкіе позитивисты, слѣдуя схоластической традиціи (потому что понятія не ведутъ дальше опредѣленій),—а понятія, или термины, или еще точнѣе опредѣленія, вмѣстѣ съ аксіомами и законами природы,— какъ это понимаетъ, напр., Г. Спенсеръ, въ своемъ ученіи о «первыхъ началахъ». Тогда Бэконово дѣленіе философіи на «первую» и «вторую» помогло бы раздѣлить научную философію—на *первую,* въ смыслѣ Спенсерова ученія о первыхъ началахъ, и *вторую,* въ

Digitized by Google

смыслѣ ученія о началахъ наукъ теоретическихъ и практическихъ, абстрактныхъ и конкретныхъ.

Такимъ образомъ, мы рѣшили бы вопросъ объ отношеніи философіи къ наукѣ, сообразно съ изложенными практическими удобствами. Но остается вопросъ о теоретическомъ обоснованіи такого рѣшенія.

9. Очевидно, что для этой цѣли мы должны имѣть какое нибудь основаніе въ самой исторіи философіи, и въ тѣхъ потребностяхъ человѣка, какими она была вызвана. Если это потребности не фиктивныя, и если онѣ существуютъ до сихъ поръ, то онѣ позволятъ намъ найти здѣсь искомое нами основаніе. Потребности эти, какъ видно изъ самаго термина *философіи* (φιλοσοφία) скрываются въ *стремленіи* человѣка къ *мудрости*. Подъ мудростью, какъ искомымъ философіи, никто изъ древнихъ не разумѣлъ ту или другую совокупность спеціальныхъ знаній. Мудрость признавалась древними не за простое накопленіе всякихъ знаній, а за высшее умственное достоинство человѣка, заключающееся въ способности его отнестись разумно ко всякому вопросу, теоретическому и практическому,—т. е. если не рѣшить его самостоятельно, то по крайней мѣрѣ оцѣнить предлагаемое другими рѣшеніе. Мудрость древнихъ есть такимъ образомъ умственная самостоятельность и способность правильно оріентироваться во всякомъ вопросѣ теоріи и практики. Теперь, если это достоинство не прирождено, а пріобрѣтается или созидается,—что̀ и давало ему, въ глазахъ древнихъ, значеніе добродѣтели,—то̀, очевидно, что она состоитъ въ постепенно наживаемомъ запасѣ руководящихъ началъ,—т. е. въ нѣкоторомъ *minimum'ѣ общихъ знаній*, составляющихъ способность къ рѣшенію всѣхъ *частныхъ вопросовъ*, теоретическихъ и практическихъ, или, по крайней мѣрѣ, къ разумѣнію и оцѣнкѣ такихъ рѣшеній.

Такое понятіе о мудрости, какъ цѣли философіи, достаточно оправдываетъ опредѣленіе послѣдней, какъ системы ученій о началахъ науки, заканчиваемой ученіями выходящими изъ ея предѣловъ. Смыслъ такого опредѣленія тотъ, что спеціальность составляетъ профессію, но знаніе началъ должно отличать всякаго, умственно вполнѣ образованнаго человѣка.

Digitized by Google

Сообразно съ этимъ изложеніемъ, составъ философіи можетъ быть представленъ слѣдующимъ образомъ:

Введеніе въ философію: *Логика.*

1. *Положительная* или *научная* философія:

	Теоретическая.		*Практическая.*
	Абстрактная.	Конкретная.	
Первая философія.			
Вторая философія.			
1. *Философія математики* (количества).			
2. *Философія наукъ физическихъ* (природы):			
	Начала Механики.	Напр.	Напр.
	Начала Молекулярной физики.	Начала Статики.	Начала Медицины.
	Начала Химіи.	Начала Зоологіи.	
	Начала Біологіи.		
3. *Философія наукъ нравственныхъ* (духа).			
	Начала Психологіи.	Философія языка.	Начала Грамматики (философская грамматика).
		Начала Соціологіи	Начала Реторики (философская реторика).
			Начала Эстетики.
			Начала Педагогіи.
			Начала Политики.
			Философія права.
			Начала Этики.

2. *Проблематическая* философія:
Философія вѣры или религіи.

3. *Гипотетическая* философія:
Метафизика.

10. Спрашивается: философія въ такомъ смыслѣ можетъ ли быть предметомъ особой кафедры? Безъ сомнѣнія. Второй вопросъ: найдутся ли, въ наше время, преподаватели философіи въ этомъ смыслѣ? Сомнительно; причина та, что обработка философіи въ такомъ широкомъ смыслѣ только начинается. Достаточно сказать,

Digitized by Google

что, еще до сихъ поръ, «первая философія» не дифференцировалась отъ метафизики, и только у Г. Спенсера нашла впервые нѣкоторую обработку. Что касается философіи природы и философіи духа въ требуемомъ смыслѣ, то хотя опыты обработки различныхъ частей ихъ существуютъ, но дѣло далеко не доведено до того, чтобы уже въ настоящее время та и другая могли составить основу преподаванія философіи въ школѣ.

Установивши обоснованный такимъ образомъ взглядъ на философію, мы все таки должны имѣть ее въ виду только какъ desideratum университетскаго преподаванія, которое должно приноравляться къ средствамъ даннаго времени, и лишь постепенно измѣнять ея школьную программу.

Мы замѣтили, что программа современнаго преподаванія философіи колеблется; явленіе это, послѣ сдѣланныхъ нами замѣчаній, вполнѣ понятно. Чтобы регулировать это колебаніе, есть одно средство,—а именно: рядомъ съ широкою программою философіи, какъ она начертана выше,—представить и тотъ minimum философскихъ ученій, который долженъ всегда принадлежать кафедрѣ философіи. А для этого также надобно найти какіе нибудь устои въ самомъ понятіи о философіи, или по крайней мѣрѣ въ ея исторіи.

Слѣдуетъ замѣтить, что хотя подъ мудростью въ широкомъ смыслѣ разумѣлось у древнихъ всякое высшее умственное образованіе, получаемое путемъ изученія наукъ, однако, въ тѣсномъ смыслѣ, только то, которое руководитъ къ дѣятельности *безкорыстной*, иначе чуждой прямой пользы, какъ собственнаго ея мотива. Очевидно, что съ послѣднимъ взглядомъ на мудрость не расходится опредѣленіе философіи, какъ системы ученій о началахъ всѣхъ наукъ. Но точно также очевидно, что, съ этой точки зрѣнія на мудрость, нѣкоторыя науки должны быть признаны философіею во всемъ своемъ объемѣ, иначе выдѣляться изъ круга остальныхъ философскихъ ученій какъ философія въ *тѣсномъ* смыслѣ, или какъ нѣкоторая система *философскихъ наукъ*. Таковы именно: логика (наука о достовѣрности истины), эстетика (наука о красотѣ въ искусствѣ), наука о правѣ человѣка (наука о естественной справедливости) и этика (наука о нравственномъ долгѣ

Digitized by Google

или о добродѣтели). Это показываетъ, почему эти науки болѣе или менѣе постоянно вводились въ курсъ школьной философіи. Если мы прибавимъ теперь къ этому вполнѣ философскія ученія, именно философію вѣры и метафизику, и взглянемъ на психологію, какъ на естественное введеніе въ этотъ циклъ наукъ и дисциплинъ,—то minimum школьной философіи можетъ быть представленъ въ слѣдующей таблицѣ:

1. Введеніе въ философію:
   1. Психологія.
2. Философскія науки:
   2. Логика.
   3. Эстетика.
   4. Наука о правѣ человѣка.
   5. Этика.
3. Философскія ученія:
   6. Философія вѣры или религіи.
   7. Метафизика.

Психологія, какъ предметъ кафедры философіи, должна состоять преимущественно въ *субъективномъ анализѣ духа,* предоставляя другія части этой науки другимъ кафедрамъ: физіологіи, патологіи, зоологіи и т. д. Связью всѣхъ этихъ изученій духа въ настоящее время могли бы быть устроенныя при университетахъ психологическія общества.

Этотъ minimum философскихъ ученій, какъ принадлежности кафедры философіи, достаточно оправдываетъ, почему нѣкоторые отожествляютъ философію съ науками о духѣ: философскія науки, и общее введеніе въ школьную философію, представляютъ, дѣйствительно, теоретическое и практическія ученія о духѣ.

Въ нашей литературѣ опыты опредѣленія философіи мы встрѣчаемъ у *Сидонскаго, Новицкаго, Надеждина* и др. Особенно замѣчателенъ опытъ *В. Лесевича.*

Digitized by Google

Гротъ, Къ вопросу объ истинныхъ задачахъ философіи. 1886 года.

Лесевичъ, В. Опытъ критическаго изслѣдованія основоначалъ позитивной философіи. 1886 года.

— Письма о научной философіи. 1878.

Надеждинъ, *Ѳ*. Опытъ науки философіи. 1845.

Новицкій, О. Объ упрекахъ дѣлаемыхъ философіи, въ теоретическомъ и практическомъ отношеніи, ихъ силѣ и важности. 1838.

Prévost, Louis: Programme d'un cours élementaires de philosophie, ou Tableaux synoptiques de la philosophie et de son histoire, 1872.

Сидонскаго, Ѳ. Введеніе въ науку философіи. 1833.

Digitized by Google

ГЛАВА III.

Логика Геометріи.

1. Методъ Геометріи существенно *дедуктивный*, т. е. заключается въ дедукціяхъ простыхъ и сложныхъ, сопровождаемыхъ преобразованіемъ предложеній, или такъ-называемыми «непосредственными» умозаключеніями *(разложенія, замѣщенія, превращенія* и т. д.).

2. Дедуктивный методъ Геометріи носитъ названіе *анализа* и *синтеза.*

Анализъ геометровъ есть ничто иное какъ изысканіе или открытіе,—съ помощью дедуктивныхъ и «непосредственныхъ» умозаключеній,—составныхъ частей *демонстраціи* истинности или ложности данной теоремы, и правильности или неправильности рѣшенія данной проблемы.

Простѣйшій видъ анализа получается тогда, когда данное предложеніе (заключающее въ себѣ теорему, или рѣшеніе проблемы) выводится изъ какого нибудь начала (или началъ), или какого нибудь доказаннаго предложенія (или предложеній); и наоборотъ: когда изъ даннаго предложенія выводится какое нибудь очевидное слѣдствіе, сообщающее очевидность и самому предложенію.

Анализъ усложняется, когда къ началамъ или доказаннымъ предложеніямъ подходятъ съ помощью предложеній еще не доказанныхъ; и наоборотъ: когда къ очевидному слѣдствію приходятъ

Digitized by Google

съ помощью промежуточныхъ, еще неочевидныхъ слѣдствій. Цѣль аналитическаго процесса здѣсь достигается тѣмъ, что промежутуточныя звѣнья, получая свою очевидность отъ конечнаго, сообщаютъ ее и данному предложенію.

3. Когда истинность даннаго предложенія доказывается косвенно, именно посредствомъ ложности предложенія ему противорѣчащаго (propositio contradictoria), очевидной изъ нелѣпости выводимаго изъ него слѣдствія: то такой способъ аналитическаго доказательства называется *редукціею*, или *сведеніемъ, къ нелѣпости* (Reductio ad absurdum). Отсюда нѣкоторые математики переносятъ названіе *редукціи* на геометрическій анализъ вообще.

4. Какъ скоро всѣ составныя части геометрической демонстраціи найдены: изложеніе ихъ въ обратномъ порядкѣ составитъ то, что̀ геометры называютъ *синтезомъ* въ тѣсномъ смыслѣ.

Впрочемъ, новые геометры употребляютъ терминъ *синтезъ* и въ другомъ, болѣе широкомъ смыслѣ, разумѣя подъ нимъ: во-первыхъ, процессъ демонстраціи обратный анализу и вполнѣ зависимый отъ послѣдняго; и, во-вторыхъ, дедукцію изъ данныхъ началъ, независимую отъ предшествующаго анализа. Только въ послѣднемъ случаѣ синтезъ является орудіемъ открытія новыхъ истинъ, хотя и не столь могущественнымъ какъ анализъ.

1) Изъ предыдущаго изложенія видно, что съ общей логической точки зрѣнія, между анализомъ и синтезомъ геометровъ нѣтъ существенной разницы. Тотъ и другой есть дедукція: анализомъ называется цѣпь дедуктивныхъ умозаключеній, идущая отъ даннаго, подлежащаго вопросу, къ тому что̀ уже извѣстно или безспорно; синтезъ же есть цѣпь дедуктивныхъ умозаключеній, идущая отъ извѣстнаго къ тому что̀ подлежитъ вопросу. Слѣдовательно, съ логической точки зрѣнія, тотъ и другой оказываются соритами и регрессивными и прогрессивными; и такимъ образомъ, употребляемые нѣкоторыми логиками названія соритовъ регрессивныхъ аналитическими, а прогрессивныхъ синтетическими, не совпадаютъ съ геометрическимъ смысломъ анализа и синтеза.

Digitized by Google

2) Методъ анализа и синтеза есть изобрѣтеніе древнихъ, но излагается подробно и точно только писателями новаго времени. Полное и точное изложеніе того и другого впервые сдѣлано было французскимъ математикомъ *Дюгамелемъ*. Методъ *анализа* объясняется у Дюгамеля слѣдующимъ образомъ. „Какъ скоро требуется найти, говоритъ онъ, доказательство какого нибудь даннаго предложенія, то сначала ищутъ, не можетъ ли оно быть выведено, какъ необходимое слѣдствіе, изъ предложеній уже принятыхъ: въ случаѣ успѣха, оно и само должно быть принято, и такимъ образомъ будетъ доказано. Если же не замѣчаютъ, изъ какихъ извѣстныхъ предложеній оно могло бы быть выведено, то ищутъ, изъ какого, еще не принятаго предложенія его можно было бы вывесть, и тогда вопросъ сводится къ доказательству истинности этого послѣдняго. Если оно можетъ быть выведено изъ принятыхъ предложеній, то оно будетъ признано истиннымъ, и слѣдовательно доказаннымъ; если нѣтъ, то ищутъ вновь, изъ какого, еще не принятаго предложенія оно могло бы быть выведено, и вопросъ сводится къ доказательству истинности этого послѣдняго. Такъ продолжаютъ до тѣхъ поръ, пока не достигнутъ предложенія признаннаго истиннымъ, и тогда истина даннаго предложенія будетъ доказана.

„Отсюда видно, что этотъ методъ, называемый *анализомъ*, состоитъ въ установленіи цѣпи предложеній, начиная подлежащимъ доказательству и оканчивая извѣстнымъ, — предложеній такого рода, чтобы, начиная съ перваго, каждое было необходимымъ слѣдствіемъ за нимъ слѣдующаго; откуда вытекаетъ, что первое есть слѣдствіе послѣдняго, и поэтому, также какъ и оно, истинно“.

Дюгамель замѣчаетъ, далѣе, что „часто удобнѣе выводить слѣдствіе изъ какого нибудь предложенія, чѣмъ найти какое нибудь другое предложеніе, котораго оно могло бы быть слѣдствіемъ“. Поэтому, анализъ можетъ имѣть и другое направленіе,—итти отъ даннаго предложенія къ его слѣдствіямъ. Какъ скоро данное предложеніе, и выводимыя изъ него слѣдствія, суть предложенія взаимно замѣстимыя или совершенно равносильныя (эквивалентныя): то истинность послѣдняго слѣдствія будетъ доказывать истинность каждаго предыдущаго, и въ концѣ—самого даннаго предложенія.

Digitized by Google

До сихъ поръ рѣчь шла объ аналитическомъ методѣ доказательства теоремъ. Аналитическій методъ рѣшенія проблемъ Дюгамель излагаетъ слѣдующимъ образомъ. Для рѣшенія предложенной проблемы, послѣдняя преобразуется въ другую, состоящую съ нею въ такой связи, что съ рѣшеніемъ второй рѣшается и первая. Если вторая проблема не разрѣшается сама по себѣ, то ее пытаются свести къ третьей, рѣшеніе которой дало бы рѣшеніе второй, какъ рѣшеніе второй даетъ рѣшеніе первой. „Если нельзя непосредственно рѣшить и эту третью, то ее, точно также, пытаются свести къ четвертой, и т. д., до тѣхъ поръ, пока не получится проблема, рѣшеніе которой извѣстно". Вслѣдствіе требуемой связи каждой новой проблемы съ предыдущею, рѣшеніе послѣдней приведетъ къ рѣшенію и данной.

Другой видъ того же метода, въ приложеніи къ рѣшенію проблемъ, получается тогда, когда новая проблема состоитъ съ данною въ обратномъ отношеніи, т. е. когда рѣшеніе новой получается изъ допущеннаго или предположеннаго рѣшенія данной, или когда отъ предположеннаго рѣшенія данной проблемы идутъ къ его слѣдствіямъ. Для того чтобы правильность рѣшенія послѣдней проблемы доказывала правильность рѣшенія данной, требуется чтобы условія преобразуемыхъ одна въ другую проблемъ были взаимно замѣстимы или равносильны.

«*Синтезъ* отличается отъ анализа только превращеніемъ порядка теоремъ или проблемъ, ограниченныхъ, съ одной стороны, даннымъ предложеніемъ, а съ другой—чѣмъ нибудь извѣстнымъ».

Обращаясь, затѣмъ, къ синтетическому методу доказательства теоремъ, Дюгамель замѣчаетъ слѣдующее: «этотъ методъ состоитъ въ отправленіи отъ предложеній признанныхъ истинными, и въ выводѣ изъ нихъ другихъ, какъ ихъ необходимыхъ слѣдствій, а изъ этихъ— новыхъ, и т. д., пока не достигнутъ даннаго предложенія, которое тогда и само становится признаннымъ за истинное.... Отсюда видно, что если аналитическое доказательство теоремы извѣстно, то можно сейчасъ же получить и ея синтетическое доказательство, превращая порядокъ предложеній».

О синтетическомъ методѣ разрѣшенія проблемъ Дюгамель говоритъ: «По методу аналитическому, данную проблему сводятъ къ другой, другую къ третьей, и т. д., пока не придутъ къ про-

Digitized by Google

блемѣ, рѣшеніе которой извѣстно. Методъ синтетическій состоитъ напротивъ, въ отправленіи отъ этой послѣдней,—въ выводѣ изъ ея рѣшенія — разрѣшенія предпослѣдней, изъ разрѣшенія предпослѣдней—рѣшенія ей предшествующей, и т. д., пока не достигнутъ данной проблемы, получая такимъ образомъ ея разрѣшеніе».

Можно, конечно, испробовать дедукцію данной теоремы изъ какихъ нибудь отдаленныхъ началъ безъ предварительнаго анализа: но неизвѣстность надлежащихъ точекъ отправленія для такого рода дедукціи дѣлаетъ затруднительнымъ успѣшное употребленіе этого метода. Что же касается рѣшенія проблемъ, то методъ дедукціи безъ предварительнаго анализа Дюгамель признаетъ здѣсь рѣшительно неприложимымъ. Такимъ образомъ, при данности теоремъ или проблемъ, аналитическій методъ оказывается или самымъ надежнымъ, или единственнымъ во всѣхъ случаяхъ сложныхъ демонстрацій; и синтезъ является здѣсь только новымъ, обратнымъ изложеніемъ результатовъ анализа, съ цѣлью облегченія сообщенія другимъ найденныхъ демонстрацій или рѣшеній.

(Этимъ, замѣтимъ мы, не затрогиваются случаи простыхъ умозаключеній, гдѣ обращеніе отъ даннаго предложенія къ какому нибудь извѣстному началу или ихъ совокупности, и выводъ перваго изъ послѣднихъ, не позволяютъ проводить яснаго различія между анализомъ и синтезомъ).

Притомъ, Дюгамель не отрицаетъ возможности дедукціи безъ опредѣленной цѣли, т. е. безъ данности теоремы или проблемы. «При извѣстности нѣкоторыхъ истинъ, можно попытаться вывесть изъ нихъ новыя, не имѣя другой цѣли, кромѣ пріобрѣтенія познаній, которыхъ нѣтъ и самая природа которыхъ нисколько не предусматривается».

3) Примѣръ анализа и синтеза, извлеченный нами изъ Эвклида, приводится нами при изложеніи его ученія объ этихъ методахъ. Примѣромъ же демонстраціи, называемой *сведеніемъ къ нелѣпости* (reductio ad absurdum) можетъ служить доказательство шестого предложенія первой книги Элементовъ Эвклида, приведенное нами въ III гл. Логики Началъ (стр. 79).

Digitized by Google

Исторія ученій объ анализѣ и синтезѣ.

1) Терминъ „анализъ“ встрѣчается уже у *Аристотеля*, преимущественно въ общемъ логическомъ смыслѣ *раздѣленія* или *разрѣшенія*. Употребленіе того же термина въ спеціальномъ смыслѣ геометровъ *Паппъ Александрійскій* приписываетъ, первому, Платону; однако исторически достовѣрное ученіе о геометрическомъ методѣ анализа и синтеза не встрѣчается раньше *Эвклида*, знаменитаго древняго автора «Элементовъ» геометріи.

Въ новое время, ученіе объ анализѣ и синтезѣ устанавливалось постепенно, отчасти вслѣдствіе глубокой перемѣны въ логическихъ теоріяхъ, введенной ученіемъ Бэкона объ индукціи, и опирающейся на ней дедукціи. *Гоббсъ*, въ своей Логикѣ, останавливается на анализѣ и синтезѣ, какъ научныхъ методахъ открытія причинныхъ отношеній. Все изложеніе Гоббса показываетъ, что изъ круга умозаключеній, ведущихъ къ этимъ открытіямъ, онъ не исключаетъ и того, что Бэконъ назвалъ индукціею; но самый терминъ индукціи избѣгается Гоббсомъ. Раздѣльное ученіе объ анализѣ въ логическомъ смыслѣ представлено впервые *Ньютономъ*, который разумѣетъ подъ этимъ терминомъ, во-первыхъ, наведеніе, и во-вторыхъ, процессы подготовляющіе къ наведенію, или ведущіе къ опредѣленіямъ. Не столь полно Ньютоново понятіе о синтезѣ; но этотъ пробѣлъ восполненъ послѣдующими писателями въ Англіи. Самое обстоятельное изложеніе логическаго смысла анализа и синтеза появилось въ Логикѣ *Бэна*. Слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что начиная Гоббсомъ, и оканчивая Бэномъ, въ Англіи всегда отличали общее логическое значеніе обоихъ терминовъ отъ спеціальнаго геометрическаго.

Между тѣмъ, во *Франціи*, ученіе объ анализѣ и синтезѣ имѣло другую судьбу, начиная съ *Паскаля* и Логики *Поръ-Рояля*. Паскаль представилъ теорію научнаго метода, въ которой нельзя не узнать обобщенія метода геометровъ, именно ихъ анализа и синтеза,— обобщенія, оставляющаго во всей неприкосновенности ихъ дедуктивную природу. Мнѣніе Паскаля, нашедшее свое выраженіе въ Логикѣ Поръ-Рояля, внесло большую сбивчивость въ понятія о научномъ методѣ, отчасти не исчезнувшую и до сихъ поръ во

Digitized by Google

Франціи, Германіи и, у насъ, въ Россіи. Напр., многіе авторы, имѣя въ виду ученіе Паскаля, стали отрицать всякое доказательство индуктивнаго порядка, и ограничивать научный методъ одною дедукціею, опирающеюся на опредѣленія. Другіе, не отрицая достоинства наведенія, полагали, что методъ анализа и синтеза не имѣютъ ничего общаго съ наведеніемъ и, поэтому, стали учить о методахъ двоякаго рода: во-первыхъ, индуктивномъ, и, во-вторыхъ, аналитическомъ и синтетическомъ. Третьи пошли еще дальше и, признавая связь реальной дедукціи съ индукціею, стали учить отдѣльно, во-первыхъ, объ индукціи и дедукціи и, во-вторыхъ, объ анализѣ и синтезѣ. Къ счастью, путаница эта, вмѣстѣ съ распространеніемъ логическихъ сочиненій англійскихъ писателей, особенно *Милля* и *Бэна*, постепенно исчезаетъ: термины — анализъ и синтезъ, какъ замѣняемые другими, болѣе точными, перестаютъ играть роль въ терминологіи общей логики.

2) *Эвклидъ* такъ опредѣляетъ анализъ и синтезъ геометровъ: „Ἀνάλυσις μεν, οὐν ἐστὶ λῆψις τοῦ ζητουμένου ὡς ὁμολογουμένου διὰ τῶν ἀκολούθων ἐπὶ τι ἀληθὲς ὁμολογούμενον. Σύνθεσις δε λῆψις του ὁμολογουμένου διὰ τῶν ἀκολούθων ἐπὶ τὴν τοῦ ζητουμένου κατάληζιν ἢ κατάληψιν“. Т. е. „Въ анализѣ берутъ подлежащее вопросу какъ безспорное, чтобы придти отсюда къ какой нибудь безспорной истинѣ. Въ синтезѣ же берутъ безспорное, чтобы придти отсюда къ заключенію или рѣшенію относительно подлежащаго вопросу“.

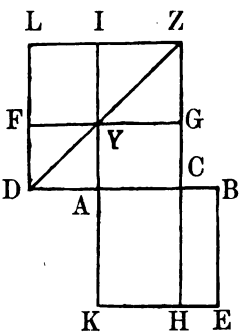
Эвклидъ даетъ эти опредѣленія анализа и синтеза въ XIII-й книгѣ своихъ Элементовъ, вслѣдъ за демонстраціею пяти предложеній, и сопровождаетъ ихъ анализомъ послѣднихъ. Для примѣра, приведемъ доказательство перваго предложенія, съ послѣдующимъ его анализомъ.

Демонстрація предложенія: „Если прямая линія раздѣлена въ крайнемъ и среднемъ отношеніи, то квадратъ наибольшаго отрѣзка, увеличеннаго половиною цѣлой прямой, будетъ въ пять разъ больше квадрата половины цѣлой прямой.

„Пусть прямая AB (черт. 1) раздѣлена въ крайнемъ и среднемъ отношеніи въ точкѣ C, и пусть AC будетъ наибольшій отрѣзокъ; проведемъ прямую AD въ направленіи AC и положимъ, что AD равна половинѣ AB; говорю, что квадратъ построенный на прямой CD будетъ въ пять разъ больше квадрата построеннаго на прямой DA.

Digitized by Google

Построемъ на прямыхъ AB, CD квадраты AE, DZ; проведемъ прямую DZ и продолжимъ ZC до точки H. Такъ какъ прямая AB раздѣлена въ крайнемъ и среднемъ отношеніи въ точкѣ C, то прямоугольникъ, построенный на линіяхъ AB и BC, равенъ квадрату, построенному на линіи AC. Но такъ какъ прямоугольникъ, построенный на линіяхъ AB и BC равенъ прямоугольнику CE, то и квадратъ, который будетъ построенъ на линіи AC, равенъ квадрату ZY; *) слѣдов. прямоугольникъ CE равенъ квадрату ZY. И



Черт. 1.

такъ какъ линія BA вдвое больше AD, линія BA равна линіи KA, и AD равна AY, то прямая KA будетъ вдвое больше AY. Но линія KA такъ относится къ линіи AY, какъ прямоугольникъ KC относится къ прямоугольнику CY (1, 6); слѣдовательно прямоугольникъ KC вдвое больше прямоугольника CY. Но сумма площадей LY и YC вдвое больше площади CY (43, 1); слѣдовательно прямоугольникъ KC равенъ суммѣ площадей LY и YC (43, 1). Но доказано, что прямоугольникъ CE равенъ прямоугольнику ZY; слѣдов. цѣлый квадратъ AE равенъ площади YFLIZGCAY. Но линія BA вдвое больше AD; слѣдов. квадратъ, построенный на прямой BA вчетверо больше квадрата, построеннаго на прямой AD (20, 6); т. е., что квадратъ AE вчетверо больше квадрата DY. Но квадратъ AE равенъ площади YFLIZGCAY; слѣдов. площадь YFLIZGCAY вчетверо больше квадрата DY. Слѣдов. цѣлый квадратъ DZ въ пять разъ больше квадрата DY. Но DZ есть ква-

*) Линія GZ равна линіи IZ.

Digitized by Google

дратъ, построенный на прямой DC, и YD есть квадратъ, построенный на прямой DA; слѣдовательно, квадратъ построенный на прямой CD въ пять разъ больше квадрата, построеннаго на прямой DA. Слѣд. и проч.

Анализъ той же теоремы безъ фигуры.

Черт. 2.

Пусть прямая AB раздѣлена въ крайнемъ и среднемъ отношеніи въ точкѣ C; пусть AC будетъ наибольшій отрѣзокъ, и положимъ, что прямая AD равна половинѣ AB; говорю, что квадратъ построенный на прямой CD впятеро больше квадрата, построеннаго на прямой DA.

Такъ какъ квадратъ построенный на прямой CD впятеро больше квадрата построеннаго на прямой DA, и квадратъ построенный на CD равенъ двумъ квадратамъ, построеннымъ на прямыхъ CA и AD, вмѣстѣ съ двойнымъ прямоугольникомъ, построеннымъ на линіяхъ CA и AD (4, 2), то квадраты, построенные на прямыхъ CA и AD, вмѣстѣ съ удвоеннымъ прямоугольникомъ построеннымъ на CA и AD, будутъ впятеро больше квадрата построеннаго на прямой AD; слѣдов., по вычитаніи, квадратъ построенный на прямой CA, вмѣстѣ съ удвоеннымъ прямоугольникомъ, построеннымъ на прямыхъ CA и AD, будетъ вчетверо больше квадрата прямой AD. Но прямоугольникъ, построенный на прямой BA и AC, равенъ удвоенному прямоугольнику, построенному на прямыхъ CA и AD; ибо прямая BA вдвое больше прямой AD, и прямоугольникъ построенный на прямыхъ AB и BC равенъ квадрату построенному на линіи AC (17, 6), ибо AB раздѣлена въ крайнемъ и среднемъ отношеніи; прямоугольникъ, построенный на прямыхъ BA и AC, вмѣстѣ съ прямоугольникомъ, построеннымъ на AB и BC, вчетверо больше квадрата построеннаго на AD. Но прямоугольникъ, построенный на прямыхъ BA и AC, вмѣстѣ съ прямоугольникомъ построеннымъ на прямыхъ AB и BC, есть квадратъ прямой AB

Digitized by Google

(2, 2); слѣдов. квадратъ, построенный на прямой AB, вчетверо больше квадрата, построеннаго на прямой AD. А это потому (кор. 20. 6), что прямая BA вдвое больше AD.

Синтезъ.

Такъ какъ квадратъ, построенный на прямой BA вчетверо больше квадрата построеннаго на прямой AD, и квадратъ, построенный на линіи AB равенъ прямоугольнику, построенному на линіяхъ BA и AC, вмѣстѣ съ прямоугольникомъ, построеннымъ на прямыхъ AB и BC, (2, 2), то прямоугольникъ на прямыхъ BA и AC вмѣстѣ съ прямоугольникомъ, построеннымъ на прямыхъ AB и BC, будетъ вчетверо больше квадрата построеннаго на прямой AD. Но прямоугольникъ, построенный на линіяхъ BA и AC, равенъ удвоенному прямоугольнику построенному на линіяхъ DA и AC, и прямоугольникъ, построенный на прямыхъ AB и BC, равенъ квадрату, построенному на линіи AC; слѣдов. квадратъ, построенный на прямой AC, вмѣстѣ съ удвоеннымъ прямоугольникомъ, построеннымъ на прямыхъ DA и AC, вчетверо больше квадрата построеннаго на DA; квадраты прямыхъ DA и AC, вмѣстѣ съ удвоеннымъ прямоугольникомъ, построеннымъ на линіяхъ DA и AC, впятеро больше квадрата построеннаго на прямой DA. Но квадраты прямыхъ DA и AC, вмѣстѣ съ удвоеннымъ прямоугольникомъ, построеннымъ на линіяхъ DA и AC, образуютъ квадратъ, построенный на CD (4. 2); слѣд. квадратъ, построенный на прямой CD, впятеро больше квадрата, построеннаго на линіи DA; что и слѣдовало доказать».

Паппъ Александрійскій, въ 7-й книгѣ своихъ „Математическихъ собраній“ выражается о томъ же предметѣ (въ переводѣ на латинскій языкъ Галлея) слѣдующимъ образомъ: „Locus de resolutione inscriptus, Hermodore fili, ut paucis dicam, propria quaedam est materia in eorum usum designata, qui perceptis communibus elementis, in Geometria facultatem sibi comparare desiderant investigandi solutiones propositorum problematum; et in hunc finem solummodo utilis. Traditur autem a tribus viris, Euclide, nempè *Elementorum* scriptore, Apollonio Pergaeo et Aristaeo seniore. Procedit vero per modum resolutionis et compositionis. Resolutio autem est methodus quà a quaesito quasi jam concesso,

Digitized by Google

per ea quae deinde consequuntur ad conclusionem aliquam, cujus ope compositio fiat, perducamur. In resolutione enim, quod quaeritur ut jam factum supponentes, ex quo antecedente hoc consequatur expendimus; iterumque quodnam fuerit ejus antecedens; atque ita deinceps, usque dum in hunc modum regredientes, in aliquid jam cognitum, locoque principii habitum, incidamus. Atque hic processus *analysis* vocatur, quasi dicas, inversa solutio. E contrario autem in compositione, cognitum illud, in resolutione ultimo loco acquisitum, ut jam factum praemittentes; et quae ibi consequentia erant, hic ut antecedentia naturali ordine disponentes, atque inter se conferentes, tandem ad constructionem quaesiti pervenimus. Hoc autem vocamus synthesin.

„Duplex autem est analyseos genus: vel enim est veri indagatrix, dicitur que *theoretica*; vel propositi investigatrix, ac *problematica* vocatur.

Эти слова Паппа могутъ быть переданы слѣдующимъ образомъ: „Такъ называемая *глава о разрѣшеніи*,—Гермодоръ, сынъ мой,—говоря кратко, содержитъ нѣкоторую отдѣльную матерію, предназначенную для пользы тѣхъ, кто, усвоивши общіе элементы, желалъ бы пріобрѣсть способность къ отысканію рѣшеній предложенныхъ геометрическихъ задачъ; только для этой цѣли она и полезна. Предлагается она тремя лицами, Эвклидомъ, именно составителемъ „Элементовъ“, Аполлоніемъ Пергейскимъ и Аристеемъ старшимъ. Здѣсь поступаютъ по способу разрѣшенія и сложенія. Разрѣшеніе есть методъ, которымъ отъ подлежащаго вопросу, какъ бы уже безспорнаго, посредствомъ того, что̀ за̀тѣмъ слѣдуетъ, приходятъ къ какому нибудь заключенію, дозволяющему построеніе. Потому что, въ разрѣшеніи, предполагая искомое какъ бы уже найденнымъ, мы ищемъ, изъ чего другого оно могло бы слѣдовать,—затѣмъ, изъ чего могло бы слѣдовать это другое, и т. д. до тѣхъ поръ, пока, отступая такимъ образомъ, мы не напали бы на что нибудь дѣйствительно извѣстное и признанное началомъ. Такого рода процессъ называется *анализомъ*,—такъ сказать *обратнымъ рѣшеніемъ*. Въ сложеніи же, наоборотъ, то дѣйствительно извѣстное, что̀ было получено въ концѣ анализа, и то что̀ тамъ слѣдовало одно за другимъ, располагая въ естественномъ порядкѣ, какъ предшествующее одно другому, приходимъ, наконецъ, къ построенію искомаго. Это мы называемъ *синтезомъ*.

Digitized by Google

Анализъ бываетъ двоякаго рода: именно, или доказывающій истинность, и называемый *теоретическимъ*, или рѣшающій *задачи*, и называемый *проблематическимъ*.

2) *Гоббсъ* признаетъ анализъ и синтезъ геометровъ операціями спеціальными, которыя не могутъ быть разсматриваемы въ такъ-называемой *общей* логикѣ,—т. е. въ логикѣ дедукціи и логикѣ началъ,—хотя всякій научный методъ есть или анализъ, или синтезъ, или сочетаніе того и другого. «Методъ философствованія, говоритъ онъ, для тѣхъ кто ищетъ просто знанія, не задаваясь какою-нибудь опредѣленною цѣлью, есть отчасти аналитическій, отчасти синтетическій;—именно, въ переходѣ отъ внѣшнихъ ощущеній къ открытію началъ—аналитическій, а въ дальнѣйшемъ—синтетическій». Гоббсъ доказываетъ послѣднее утвержденіе слѣдующимъ образомъ. «Методъ философіи, говоритъ онъ, есть кратчайшій способъ открытія дѣйствій посредствомъ извѣстныхъ причинъ, и причинъ посредствомъ извѣстныхъ дѣйствій... Такимъ образомъ, наука есть знаніе τὸ διότι или причинъ; всякое другое знаніе, такъ-называемое—τὸ ὅτι, есть ощущеніе или остающееся отъ него воображеніе или воспоминаніе». Послѣднее знаніе достигается естественно или непосредственно; а первое есть произведеніе умозаключеній. Теперь спрашивается: что такое—умозаключеніе?—Умозаключеніе, учитъ Гоббсъ, есть или сложеніе, иначе сочетаніе, или дѣленіе, иначе разрѣшеніе. Гоббсъ объясняетъ это слѣдующими примѣрами. Если кто-нибудь издалека видитъ нѣчто, какую-нибудь вещь, то, даже не произнося никакихъ словъ, онъ имѣетъ ту самую идею этой вещи, изъ-за которой, потомъ, пользуясь словами, называетъ ее *тѣломъ*. Затѣмъ, подступивши ближе, и увидѣвши, что эта вещь извѣстнымъ образомъ перемѣщается, онъ получитъ о той же вещи новую идею, ради которой назоветъ ее *одушевленною*. Наконецъ, когда ставши по близости, онъ видитъ ея фигуру, слышитъ голосъ и замѣчаетъ другія вещи, служащія знаками разумнаго духа, онъ будетъ имѣть и третью идею, хотя бы для нея не было еще никакого имени,—ту именно, изъ-за которой мы называемъ что-нибудь *разумнымъ*. И наконецъ, когда онъ понимаетъ всю вещь какъ одну, уже видѣнную вполнѣ и раздѣльно, его идея этой вещи составляется изъ трехъ предыдущихъ; такимъ путемъ духъ слагаетъ вышеназванныя идеи тѣмъ же по-

Digitized by Google

рядкомъ, какимъ тѣ отдѣльныя имена *тѣло*, *одушевленное*, *разумное*, слагаются въ одно имя *тѣло одушевленное разумное*, или *человѣкъ*. Такимъ же образомъ, изъ понятій *четырехстороннягo*, *равносторонняго* и *прямоугольнаго* слагается идея *квадрата*. Потому что духъ можетъ имѣть понятіе о четырехстороннемъ, отдѣльно отъ понятія о равностороннемъ, и понятіе о равностороннемъ, отдѣльно отъ понятія о прямоугольномъ, а эти отдѣльныя понятія можетъ связать въ одномъ понятіи или одной идеѣ квадрата. Отсюда ясно, какимъ образомъ духъ нашъ слагаетъ свои понятія. Наоборотъ, если кто видитъ присутствующаго человѣка, то имѣетъ полную идею его; если же, при его удаленіи, послѣдуетъ за нимъ только взоромъ, то не удержитъ идеи тѣхъ вещей, которыя были знаками разума; но идея одушевленнаго будетъ присуща взору, и такимъ образомъ, изъ цѣлой идеи *человѣка*, т. е. *тѣла одушевленнаго разумнаго*, выдѣляется идея *разумнаго*, и остается только идея *тѣла одушевленнаго*; затѣмъ, «спустя немного времени, на большемъ разстояніи, не удержится и идея *одушевленнаго*, и останется только идея *тѣла*; и наконецъ, когда, при большемъ разстояніи, тѣло станетъ незамѣтнымъ, весь образъ его исчезаетъ изъ глазъ». Это будетъ примѣромъ разложенія или разрѣшенія.

Въ предупрежденіе недоразумѣній, Гоббсъ, въ самомъ концѣ своего трактата по логикѣ, дѣлаетъ замѣчаніе, которое не было достаточно оцѣнено, знакомымъ съ его логическимъ трудомъ, авторомъ Logique du Port-Royal. «Иному, говоритъ онъ, можетъ показаться, что къ этой главѣ о *методѣ* относится и то искусство геометровъ, которое они называютъ *логистикою*, т. е., посредствомъ котораго, предполагая подлежащее вопросу истиннымъ, приходятъ путемъ умозаключеній или къ извѣстному, чѣмъ можетъ быть доказана истина подлежащаго вопросу, или къ невозможному, изъ чего можетъ быть понята ложность того, что предположено. Но это искусство не можетъ быть изложено въ этомъ мѣстѣ. Причина—та, что этотъ методъ не можетъ быть ни приложенъ къ дѣлу, ни даже понятъ никѣмъ, кромѣ тѣхъ кто знакомъ съ геометріею; и сами геометры могутъ пользоваться логистикою тѣмъ лучше, чѣмъ больше каждый изъ нихъ знаетъ теоремъ, и чѣмъ живѣе представляетъ ихъ себѣ; такъ что въ дѣйствительности логистика не отдѣлима отъ геометріи. Потому что этотъ методъ

Digitized by Google

имѣетъ три части: первая состоитъ въ отысканіи, между неизвѣстнымъ и извѣстнымъ, равенства, называемаго уравненіемъ (equatio); а это уравненіе можетъ быть найдено только тѣми, кто запасся знаніемъ природы, свойствъ и преобразованій (transformationes) пропорціи,—сложенія линій и поверхностей, ихъ вычитанія, умноженія и дѣленія, съ извлеченіемъ корней; а это уже дѣло не зауряднаго геометра. Вторая часть состоитъ въ томъ, чтобы, по найденному уравненію, умѣть судить: можетъ ли быть выведена изъ него истинность или ложность вопроса, или же нѣтъ? А это—дѣло еще высшаго знанія. Третья—та, чтобы, нашедши уравненіе, пригодное для рѣшенія вопроса, разрѣшить послѣдній такъ, чтобы истинность или ложность его стала очевидною; чего, въ труднѣйшихъ вопросахъ, нельзя сдѣлать безъ знанія природы криволинейныхъ фигуръ. А имѣть готовое знаніе природы и свойствъ криволинейныхъ фигуръ,—это—верхъ геометрическихъ знаній. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что для отысканія уравненій не существуетъ никакого метода, и каждый успѣваетъ здѣсь настолько, насколько обладаетъ естественною проницательностью».

3) *Ньютонъ* разумѣетъ подъ анализомъ наведеніе и тѣ умственныя операціи, на которыя оно опирается,—т. е. ближайшимъ образомъ, произведеніе опытовъ и наблюденій; а подъ синтезомъ—дедукцію изъ началъ добытыхъ путемъ наведенія. «Въ философіи природы,—говоритъ онъ,—точно также какъ и въ математикѣ, изслѣдованіе трудныхъ вещей путемъ анализа должно бы всегда предшествовать методу синтеза. Такой анализъ состоитъ въ произведеніи опытовъ и наблюденій, въ выводѣ изъ нихъ общихъ заключеній, и въ устраненіи тѣхъ возраженій противъ послѣднихъ, какія только не заимствуются изъ опытовъ и другихъ извѣстныхъ истинъ. Что касается гипотезъ, то въ экспериментальной философіи они должны быть оставлены безъ вниманія. И хотя-бы выводъ изъ опытовъ и наблюденій путемъ наведенія не давалъ доказательства общихъ заключеній, все-таки это самый лучшій путь вывода, какой только допускается природою вещей, и можетъ быть признанъ тѣмъ болѣе строгимъ, чѣмъ наведеніе будетъ болѣе общимъ... Такимъ путемъ анализа мы переходимъ отъ сложнаго къ простому, и отъ движеній къ производящимъ ихъ силамъ; и вообще отъ дѣйствій къ причинамъ, и отъ частныхъ причинъ

Digitized by Google

къ болѣе общимъ, пока выводъ не сдѣлается самымъ общимъ. Методъ же синтеза состоитъ въ томъ, что найденными причинами пользуются какъ началами, для объясненія явленій, вытекающихъ изъ ихъ дѣйствій, и для оправданія этихъ объясненій».

4) Логика *Поръ-Рояля* отожествила научный анализъ и синтезъ съ анализомъ и синтезомъ геометровъ. «Методомъ вообще,—читаемъ въ этой логикѣ,—можно назвать искусство расположенія многихъ мыслей въ надлежащей послѣдовательности, съ цѣлью—или открытія истины, какъ скоро она еще неизвѣстна намъ,—или доказательства для другихъ, какъ скоро она намъ уже извѣстна.

«Такимъ образомъ, есть два рода методовъ: одинъ—для открытія истины, который называютъ *анализомъ* или *методомъ разрѣшенія*, и который можно назвать также *методомъ изобрѣтенія*; и другой—для убѣжденія въ ней другихъ, какъ скоро она найдена, называемый *синтезомъ* или *методомъ сложенія*, и который можно назвать также *методомъ ученія*... Анализъ состоитъ, главнымъ образомъ, во вниманіи къ тому что есть извѣстнаго въ подлежащемъ рѣшенію вопросѣ: искусство сводится здѣсь къ извлеченію, изъ такого испытанія, множества истинъ, способныхъ вести къ познанію искомаго... Оба эти метода отличаются только какъ путь, который дѣлаютъ поднимаясь изъ долины на гору, отличается отъ пути, который дѣлаютъ нисходя съ горы въ долину; или какъ отличаются два способа, какими можно пользоваться для доказательства, что извѣстное лицо происходитъ отъ Людовика Святого:—одинъ состоитъ въ томъ, чтобы доказать, что это лицо имѣетъ отцомъ такого-то, который былъ сыномъ такого-то, а послѣдній другого, и т. д., до самого Людовика Святого; а другой, когда начинаютъ Людовикомъ Святымъ, и показываютъ, что онъ имѣлъ такихъ-то дѣтей, а эти дѣти—другихъ, нисходя до того лица, о которомъ идетъ дѣло. И этотъ примѣръ тѣмъ болѣе годенъ въ данномъ случаѣ, что, какъ извѣстно, для отысканія неизвѣстной генеалогіи, надобно восходить отъ сына къ отцу; между тѣмъ какъ для объясненія ея другимъ, послѣ того какъ она найдена, всего обыкновеннѣе—начинать стволомъ, указывая на отпрыски. Тоже дѣлается обыкновенно и въ наукахъ, гдѣ, послѣ употребле-

Digitized by Google

нія анализа, для отысканія какой-нибудь истины, пользуются другимъ методомъ, для изложенія найденной.

„Отсюда можно понять, что такое анализъ геометровъ. Онъ состоитъ въ слѣдующемъ: какъ скоро имъ предложенъ вопросъ, котораго истинности или ложности, если это теорема, и возможности или невозможности, если это проблема, — они не знаютъ: то они предполагаютъ, что это такъ и есть, какъ предлагается; и если, испытывая то что отсюда вытекаетъ, приходятъ къ какой нибудь ясной истинѣ, относительно которой предложенное оказывается необходимымъ послѣдствіемъ, то заключаютъ изъ этого, что предложенное имъ истинно; а затѣмъ, отправляясь отъ того, чѣмъ кончили, доказываютъ это другимъ методомъ, который называется *методомъ сложенія*. Но если, вслѣдствіе необходимаго вывода изъ предложеннаго, они впадаютъ въ какую нибудь нелѣпость или невозможность, то они заключаютъ, что предложенное имъ ложно и невозможно. Вотъ что можно сказать общаго объ анализѣ»...

Нѣкоторая неясность выраженій и сравненій не позволяетъ усумниться въ томъ, что Логика Поръ-Рояля, подъ научнымъ анализомъ и синтезомъ разумѣетъ, подобно геометрамъ, двѣ формы дедукціи, иначе такъ-называемые сориты, или цѣпи умозаключеній, опирающихся на принципы, т. е. опредѣленія и аксіомы, какъ въ геометріи. Это подтверждается общимъ мнѣніемъ, что глава о методѣ, въ Логикѣ Поръ-Рояля, принадлежитъ *Паскалю*,—и взглядомъ послѣдняго на методъ наукъ, который онъ изложилъ во фрагментахъ своего «Трактата о пустотѣ».

Паскаль замѣчаетъ здѣсь, что изученіе истины можетъ преслѣдовать три главныя цѣли: открытіе послѣдней, ея доказательство, „какъ скоро ею уже владѣютъ“, и наконецъ отдѣленіе истиннаго отъ ложнаго. „Геометрія, говоритъ онъ, отличающаяся во всѣхъ трехъ родахъ изслѣдованій, объяснила искусство открытія неизвѣстныхъ истинъ; это — такъ-называемый ею *Анализъ*». Паскаль считаетъ безполезнымъ разсуждать объ анализѣ, послѣ столькихъ сдѣланныхъ по этому предмету работъ; и останавливается на одномъ синтезѣ, или доказательствѣ („демонстраціи“ геометровъ). „Способъ доказыванія истинъ уже найденныхъ, и объясненія послѣднихъ, дѣлающаго доказательство непреодолимымъ,—вотъ все что

Digitized by Google

я могу дать; а для этого я долженъ только объяснить методъ, который при этомъ наблюдается геометріею; потому что она въ совершенствѣ преподаетъ его въ своихъ примѣрахъ, хотя и не предлагаетъ о томъ никакого разсужденія.

«Я не могу лучше объяснить путь, которымъ должно слѣдовать, чтобы сдѣлать доказательства убѣдительными, какъ указавши тотъ, который наблюдается геометріею...

«Итакъ, я хочу объяснить, что̀ такое доказательство, — изъ примѣра доказательствъ геометріи, которая почти одна, между всѣми человѣческими науками, имѣетъ ихъ съ характеромъ непреодолимости; потому что она одна соблюдаетъ истинный методъ, между тѣмъ какъ другія науки, вслѣдствіе естественной необходимости, подвержены нѣкотораго рода сбивчивости (confusion), понятной во всей тонкости только однимъ геометрамъ".—Въ чемъ же состоитъ этотъ истинный методъ научныхъ доказательствъ? Паскаль отвѣчаетъ на это, прежде всего, указаніемъ на методъ, который еще выше геометрическаго, и который состоялъ бы въ томъ, чтобы не употреблять ни одного термина, не опредѣливши его значенія,—и не давать ни одного предложенія, не доказавши его изъ истинъ уже извѣстныхъ. Но этотъ методъ, какъ онъ ни хорошъ, «абсолютно невозможенъ, говоритъ Паскаль; потому что очевидно, что первые термины, которые мы захотѣли бы опредѣлить, предполагали бы впереди себя другіе, потребные для ихъ объясненія; и точно также, первыя предложенія, которыя мы хотѣли бы доказать, предполагали бы впереди себя другія предложенія; и такимъ образомъ, ясно, мы никогда не достигли бы до первыхъ» терминовъ и предложеній. За то возможенъ другой, менѣе убѣдительный, но не менѣе достовѣрный методъ: это—тотъ, которымъ пользуется геометрія. «Послѣдній опредѣляетъ не все и доказываетъ не все, и въ этомъ уступаетъ первому; но онъ предполагаетъ только вещи ясныя и твердыя, вслѣдствіе ихъ естественнаго свѣта; и вотъ почему онъ совершенно истиненъ».

Этихъ краткихъ извлеченій изъ трактата Паскаля достаточно, чтобы понять, въ какомъ смыслѣ онъ обработалъ теорію метода,— анализа и синтеза,—въ Логикѣ Поръ-Рояля.

5. Предыдущіе писатели, весь научный анализъ и синтезъ, или по крайней мѣрѣ, бо́льшую долю его (какъ Ньютонъ) сводили къ

Digitized by Google

различнымъ видамъ умозаключеній. *Кондильякъ* впервые сдѣлалъ попытку свести ихъ къ умственнымъ операціямъ, не заключающимъ въ себѣ никакихъ умозаключеній, полагая при этомъ, что такъ понимаемый имъ анализъ и синтезъ есть не только орудіе практики, но и собственный органъ науки. Чтобы объяснить свой взглядъ на этотъ предметъ, Кондильякъ дѣлаетъ слѣдующее предположеніе. Пусть какому нибудь зрителю дали взглянуть, только на одно мгновеніе, на какую нибудь богатую и разнообразную сельскую мѣстность: несомнѣнно, говоритъ Кондильякъ, что такой зритель, при такомъ условіи увидитъ все, но изъ всего видѣннаго ничего не будетъ знать. «Чтобы получить знаніе этой мѣстности, недостаточно видѣть ее всю разомъ, а нужно видѣть каждую часть ея одну за другою,—и вмѣсто того чтобы объять все однимъ взглядомъ, послѣдовательно переходить отъ одного предмета къ другому, съ остановкою на каждомъ. Порядокъ наблюденія ихъ указанъ самою природою: это тотъ, въ какомъ она представляетъ ихъ: одни изъ нихъ особенно притягиваютъ къ себѣ взоры; всѣ другіе какъ бы располагаются передъ послѣдними. Вотъ предметы, которые подлежатъ наблюденію въ самомъ началѣ; какъ скоро ихъ относительное положеніе замѣчено, другіе размѣщаются въ промежуткахъ между ними, каждый на своемъ мѣстѣ. Тогда различаютъ всѣ предметы, формы и расположеніе которыхъ схвачены, и обнимаютъ ихъ однимъ взглядомъ. Теперь, порядокъ между ними въ нашемъ умѣ не преемственный, а современный. Это *разложеніе*, и *обратное сложеніе*, и есть то что̀ называютъ *анализомъ*. Итакъ, *анализовать* значитъ не что иное, какъ наблюдать свойства какого нибудь предмета въ порядкѣ преемства, чтобы придать имъ въ умѣ тотъ порядокъ современности, въ какомъ они существуютъ. Это именно природа и заставляетъ всѣхъ насъ дѣлать. Такимъ образомъ, анализъ, извѣстный, какъ думаютъ, однимъ философамъ, извѣстенъ всѣмъ. Нѣтъ такихъ швей, включительно до самыхъ мелкихъ, которыя бы не были убѣждены въ томъ. Потому что, если вы дадите имъ въ образецъ какое нибудь платье непривычной формы, и предложите имъ сдѣлать такое же, онѣ естественно попробуютъ раздѣлать и сдѣлать вновь этотъ образецъ, чтобы съумѣть сшить требуемое платье. Итакъ, онѣ знаютъ анализъ не хуже философовъ,

Digitized by Google

и знаютъ его пользу гораздо лучше тѣхъ, которые упорно настаиваютъ на томъ, что для пріобрѣтенія знаній существуетъ другой методъ».—Ясно, что Кондильякъ разумѣетъ подъ анализомъ (называя этимъ именемъ разложеніе и сложеніе), разложеніе цѣлаго на его составныя части, посредствомъ *отвлеченія* однѣхъ отъ другихъ, и возстановленіе того же цѣлаго, посредствомъ воспроизведенія его разложенныхъ частей и ихъ отношеній, по даннымъ памяти, вспомоществуемымъ непосредственнымъ наблюденіемъ. Несомнѣнно, что это и есть первоначальный и ясный смыслъ терминовъ *анализъ* и *синтезъ*; но очевидно также, что онъ не обнимаетъ собою тѣхъ, болѣе тонкихъ и косвенныхъ операцій, которыя этими терминами названы у геометровъ, и у Гоббса и Ньютона,—т. е. аналитическихъ и синтетическихъ умозаключеній.

6. Самое полное понятіе объ анализѣ и синтезѣ представлено *Бэномъ*. «Общую идею коррелятивныхъ терминовъ *анализъ* и *синтезъ*, говоритъ онъ, трудно выразить надлежащимъ образомъ, благодаря разнообразію ихъ употребленій. Химическій анализъ, математическій анализъ, логическій анализъ, съ соотвѣтственными синтезами, сходные въ основѣ, имѣютъ и черты разницы.

«Общая идея анализа — раздѣленіе; — синтеза — сложеніе или сочетаніе». Но сочетаніе безъ предшествующаго дѣленія не есть синтезъ. «Между тѣмъ какъ человѣкъ науки, по самой природѣ послѣдней есть аналитикъ,—поэтъ или художникъ, дѣлающій сочетанія, не предваряя ихъ анализомъ, не есть синтетикъ. Синтезъ, какъ противоположность анализу, есть сочетаніе *послѣ* анализа. Онъ пользуется въ цѣляхъ построенія результатами анализа.

«Простѣйшее поясненіе обоихъ соотносительныхъ процессовъ представляютъ примѣры *химическаго* анализа. Химикъ работаетъ надъ смѣсью или сочетаніемъ матеріальныхъ тѣлъ,—напримѣръ, какого-нибудь новооткрытаго минерала, какой-нибудь воды, какого-нибудь страннаго продукта найденнаго въ очагѣ, или въ желудкѣ отравленнаго человѣка. Онъ раздѣляетъ и отожествляетъ различные элементы сложности. Какъ скоро дана вода какого-нибудь минеральнаго источника, онъ устанавливаетъ точно, какія соли и газы распущены въ ней, и въ какой пропорціи».

Digitized by Google

«Обратный синтезъ будетъ состоять въ возстановленіи данной сложности, съ помощью нѣсколькихъ элементовъ, взятыхъ въ надлежащихъ пропорціяхъ. Такимъ образомъ, установивши точно составныя части какой-нибудь минеральной воды, можно затѣмъ произвести эту воду искусственно»...

Анализъ *логическій* есть «обыкновенный научный анализъ, если исключить отсюда частный случай математики. Здѣсь анализъ въ существѣ тоже что̀ обобщеніе, будетъ-ли то—понятій, или предложеній. Что такое синтезъ, обнаружится позднѣе.

«Процессы уподобленія, отожествленія, классификаціи, обобщенія, отвлеченія, опредѣленія, суть различныя стороны, формы или стадіи одной и той-же основной операціи. И анализъ есть другой видъ, другая сторона того же протея. Отожествлять, классифицировать, и отвлекать, есть тоже самое, что раздѣлять или анализовать, насколько это допускается самымъ случаемъ,—такъ какъ раздѣленіе здѣсь уже не дѣйствительное (actual), какъ въ химіи, а только умственное или идеальное. Отожествлять и сводить въ одинъ классъ прозрачныя тѣла, значитъ тоже, что дѣлать отвлекающее выдѣленіе, или анализъ, свойства называемаго прозрачностью; иначе—разсматривать ихъ отправленія, силы и дѣйствія въ отдѣльности отъ всѣхъ другихъ силъ, свойственныхъ индивидуальнымъ прозрачнымъ тѣламъ. Вода—жидкость, но на это не обращается вниманія; алмазъ обладаетъ чрезвычайною способностью отраженія, но это не идетъ на замѣчаніе; обѣ субстанціи изучаются лишь въ томъ, общемъ имъ свойствѣ, которое называется прозрачностью.

«Изслѣдованіе природы вращается исключительно на этомъ отвлекающемъ дѣленіи. Тѣла составлены изъ кучи силъ или свойствъ, связанныхъ неразрывно, однако слѣдующихъ каждое своимъ путемъ, безъ всякой помѣхи со стороны другихъ. Вода, какъ прозрачное тѣло, обладаетъ точно такою же способностью, какою обладаютъ и алмазъ и горный хрусталь, какъ прозрачныя тѣла; другія свойства, которыми оба тѣла различаются между собою, не находятся ни въ какой зависимости отъ прозрачности, и не имѣютъ на нее никакого вліянія. Отсюда, духъ, обладающій весьма ограниченными силами вниманія, и легко задерживаемый и затрудняемый развлекающими обстоятельствами, находитъ удоб-

Digitized by Google

нымъ оставлять безъ вниманія всѣ сопровождающія свойства, и сосредоточивать свои силы исключительно на предметѣ текущаго изученія».

«Такимъ образомъ, отвлеченіе и анализъ, если и не тожественны, то суть тотъ-же самый фактъ, разсматриваемый съ небольшою разницею. Подъ отвлеченіемъ разумѣется отдѣльное разсмотрѣніе кого-нибудь одного пункта сходства, оставляющее въ тѣни всѣ другія сопровожденія;—такъ, прозрачность изучается сама по себѣ, опуская изъ виду специфическій вѣсъ и всѣ другія свойства тѣлъ. Анализъ означаетъ совершенно тоже самое; только идетъ нѣсколько дальше. Онъ предполагаетъ, что, въ свою очередь, можетъ быть отвлечено *каждое* свойство конкретнаго даннаго,—прозрачность, жидкость, специфическій вѣсъ; такъ что вода, какъ цѣлое, можетъ быть анализована, или раздѣлена (умственно), на нѣкоторое число различныхъ свойствъ, перечисленіе которыхъ и дастъ полный отчетъ относительно дѣйствія воды».

«Чѣмъ дальше идетъ отвлеченіе и обобщеніе, тѣмъ дальше идетъ анализъ. Когда, обобщивши всѣ механическія движенія, и образовавши отвлеченную идею, или аналитическое отдѣленіе молярной или механической силы, мы приступаемъ къ отожествленію механическаго момента съ молекулярными силами, мы дѣлаемъ новый анализъ; мы отдѣляемъ свойство силы отъ его исключительной связи съ движеніемъ массъ, и разсматриваемъ его какъ движеніе матеріи, будетъ-ли оно въ большихъ или малыхъ аггрегатахъ».

Затѣмъ Бэнъ указываетъ соотвѣтственное значеніе синтеза. «Какъ анализъ есть мысленное раздѣленіе, и раздѣльное изложеніе всѣхъ функцій какой-нибудь конкретной вещи,—напримѣръ воды, желѣза, крови,—такъ синтезъ есть возстановленіе цѣлаго въ ихъ аггрегатѣ. Его силу можно видѣть въ предположеніи какого-нибудь новаго аггрегата, напримѣръ жидкаго алмаза,—металла со всѣми свойствами свинца, за исключеніемъ ѣдкости. Его можно также объяснить указаніемъ на сообщеніе свѣденій о какомъ-нибудь минераллѣ помимо конкретнаго образца».

Указавши на логическое значеніе анализа какъ отвлеченія, Бэнъ переходитъ къ логическому употребленію того же термина въ смыслѣ наведенія. Такъ какъ «отвлеченныя свойства или по-

Digitized by Google

нятія и суть то, что̀ входитъ въ *индуктивныя обобщенія* природы,—потому что каждый индуктивный законъ есть только сочетаніе ихъ по два или по нѣскольку,—то анализъ становится приложимымъ къ индуктивному открытію. Невозможно никакое широкое наведеніе безъ соотвѣтственнаго широкаго обобщенія по крайней мѣрѣ двухъ понятій, т. е. безъ равносильнаго аналитическаго раздѣленія».

Бэнъ замѣчаетъ, что терминъ анализъ употребляется въ значеніи индукціи еще у Аристотеля, и затѣмъ у позднѣйшихъ его послѣдователей. Такое употребленіе анализа, по контрасту терминовъ анализъ и синтезъ, привело къ употребленію послѣдняго въ смыслѣ дедукціи. Названіе дедукціи синтезомъ вполнѣ точно въ приложеніи къ дедукціямъ *сложнымъ*,—къ выводу явленія или закона изъ сочетанія двухъ или нѣсколькихъ законовъ; но къ *простымъ* дедукціямъ оно едва ли приложимо, — замѣчаетъ Бэнъ. Простой силлогизмъ, по словамъ Бэна, можетъ быть разсматриваемъ даже какъ анализъ (конечно, сравнительно съ энтимемою).—Къ этимъ замѣчаніямъ Бэна мы прибавимъ съ своей стороны, что всякое наведеніе, какъ дающее законъ природы, т. е. реальное предложеніе, есть существенно функція синтетическая: анализъ въ наведеніи есть только подготовка и обработка синтеза. Вотъ почему нельзя не согласиться съ заключеніемъ Бэна, что названіе индукціи анализомъ, а дедукціи синтезомъ, не можетъ принести никакой пользы. Логика нашего времени должна оставить эти термины—какъ популярные и неточные въ ихъ спеціальныхъ значеніяхъ—внѣ круга своей основной терминологіи.

Переходя, наконецъ, къ геометрическому анализу и синтезу, Бэнъ заявляетъ, что такъ-называемый математическій или геометрическій синтезъ есть ничто иное какъ дедукція, и проводитъ ту мысль, что, при данныхъ началахъ и раньше доказанныхъ предложеніяхъ, геометрическій синтезъ можетъ и не быть простымъ изложеніемъ, или возстановленіемъ въ цѣлости, данныхъ анализа. Можно отъ принципа перейти къ частному случаю, т. е. получить послѣдній путемъ дедукціи изъ этого принципа,—иначе синтетически,—и безъ предварительнаго анализа того же случая. Еще легче получить новую истину путемъ пробы какого нибудь сочетанія из-

Digitized by Google

вѣстныхъ началъ и доказанныхъ предложеній. Слѣдовательно, противоположеніе въ геометріи анализа синтезу, какъ операціи открывающей—операціи излагающей, не совсѣмъ точно. Но чтоже такое анализъ геометровъ? Есть ли это индукція, или вообще операція отличная отъ дедукціи? Нисколько. Объ этомъ анализѣ «намъ говорятъ, что онъ идетъ отъ неизвѣстнаго къ извѣстному. Если бы кто нибудь подозрѣвалъ или догадывался (не будучи въ томъ увѣренъ), что квадратъ гипотезы треугольника равенъ суммѣ квадратовъ его сторонъ, и допуская это утвержденіе, сдѣлалъ бы попытку связать его нитью геометрическаго умозаключенія съ установленными предложеніями геометріи, операція эта названа была бы аналитическою или регрессивною, сравнительно съ синтетическимъ или прогрессивнымъ ходомъ, какъ онъ описанъ выше. Въ дѣйствительности, однако, умственная операція въ обоихъ случаяхъ, по существу, одна и таже; оба случая разнятся только при поверхностномъ разсмотрѣніи, какъ изслѣдованіе—идущее отъ причины къ дѣйствію, и отъ дѣйствія къ причинѣ. Допуская истинность первой догадки, мы должны разсмотрѣть, какія предложенія требуются ближайшимъ образомъ для ея опоры; и затѣмъ какія другія предложенія могли бы поддержать эти, и т. д., до тѣхъ поръ, пока не придемъ къ теоремамъ уже доказаннымъ. Дѣйствительная работа, на каждомъ шагу, есть только дедуктивная: мы придумываемъ предложеніе, и выводимъ изъ него слѣдствія; если послѣднія совпадаютъ съ нашимъ случаемъ, то это предложеніе или предложенія и будутъ тѣ какія намъ нужны; а если они отыскиваются между истинными предложеніями геометріи, мы достигли нашей цѣли: мы доказали нашу догадку, и ввели ее въ цѣпь геометрическихъ дедукцій...

«Итакъ, между тѣмъ какъ *синтезъ* имѣетъ повсюду отношеніе къ научнымъ процессамъ дедуктивнаго и сочетавающаго характера, *анализъ* относится къ обобщенію или наведенію, всюду, за исключеніемъ математики, гдѣ онъ есть лишь видъ дедуктивнаго синтеза, приспособленнаго къ рѣшенію спеціальныхъ задачъ»...

Въ новѣйшей нѣмецкой логической литературѣ отражаются ученія объ анализѣ и синтезѣ англійскихъ писателей, ближайшимъ образомъ *Бэна*. Такъ *Вундтъ* характеризуетъ слѣдующимъ обра-

Digitized by Google

зомъ логическій анализъ и синтезъ: «Каждое отдѣльное научное изслѣдованіе состоитъ или въ расчлененіи какого-нибудь сложнаго предмета на его составныя части, или въ сочетаніи какихъ-нибудь относительно-простыхъ фактовъ, въ цѣляхъ полученія сложныхъ результатовъ. Анализъ и синтезъ, поэтому, суть самыя общія формы изслѣдованія, которыя входятъ во всѣ другія, какъ ихъ неизбѣжныя составныя части. Такимъ образомъ, на нихъ опираются ближайшимъ образомъ двѣ пары сложныхъ методовъ: во-первыхъ, *отвлеченіе*, съ обратною ему *детерминаціею* (дополненіемъ опредѣленія посредствомъ принадлежностей [propria] и случайностей [accidentia]); и во-вторыхъ, *наведеніе*, съ обратною ему *дедукціею*. Отвлеченіе основано на изслѣдованіяхъ аналитическихъ: детерминація есть операція синтетическая. Индукція опирается преимущественно на анализъ фактовъ; дедукція связываетъ вновь, полученные путемъ анализа, элементы. Впрочемъ, этимъ указывается только преобладающее направленіе умственныхъ операцій; потому что сложный характеръ этихъ методовъ обнаруживается именно въ сочетаніи анализа и синтеза при ихъ приложеніи».

Изъ русскихъ писателей по логикѣ, учившихъ объ этомъ предметѣ, *Карповъ* сближается съ Ньютономъ. «Метода *аналитическая*, говоритъ онъ, предначертываетъ ходъ мышленія отъ частей къ цѣлому, отъ отдѣльнаго къ общему, отъ явленій къ основанію, словомъ—отъ многаго къ одному,—и съ формальной своей стороны обыкновенно представляетъ намъ рядъ наведеній». Метода же «*синтетическая* предначертываетъ ходъ мышленія отъ цѣлаго къ частямъ, отъ общаго къ отдѣльному, отъ основанія къ явленіямъ, словомъ—отъ одного ко многому,—и съ формальной своей стороны осуществляется какимъ-нибудь рядомъ силлогизмовъ». *Владиславлевъ* считаетъ анализъ и синтезъ однимъ изъ трехъ видовъ дедукціи; (два другіе онъ видитъ, во-первыхъ, въ доказательствахъ и опроверженіяхъ, и во-вторыхъ, въ дополненіи индукцій дедукціями). Очевидно, что здѣсь Владиславлевъ не отдѣляется отъ Паскаля и Логики Поръ-Рояля, хотя и не сводитъ всей дедукціи къ анализу и синтезу. Но въ описаніи трехъ видовъ анализа и трехъ видовъ синтеза, сливаетъ оба процесса не только съ ин-

Digitized by Google

дукціею, но и съ отвлеченіемъ и описаніями. Такимъ образомъ, ученіе Владиславлева объ анализѣ и синтезѣ представляетъ наименѣе обработанную часть его логическаго труда.

Ученіе о геометрическомъ анализѣ и синтезѣ прекрасно изложено профес. *Бугаевымъ*, въ послѣдней главѣ его Планиметріи. (Москва. 1883. Изданіе Салаевыхъ).

Bain. Logic. 1870. Tom II.

Condillac. Logique. 1801.

Hobbes, Th. Opera philosophica. Amsterd. 1668. Computatio sive Logica.

Карповъ. Систематическое изложеніе Логики. 1856.

La Logique, ou L'art de penser (Du Port-Royal). 6-me edit. 1720.

Newton. Optices. Liber III.

Pascal. Opuscules philosophiques, publiés et annotés par E. Havet. 1864.

Владиславлевъ. Логика. 1872.

Wundt. Logik. Band II, 1883.

Digitized by Google

ГЛАВА IV.

Логика Психологіи.

1. Психологія, по своему предмету, отдѣляется, съ одной стороны, отъ наукъ физическихъ, т. е. наукъ о веществѣ и движеніи,—съ другой, отъ той вѣтви наукъ нравственныхъ, которая носитъ названіе соціологіи, иначе отъ наукъ политическихъ, общественныхъ. Духъ, какъ предметъ Психологіи, есть вся сумма *психическихъ* фактовъ, отличающихъ индивидуальное существованіе органическихъ произведеній природы.

Психическими фактами называются факты *сознанія*, страдательнаго и дѣятельнаго, или явленія *чувства, ума* и *воли*, обладающія, на высшей ступени органической природы, той особенной связью, или тѣмъ особеннымъ единствомъ, которое называется *личностью*.

Психическіе факты, какъ дѣйствительность, обнаруживаютъ соотвѣтствующія имъ *потенціи* или *способности*. Поэтому, вопросъ о психическихъ фактахъ издавна переводился въ вопросъ о психическихъ способностяхъ. Такимъ образомъ, всѣ вопросы Психологіи могутъ быть сведены къ слѣдующимъ тремъ: во-первыхъ, о количествѣ и качествахъ психическихъ способностей; во-вторыхъ, объ образованіи или естественной исторіи ихъ; и въ-третьихъ, о законахъ ихъ обнаруженія и образованія, иначе о законахъ теченія и развитія психическихъ явленій.

Digitized by Google

2. Психологія, какъ *наука* о духѣ должна быть отличаема отъ метафизики духа, или ученій о нефеноменальной сущности души, и ея существованіи внѣ связи съ тѣломъ. Практическое значеніе такихъ ученій тѣмъ нагляднѣе, что они возникаютъ въ отвѣтъ на внушенія религіозной вѣры человѣка, и содѣйствуютъ разрѣшенію вызываемыхъ ими недоумѣній. Но это не измѣняетъ теоретической природы разсматриваемыхъ ученій. Метафизика духа, какъ и всякая другая метафизика, есть система гипотезъ выходящихъ изъ области науки, какъ системы достовѣрныхъ истинъ.

3. Научные или положительные методы обработки предмета Психологіи представляютъ въ настоящее время цѣлую систему, въ центрѣ которой стоитъ психологія въ тѣсномъ смыслѣ, называемая *субъективною*, иначе *субъективнымъ анализомъ* духа, и *психологическимъ анализомъ* по преимуществу. Это—изученіе психическихъ способностей изъ самыхъ психическихъ явленій, или по руководству самонаблюденія.

Такъ какъ факты индивидуальные служатъ только матеріаломъ для науки, т. е. для ея обобщеній,—то очевидно, что субъективный анализъ духа, какъ вѣтвь науки о духѣ, не можетъ ограничиваться наблюденіями изслѣдователя только надъ своимъ собственнымъ духомъ. Внутреннее наблюденіе, самонаблюденіе, составляющее органъ субъективной психологіи, означаетъ наблюденія надъ собою всѣхъ людей, сравниваемыя и провѣряемыя представителями субъективнаго анализа.

Данныя субъективнаго анализа духа должны служить точкою отправленія для всѣхъ остальныхъ изслѣдованій духа. Никакой объективный анализъ психическихъ фактовъ не мыслимъ безъ предварительнаго знакомства съ ними по руководству самонаблюденія.

Субъективная психологія не исключаетъ ни одного изъ средствъ научнаго изслѣдованія. Въ классификаціяхъ и опредѣленіяхъ пси-

Digitized by Google

хическихъ явленій, она издавна выступала какъ наука описательная. Своими открытіями простѣйшихъ законовъ психическихъ явленій,—каковы напр. *законы ассоціаціи*,—она обязана индукціи, которую съ такимъ успѣхомъ прилагали къ обработкѣ этого предмета, послѣ Бэкона, въ Англіи. Наконецъ, болѣе строгимъ объясненіемъ состава нашихъ внѣшнихъ ощущеній, напр. зрительныхъ,— потомъ сложныхъ душевныхъ волненій,— каковы напр. чувство красоты, чувство нравственнаго долга,— и сложныхъ явленій нашей воли, мы обязаны преимущественно психологической дедукціи. Вообще, элементарные законы духа могутъ быть открываемы только съ помощью индукціи; объясненіе же изъ нихъ законовъ сложныхъ, равно какъ и сложныхъ формъ психическаго существованія, составляетъ задачу психологической дедукціи.

Субъективная наука о духѣ ограничивалась до сихъ поръ отдѣльными изслѣдованіями трехъ порядковъ психическихъ фактовъ, называемыхъ *чувствомъ, умомъ* и *волею*. Подъ чувствомъ разумѣются при этомъ какъ внѣшнія ощущенія, такъ и душевныя волненія. Недостатокъ такого рода психологическихъ работъ заключается прежде всего въ томъ, что онѣ не проливаютъ яснаго свѣта на тотъ синтезъ психическихъ фактовъ, который называется *личностью*. Очевидно, что ученіе объ индивидуальныхъ характерахъ людей, какъ различныхъ пропорціяхъ сочетанія психическихъ способностей, не затрогиваетъ вопроса объ устройствѣ личности, и ея естественной исторіи.—Затѣмъ, послѣ многихъ обобщеній, достигнутыхъ современною психологіею, и захватывающихъ всѣ основные порядки психическихъ явленій, содержаніе субъективной психологіи нельзя, безъ насилія, втиснуть въ отдѣльныя изслѣдованія объ этихъ порядкахъ. Правильно ли, напр., излагать законы ассоціаціи въ ученіи объ умѣ, когда въ нихъ мы имѣемъ законы не одного ума, а всѣхъ вообще классовъ психическихъ явленій,—иначе сказать, *общіе* законы человѣческаго духа? Очевидно,

Digitized by Google

что ученіямъ объ умѣ, чувствѣ и волѣ, должно предшествовать нѣкоторое ученіе *объ общихъ свойствахъ и законахъ духа**).

4. Субъективному анализу духа противополагается *объективное* изученіе послѣдняго, т. е. изученіе психическихъ фактовъ изъ ихъ *физическихъ* или *тѣлесныхъ сопровожденій*.

Психическіе факты находятся въ постоянной связи съ нѣкоторыми тѣлесными сопровожденіями ихъ, и прежде всего съ физіологическими функціями органовъ тѣла. Связь эта, въ большей или меньшей мѣрѣ, признавалась во всѣ времена. Повседневный опытъ показываетъ, что перемѣны въ тѣлѣ отражаются въ состояніяхъ духа, и состоянія духа имѣютъ свое выраженіе въ тѣлѣ. Спрашивается: что это за связь?—Связь духа, или сознанія, съ состояніями тѣла, т. е. съ фактами молярнаго и молекулярнаго движенія, не должна быть принимаема за превращеніе сознанія въ движенія, или движеній въ сознаніе, а должна разсматриваться только какъ неизмѣнное *сопутствіе* психическихъ и физическихъ фактовъ, въ смыслѣ ихъ количественнаго соотвѣтствія, или *эквиваленціи*. Психическій фактъ, и его физическій эквивалентъ въ функціяхъ тѣла, должны быть разсматриваемы какъ одинъ *психологическій* фактъ, имѣющій двѣ стороны, психическую и физическую. Эквиваленція психическихъ и физическихъ фактовъ наблюдается не только въ отдѣльныхъ случаяхъ ихъ возникновенія,

---

*) Чувство замѣченнаго здѣсь недостатка, въ современной обработкѣ субъективной психологіи, и было побужденіемъ къ составленію сочиненія, изданнаго нами въ свѣтъ подъ именемъ: «*Наука о духѣ. Общія свойства и законы человѣческаго духа*». Сдѣланныя нами замѣчанія достаточно разъясняютъ предметъ и цѣль этого сочиненія. Мы считаемъ долгомъ указать здѣсь только на общій планъ задуманнаго нами труда. Наука о духѣ (субъективная) должна распадаться, по этому плану, на двѣ части: *общую* и *спеціальную*.

Общая часть должна состоять изъ двухъ отдѣловъ, содержащихъ:

I. Ученіе объ *общихъ свойствахъ* и *законахъ* человѣческаго духа. (Издано).

II. Ученіе объ *общихъ формахъ* человѣческаго духа. (Не издано).

Спеціальная часть должна содержать ученіе объ *отличительныхъ* или *спеціальныхъ свойствахъ, формахъ* и *законахъ* человѣческаго духа. (Не издано).

Digitized by Google

но и въ самомъ порядкѣ ихъ теченія, т. е. въ самыхъ законахъ духа. Изученіе духа въ связи съ его физіологическими сопровожденіями составляетъ физіологическую вѣтвь Психологіи, или *физіологію духа*.

Вслѣдствіе связи функцій органовъ тѣла съ веществомъ послѣднихъ, связь психическихъ явленій съ отправленіями органовъ тѣла распространяется и на самое анатомическое строеніе ихъ. Есть множество фактовъ, доказывающихъ количественное соотвѣтствіе психическихъ явленій и анатомическихъ элементовъ мозга и нервной системы. Важнѣйшимъ вопросомъ эквиваленціи такого рода является вопросъ о *локализаціи* психическихъ способностей въ различныхъ частяхъ мозга, т. е. объ ихъ анатомическихъ эквивалентахъ. Такимъ образомъ, физіологія духа должна заключать въ себѣ нѣкоторый родъ *анатомическаго анализа* психическихъ фактовъ.

Установленію корреляціи психическихъ и физическихъ явленій существованія человѣка, весьма благопріятны всѣ случаи разстройства физіологическихъ функцій тѣла, какъ и всѣ поврежденія и природные недостатки анатомическаго строенія его органовъ. Недостатки и порча строенія и функцій органовъ тѣла представляютъ драгоцѣнныя данныя для рѣшенія положительныхъ вопросовъ о связи психическихъ и физическихъ фактовъ, съ помощью *отрицательныхъ* случаевъ, или по методу *разницы*. Такимъ образомъ, параллельно физіологіи духа, должна быть своя *патологія духа*, съ примыкающими къ ней ученіями о слѣпорожденныхъ, глухонѣмыхъ, кретинахъ; и т. д.

5. Субъективный анализъ духа, каковы бы ни были его термины, есть собственно психологія современнаго цивилизованнаго человѣка, поддерживаемая физіологіею и анатоміею его тѣла. Это подаетъ поводъ ко многимъ дальнѣйшимъ вопросамъ. Первымъ изъ нихъ является слѣдующій: психическія способности, наблюдаемыя въ современномъ цивилизованномъ человѣкѣ, принадлежали ли ему

Digitized by Google

въ состояніи его первобытной дикости?—Исторія культуры или цивилизаціи человѣка заставляетъ отвѣчать на этотъ вопросъ отчасти отрицательно. Новѣйшіе историческіе труды этого рода позволяютъ принять за фактъ, что высшія способности ума, чувствъ, воли и личности человѣка, образуются постепенно, только съ прогрессомъ его общественности и государственности, и не свойственны людямъ въ состояніи ихъ первобытной дикости. Изслѣдованіе главнаго орудія этого прогресса человѣческой культуры, именно членораздѣльной рѣчи человѣка, проливаетъ свѣтъ на самые ранніе зачатки собственно человѣческаго сознанія, въ доисторическій періодъ существованія людей. Такимъ образомъ, рядомъ съ субъективною и объективною психологіею, должно существовать изученіе духа, представляющее сочетаніе субъективнаго и объективнаго методовъ, которое можно бы назвать *историко-культурною психологіею* человѣка, вырастающею на почвѣ субъективнаго анализа, исторіи культуры и лингвистики.

6. Съ послѣднею вѣтвью Психологіи тѣсно связана такъ-называемая *сравнительная психологія* человѣка,—т. е. изученіе не общаго психическаго типа человѣка, какъ въ сейчасъ разсмотрѣнной,—а *множества* такихъ типовъ, наблюдаемыхъ во множествѣ расъ, народовъ, обществъ. Сравнительная психологія можетъ быть разбита на три главныя части: 1) психологію *расъ* и *народовъ* (Völkerpsychologie); 2) психологію *половъ*, *возрастовъ*, и 3) психологію *общественныхъ* типовъ. Выше было замѣчено о сущности индивидуальнаго характера людей. Обобщенія индивидуальныхъ характеровъ, съ точки зрѣнія расъ, половъ и т. д., и даетъ тѣ общности (типы), которыя составляютъ предметъ сравнительной психологіи человѣка.

7. Психическіе факты не ограничены областью существованія людей; очевидно, что и Психологія не можетъ быть наукою только о человѣкѣ. Рядомъ съ психологіею человѣка должна быть *пси-*

Digitized by Google

хологія животныхъ. Психологія животныхъ имѣетъ богатый матеріалъ въ наблюденіяхъ надъ бытомъ и жизнью животныхъ; но эти наблюденія обѣщаютъ стать данными для точнаго ученія о душѣ животныхъ, повидимому, только въ связи съ обработкою *сравнительной физіологіи*, и сравнительной анатоміи или *морфологіи*. Такимъ образомъ, психологія животныхъ должна быть произведеніемъ сочетанія, точно также, двухъ методовъ изслѣдованія: субъективнаго (далеко не такъ надежнаго здѣсь, какъ въ психологіи человѣка) и объективнаго.

А. *Исторія ученій о задачахъ и методахъ Психологіи.*

1) Начало психологическихъ ученій положила древность; но въ первый періодъ ея обработки, который простирается до самыхъ новыхъ временъ, точнѣе до *Бэкона* и *Локка*,—метафизическіе вопросы и методы ученія о духѣ не отдѣлялись отъ научныхъ, и скорѣе господствовали надъ послѣдними. До Платона, мы встрѣчаемъ собственно два оригинальныхъ, отчетливо выраженныхъ взгляда на духъ человѣка, и оба метафизическаго характера; а именно:—съ одной стороны, Анаксагора, который училъ о душѣ, какъ началѣ *невещественномъ* въ вещественной природѣ, — съ другой—*Демокрита*, признававшаго ее началомъ *матеріальнымъ*, образующимся изъ тонкихъ атомовъ эфирнаго или огненнаго свойства. У *Платона* проводится метафизическій взглядъ на душу, родственный Анаксагорову, съ тою особенностью, что Платонъ не считаетъ природу души человѣка,—какъ и души міра, которой она есть порожденіе,—чуждою всякой вещественности,—но признаетъ ея составъ сложеннымъ изъ двухъ началъ,—матеріи и идеи; послѣдняя, начало вѣчное, и ссужаетъ ей свойство безсмертія.—Такимъ же образомъ, и *Аристотель* занимается душею преимущественно какъ *идеею*, какъ идеальною формою человѣческаго тѣла; но, между его сочиненіями, до насъ дошли три книги «О душѣ», въ которыхъ можно видѣть попытку научной обработки Психологіи, правда, первую и далеко не освободившуюся отъ вліянія его метафизики.—Неоплатоники, отцы церкви, и ученые сред-

Digitized by Google

нихъ вѣковъ и временъ возрожденія, не внесли въ такое положеніе Психологіи никакой существенной перемѣны.

2) Коренная реформа въ обработкѣ Психологіи связана съ великимъ именемъ *Бэкона*, который, очертивши различіе между методами научными и ненаучными, не только указалъ послѣдующимъ психологамъ истинный путь успѣшной психологической работы, но и достаточно отчетливо сдѣлалъ на немъ нѣсколько шаговъ. Очерчивая строгую область науки, онъ не принялъ, въ свою новую классификацію наукъ, средневѣковой *метафизики*, давши этому термину другое значеніе. Затѣмъ, не исключая богословія изъ круга ученыхъ изслѣдованій, онъ призналъ его не наукою, а только «искрою науки», и именно апологетикою вѣры; и къ богословію, — слѣдовательно въ область, стоящую внѣ науки,—относитъ ученіе о существѣ или субстанціи души, т. е. ея простотѣ, безсмертіи и т. д. Все научное ученіе о душѣ онъ ограничиваетъ изслѣдованіемъ, во-первыхъ, *способностей* души, и во-вторыхъ, ихъ *упражненія*. Такъ какъ послѣднее составляетъ содержаніе логики и морали, то на долю Психологіи какъ науки остаются у Бэкона только вопросы о *способностяхъ* или *свойствахъ* человѣческой души. Въ общемъ ученіи Бэкона о научномъ методѣ указанъ и научный методъ обработки Психологіи. Методъ этотъ—научная, или строгая, индукція, и основанные на ней выводы силлогистическаго характера, т. е. дедуктивные.

3) *Локкъ* содѣйствовалъ опредѣленію задачъ и методовъ Психологіи, какъ своимъ общимъ ученіемъ о *предѣлахъ* компетенціи человѣческаго ума и человѣческой науки, такъ и спеціальными изслѣдованіями вопросовъ психологическаго характера. Локкъ, первый, установилъ то общее убѣжденіе всѣхъ выдающихся мыслителей нашего времени, что человѣческое знаніе и человѣческая наука ограничены однимъ кругомъ *явленій*, внутреннихъ и внѣшнихъ,— иначе кругомъ состояній нашего сознанія; а на самыя вещи, вызывающія эти состоянія сознанія, или испытывающія ихъ, не простираются. Духъ доступный наукѣ, какъ и матерія доступная наукѣ, суть только два порядка явленій, психическихъ или внутреннихъ, и физическихъ или внѣшнихъ. Вопросъ о томъ, что такое духъ, какъ вещь отличная отъ состояній нашего сознанія, также научно не рѣшимъ, какъ и вопросъ о томъ, что̀ такое ма-

Digitized by Google

терія, какъ вещь отличная отъ нашихъ ощущеній, или отъ того, чѣмъ она представляется намъ въ послѣднихъ.

Пока существовала увѣренность въ возможности познанія *вещей въ себѣ*, или нефеноменальной сущности ихъ, кратко, въ возможности знаній метафизическихъ, многія психологическія теоріи, повидимому по вопросамъ далекимъ отъ метафизики, были тѣмъ не менѣе окрашены въ метафизическій цвѣтъ. Сюда именно относится древняя теорія о началахъ знанія, приносимыхъ въ міръ душею раждающагося человѣка, или *прирожденныхъ* ей; сюда же принадлежитъ схоластическая теорія способностей души—какъ отдѣльныхъ одна отъ другой психическихъ силъ, какъ индивидуальныхъ агентовъ обитающихъ въ ней, и дѣйствующихъ то согласно, то наперекоръ одинъ другому. Но какъ только Бэкономъ, и затѣмъ еще рѣзче Локкомъ, очерченъ былъ собственный кругъ человѣческаго знанія, съ исключеніемъ изъ него такъ-называемой метафизики, тотчасъ же должны были обнаружиться несостоятельныя метафизическія черты указанныхъ нами психологическихъ теорій. Это именно мы и встрѣчаемъ въ философіи Локка. Его знаменитый «Опытъ о человѣческомъ умѣ» посвященъ существенно и прежде всего опроверженію теоріи *врожденныхъ* началъ знанія и поведенія, въ формѣ ли предложеній, или идей. Локкъ настаиваетъ, и доказываетъ убѣдительнѣйшимъ образомъ, что весь матеріалъ человѣческаго знанія получается изъ двухъ источниковъ, именно: внѣшнихъ ощущеній, и «рефлексіи», обращенія духа къ собственнымъ операціямъ, выражающагося въ самонаблюденіи. Этимъ ученіемъ уже указывался истинный методъ обработки предмета Психологіи, т. е. состояній сознанія, или психическихъ явленій,—а именно такъ-называемый *историческій*, *генетическій*, или *аналитическій*, доискивающійся, прежде всего, простѣйшихъ элементовъ всѣхъ психическихъ явленій, и ихъ простѣйшихъ отношеній. Къ тому же приводило прямое опроверженіе объекта прежней психологіи,—психическихъ силъ, какъ индивидуальныхъ агентовъ, обладающихъ каждый своею организаціею. «То было заблужденіе, говоритъ Локкъ, когда способности описывались и представлялись какъ особые агенты; потому что на вопросъ, что могло варить пищу въ нашемъ желудкѣ, былъ уже готовый и весьма удовлетворительный отвѣтъ: *пищеварительная способность*. Что такое побуж-

Digitized by Google

даетъ что нибудь къ выходу изъ тѣла? *Способность экспульсіи*. Что такое движетъ? *Способность къ движенію*. Точно также и въ духѣ понимали способность интеллектуальную или умъ... Но *способность* (faculty), *возможность* (ability) и *сила* (power) суть различныя имена для одного и тогоже дѣла; тѣ обороты рѣчи, переложенные на болѣе понятныя слова, сводятся къ тому, что пищевареніе совершается чѣмъ нибудь что̀ можетъ варить пищу; движеніе—чѣмъ нибудь что̀ можетъ двигать; и пониманіе—чѣмъ нибудь что̀ можетъ понимать». Способности суть свойства существъ, но сами не суть существа; принадлежатъ дѣятелю, но сами не суть дѣйствующія лица. Выраженіе *способность* означаетъ возможность что нибудь дѣлать; и говорить такимъ образомъ, что воля свободна или не свободна, воля даетъ направленіе уму, умъ слушается или не слушается воли, — также нелѣпо, какъ говорить, что способность къ пѣнью поетъ, способность къ танцу танцуетъ, или способость къ танцу дѣйствуетъ на способность пѣнья. Способности суть отношенія (relations), а не дѣятели *).

Есть еще одна психологическая теорія, запечатлѣнная метафизическимъ характеромъ; и хотя изобличеніе ея ложности окончательно совершилось позднѣе Локка, однако начало ему положено также Локкомъ, и также содѣйствовало строгой постановкѣ методовъ психологической работы. Это — ученіе объ «образахъ», «оттискахъ», или «видахъ», «идеяхъ», которыя будто бы, разъ принятыя отвнѣ, или созданныя самимъ духомъ, получаютъ самостоятельное индивидуальное существованіе, въ видѣ дѣятелей второго порядка, сохраняясь въ *памяти*, какъ общемъ «магазинѣ» или «резервуарѣ» всѣхъ идей,—и то выступая изъ темноты памяти на свѣтъ воспоминанія, воображенія, представленія, сужденія, то опять, до времени, погружаясь во мракъ памяти. Локкъ не останавливался на этомъ пунктѣ, но прямо заявилъ, что онъ «память» не отличаетъ отъ «воспоминанія», и что памяти *до* воспоминанія или *помимо* воспоминанія не признаетъ.

4) Такимъ образомъ, Локкъ отчасти положительнымъ ученіемъ, отчасти критикою психологическихъ предразсудковъ, установилъ,

---

*) Въ этомъ мѣстѣ, какъ и въ другихъ этой исторіи, мы пользуемся нашимъ изслѣдованіемъ подъ заглавіемъ: *Нѣмецкая Психологія въ текущемъ столѣтіи.*

Digitized by Google

что предметомъ психологическихъ изученій должны быть только психическія явленія, или наблюдаемыя въ этихъ явленіяхъ свойства духа,—и что методъ изученій этого рода долженъ быть аналитическій или индуктивный. Такъ это и было понято въ шотландской школѣ, ея лучшими представителями, между которыми выдаются *Ридъ* и *Д. Стюартъ*. Вскорѣ, однако, оказался не выясненнымъ характеръ психологической индукціи;—т. е., ограничена ли она, въ своихъ средствахъ, одними наблюденіями, или можетъ пользоваться и экспериментами. Одинъ изъ критиковъ, современный Д. Стюарту, отрицалъ послѣднее, и отсюда выводилъ заключеніе, что ученіе о духѣ, какъ опирающееся на одно наблюденіе, не имѣетъ никакого, ни научнаго, ни практическаго значенія.—Стюартъ замѣчаетъ, что такое заключеніе касается уже ни однихъ психологовъ, но и школы такихъ астрономовъ, какъ Тихобраге, Кеплеръ, Галилей. «Я охотно допущу, говоритъ онъ, что новая физика большею частью своихъ открытій обязана умной *экспериментаціи*. Соглашусь также, что отличіемъ изысканій учениковъ Бэкона, отъ изысканій прежнихъ школъ, служитъ не столько усовершенствованіе искусства наблюдать явленія вселенной, какъ они намъ представляются, сколько счастливое приложеніе къ дѣлу именно этого великаго средства.

«Но дѣлая эту уступку искусству опытовъ, какъ самому полезному вспомогательному средству изученія природы, и соглашаясь безусловно съ особенными преимуществами наукъ, въ которыхъ можно пользоваться имъ,—я считаю однакожь позволительнымъ прибавить, что не умѣю открыть ни малѣйшаго отношенія между этими посылками и заключеніемъ, какое хотятъ вывесть изъ нихъ. Разность между такимъ анализомъ и наблюденіемъ состоитъ единственно въ сравнительной быстротѣ, съ какою оба дѣлаютъ свои открытія; или скорѣе въ сравнительной легкости, съ какою мы владѣемъ этими двумя орудіями при изысканіи истины. Открытія, къ которымъ они ведутъ, по своей природѣ совершенно одинаковы; такъ что можно сказать съ увѣренностью, что все признанное истиннымъ по одному изъ нихъ, будетъ таковымъ же и по другому. Прибавимъ еще, что для философа наилучшее право на славу состоитъ въ томъ, когда въ своихъ изслѣдованіяхъ онъ получаетъ счастливые результаты именно въ тѣхъ отдѣлахъ на-

Digitized by Google

уки, гдѣ производство опытовъ почти не возможно, гдѣ для открытія законовъ природы мы принуждены собирать и осторожно связывать множество случайныхъ наблюденій». Изъ такого рода соображеній Д. Стюартъ выводитъ, что «если бы даже и было вѣрно, что всѣмъ нашимъ знаніемъ о духѣ мы обязаны одному наблюденію, во всякомъ случаѣ было бы несправедливо заключать отсюда, что философія духа менѣе полезна чѣмъ (экспериментальная) физика. Безъ сомнѣнія, въ изученіи первой предстоитъ преодолѣвать величайшія трудности; но эта черта не можетъ быть поводомъ къ тому, чтобъ унижать важность сообщаемыхъ его заключеній». Затѣмъ Д. Стюартъ ставитъ вопросъ: вѣрно ли, что философія духа опирается только на наблюденіе,—а не наблюденіе и опыты?—На этотъ вопросъ онъ отвѣчаетъ отрицательно. «Мнѣ кажется, говоритъ онъ, что такое положеніе недостаточно даже въ разсужденіи нашихъ *перцепцій*,—хотя это самый правдоподобный примѣръ, какой только критикъ могъ представить въ свою пользу. Безъ сомнѣнія, мы не можетъ разлагать ихъ буквально въ тягелѣ; но эту операцію развѣ нельзя исполнить при помощи пріемовъ принаровленныхъ къ природѣ предмета? Безупречное доказательство этому мы видимъ въ «Теоріи зрѣнія» Беркли, и особенно въ его анализѣ средствъ ссужаемыхъ опытомъ для оцѣнки разстоянія и величины предметовъ. Это замѣчаніе Д. Стюартъ прилагаетъ и къ другимъ классамъ психическихъ явленій. «Кто захочетъ, говоритъ онъ, войти въ этотъ предметъ глубже, тотъ узнаетъ какъ широка область экспериментаціи въ наукѣ о духѣ, наблюдая употребленіе, сдѣланное изъ этого органа изслѣдованія, въ анализѣ явленій связанныхъ съ нашими умственными способностями; напр., явленій вниманія, ассоціаціи, навыка вообще, памяти, воображенія, и послѣ всего—явленій представляемыхъ употребленіемъ языка, какъ органа мыслей и умозаключенія.

«Вся жизнь философа предположившаго себѣ извѣстную цѣль, есть длинный рядъ опытовъ надъ своими собственными способностями; и превосходство духа, какое онъ доказываетъ превосходнымъ употребленіемъ ихъ, выходитъ въ особенности изъ общихъ правилъ, въ какихъ онъ можетъ быть никогда не давалъ себѣ *нарочитаго* отчета, но которыя выведены имъ изъ этихъ опытовъ...

Digitized by Google

«Что касается духа другихъ, то, безспорно, мы весьма рѣдко имѣемъ средства подвергать его формальнымъ и преднамѣреннымъ опытамъ: но и здѣсь есть масса исключеній изъ общаго предположенія, которое я опровергаю. Какая цѣль воспитанія направляемаго систематически и разсудительно? Не приложеніе ли къ дѣлу тѣхъ правилъ, какія извлечены нами изъ собственныхъ и чужихъ опытовъ надъ лучшими средствами къ раскрытію и обработкѣ умственныхъ способностей и нравственныхъ началъ? — Я не говорю уже объ относительномъ достоинствѣ тѣхъ рѣдкихъ и столь драгоцѣнныхъ для нашей наблюдательности фактовъ;—разумѣю слѣпыхъ и глухихъ, когда они были поставлены въ состояніе давать отчетъ въ своихъ перцепціяхъ, своихъ чувствахъ и своихъ особенныхъ навыкахъ мысли...

«Но если философія духа не можетъ производить надъ духомъ другихъ большое количество опытовъ, то въ жизни человѣка она находитъ широкое поле наблюденій надъ умственными и нравственными явленіями, глубокое изученіе которыхъ можетъ дать заключенія столько же удовлетворительныя, какъ и тѣ какія мы могли бы получить распоряжаясь *опытами*. Разница между этими двумя началами знанія остается здѣсь въ одномъ имени: первый самъ собою даетъ нашему уму результаты совершенно *сходные* съ тѣми, для которыхъ второй потребовалъ бы пріемовъ болѣе легкихъ и скорыхъ, если бъ имѣлъ къ этому средства. Едва ли можно выдумать какой нибудь опытъ, который бы не былъ уже исполненъ рукою природы, когда въ неисчерпаемомъ разнообразіи характеровъ и склонностей человѣка она даетъ изумительное количество различныхъ наблюденій, вытекающихъ изъ сочетанія тѣхъ способностей и тѣхъ элементарныхъ началъ, какія человѣкъ носитъ въ своемъ сознаніи: общество дикое, и различныя ступени цивилизаціи; всѣ званія, профессіи, свободныя и механическія; крестьянинъ погруженный въ предразсудки, человѣкъ поклоняющійся модѣ; безконечные оттѣнки характера, смѣняющіеся съ дѣтства до старости; чудеса произведенныя искусствомъ во всѣхъ частяхъ нашего господства; законы, управленія, промышленность, религія, и за всѣмъ этимъ сокровища человѣческой мысли, лежащія въ нашихъ библіотекахъ,—не есть ли все это одна широкая экспериментація природы, которая въ наше назиданіе располо-

Digitized by Google

жила въ неизмѣримой лѣстницѣ различныя ступени умственныхъ способностей человѣка, и такимъ образомъ показываетъ намъ всемогущее вліяніе воспитанія на развитіе его духа?»

5) *Т. Броунъ* характеризуетъ предметъ науки о духѣ слѣдующимъ образомъ. Философія вещества и философія духа совершенно согласны въ томъ отношеніи, что «наше знаніе въ той и другой ограничено вещественными и духовными явленіями. Названіе матеріи мы даемъ неизвѣстной причинѣ различныхъ чувствъ, какихъ по устройству нашей природы, не можемъ не относить къ какой нибудь внѣшней вещи какъ ихъ причинѣ. Что̀ такое она независимо отъ нашего ощущенія, мы не знаемъ; но какъ подлежащее нашимъ ощущеніямъ, мы разсматриваемъ ее какъ нѣчто протяженное, и слѣдовательно дѣлимое, непроницаемое, подвижное (mobile); и эти качества, или какія нибудь другія, которыя мы нашли бы нужнымъ включить для выраженія частныхъ субстанцій различно дѣйствующихъ на наши чувства,— и составляютъ все наше опредѣленіе матеріи, такъ какъ въ дѣйствительности составляютъ и все наше знаніе о ней. Надѣяться узнать что такое она сама по себѣ, безусловно независимо отъ нашего ощущенія,— было бы очевидною нелѣпостью; потому что во всѣхъ отношеніяхъ она доступна нашему знанію только посредствомъ ощущеній, т. е. чувствъ нашего духа; и эти простыя чувства духа должны зависѣть, въ концѣ, столько же отъ законовъ субстанціи производящей на него эти впечатлѣнія. Поэтому, какое бы знаніе мы ни пріобрѣли о ней, оно будетъ только относительное, и должно быть таково при всѣхъ обстоятельствахъ; если бы вмѣсто немногихъ внѣшнихъ чувствъ, которыя насъ связываютъ съ нею въ настоящее время, мы получили ихъ столько сколько быть можетъ существуетъ качествъ матеріи, при настоящемъ положеніи для насъ неразличимыхъ, то и при такомъ, увеличенномъ числѣ внѣшнихъ чувствъ, мы узнали бы только гораздо большее число качествъ матеріи, но отнюдь не самую сущность матеріи, какъ она существуетъ безъ отношенія къ духу.

«Если наше знаніе о веществѣ относительно, то и наше знаніе о духѣ таково же. Мы знаемъ его какъ подлежащее чувствамъ уже существовавшимъ; а воспріимчивость его къ другимъ чувствамъ, какія не происходили въ немъ, но при другихъ обстоя-

Digitized by Google

тельствахъ могутъ происходить, мы знаемъ также мало, какъ, предполагается, слѣпой знаетъ о цвѣтахъ, или какъ, при всѣхъ своихъ чувствахъ, мы знаемъ о тѣхъ качествахъ, какія матерія могла бы намъ открыть, если бы наша организація была другая. Такимъ образомъ, о сущности духа мы не знаемъ ничего, безъ отношенія къ тѣмъ состояніямъ или чувствамъ, какія составляютъ или составляли наше минутное сознаніе».

Основою науки о духѣ долженъ быть, по Броуну, внутренній опытъ. Припоминая методъ психологическихъ изслѣдованій до Бэкона и Локка, Броунъ замѣчаетъ: «мы пришли, наконецъ, и къ той важной истинѣ, кажущейся теперь такою наглядною, что духъ нашъ узнается всего лучше изъ наблюденія представляемаго имъ ряда перемѣнъ, и всѣхъ предшествующихъ и сопутствующихъ имъ обстоятельствъ;—что, пытаясь изъяснить его явленія, мы должны прежде всего узнать, что̀ это за явленія; и что наше усиліе открыть путемъ діалектическихъ тонкостей, à priori, различныя чувства входящія въ составъ частной мысли или страсти,—походило бы на усиліе открыть путемъ одной логики, безъ помощи наблюденія или опыта, различные цвѣта входящіе въ составъ солнечнаго луча».

Собственный предметъ психологическаго изученія составляютъ *законы* перемѣнъ испытываемыхъ духомъ. «Духъ, говоритъ Броунъ, подобно тѣлу, съ которымъ онъ связанъ, или вещественнымъ предметамъ, которыми оно окружается, можно очевидно разсматривать какъ субстанцію обладающую извѣстными качествами, доступную различнымъ впечатлѣніямъ или видоизмѣненіямъ, которыя, существуя преемственно или какъ его минутныя состоянія, и составляютъ всѣ явленія мысли и чувства. Общія обстоятельства, въ какихъ слѣдуютъ другъ за другомъ эти перемѣны состоянія, или, другими словами, законы ихъ преемства, подлежатъ указанію, и явленія могутъ быть сведены къ различнымъ классамъ, согласно ихъ взаимному сходству въ предшествующихъ и послѣдующихъ обстоятельствахъ, или въ какихъ нибудь другихъ имѣющихъ наглядную аналогію».

Первымъ звѣномъ въ ряду перемѣнъ испытываемыхъ духомъ стоятъ наши внѣшнія ощущенія; и это доказываетъ коренное значеніе нашей физической системы для жизни нашего духа.

Digitized by Google

«Мозгъ, и различные нервы внѣшнихъ чувствъ въ непрерывномъ соединеніи съ нимъ, взятые вмѣстѣ, образуютъ, можно сказать, одинъ великій органъ,—который я назвалъ бы кратко чувствилищнымъ органомъ (sensorial organ) — существенный для жизни и для непосредственнаго произведенія тѣхъ духовныхъ явленій, въ которыхъ состоятъ наши ощущенія, и можетъ быть притомъ въ нѣкоторой мѣрѣ видоизмѣняющій, прямо или косвенно, и всѣ другія явленія духа». Относительно самой природы «связи этого великаго чувствилищнаго органа съ ощущающимъ духомъ, мы никогда не будемъ въ состояніи знать что нибудь больше того, что̀ заключается въ простомъ фактѣ, что извѣстному состоянію духа предшествуетъ непосредственно извѣстное впечатлѣніе на нервную систему». Опредѣленіе всѣхъ органическихъ перемѣнъ, присутствіе которыхъ всегда сопровождается извѣстными явленіями въ нашемъ духѣ и видоизмѣненіями его различныхъ операцій, и отсутствіе которыхъ, по этому самому, влечетъ за собою отсутствіе этихъ явленій и этихъ видоизмѣненій, должно составлять содержаніе *физіологическаго* или *физическаго* ученія о духѣ.

Предметомъ философіи духа въ тѣсномъ смыслѣ должна служить не внѣшняя зависимость психическихъ явленій отъ нашего тѣла и окружающихъ его вещей, — а внутренняя этихъ явленій другъ отъ друга. Разницу между первою и послѣднею Броунъ объясняетъ слѣдующимъ примѣромъ. «Предположимъ, что, гуляя по лугу, мы обращаемъ глаза въ извѣстную сторону и замѣчаемъ дубъ; т. е. присутствіе дуба, или лучше отражаемаго имъ свѣта, причиняетъ извѣстное новое состояніе духа, которое мы называемъ ощущеніемъ зрѣнія, — впечатлѣніе, которое на дѣлѣ принадлежитъ только нашему духу, но которому онъ, какъ мы имѣемъ полное право предполагать, не подлежалъ бы безъ присутствія свѣта. Это частное ощущеніе есть, поэтому, слѣдствіе присутствія свѣта, отражаемаго дубомъ, и мы получаемъ его въ силу впечатлительности духа ко внѣшнимъ вещамъ. Но это впечатлѣніе духа, имѣющее своею непосредственною причиною внѣшній предметъ, не есть единственная духовная перемѣна, какая происходитъ при этомъ. Другія перемѣны послѣдовали за нею, безъ всякаго другого внѣшняго впечатлѣнія. Мы сравниваемъ дубъ съ какимъ нибудь другимъ деревомъ, видѣннымъ прежде, и

Digitized by Google

поражаемся его величественностью и красотою; воображаемъ въ какомъ бы видѣ предстала передъ нами какая нибудь болѣе привычная намъ сцена, если бы была украшена этимъ деревомъ, и какая открылась бы сцена, если бы это дерево было устранено съ своего мѣста; думаемъ, сколько требовалось прожить лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ этотъ дубъ былъ только жолудемъ, и размышляемъ о тѣхъ перемѣнахъ, какія произошли въ маленькой исторіи, нашей собственной и нашихъ друзей, — и даже больше, о перемѣнахъ царствъ, рожденіи и смерти цѣлыхъ человѣческихъ поколѣній, въ то время какъ онъ такъ правильно подвигался къ зрѣлости, подъ солнечнымъ сіяніемъ и бурею. Изъ всего этого разнообразія состояній духа, заключающихся въ этихъ процессахъ мысли, единственное состояніе, какое можетъ быть приписано внѣшнему предмету, какъ его прямой причинѣ,—есть первое ощущеніе дуба; остальное есть прямой результатъ не какой нибудь внѣшней вещи, а предшествующихъ духовныхъ состояній: за частнымъ духовнымъ состояніемъ, которое заключалось въ перцепціи дуба, слѣдовало непосредственно то отличное состояніе, какое давалось воспоминаніемъ дерева замѣченнаго прежде; за этимъ опять иное, въ которомъ заключалось сравненіе обоихъ, и преемственно всѣ исчисленные различные процессы мысли. Духъ нашъ, дѣйствительно, не могъ, безъ присутствія дуба, т. е. при отсутствіи отражаемаго имъ свѣта, существовать въ томъ состояніи, изъ котораго слагалось ощущеніе дуба. Но точно также и всякій внѣшній предметъ, безъ этого перваго духовнаго состоянія, не произвелъ бы непосредственно ни одного изъ тѣхъ другихъ состояній духа, которыя слѣдовали за этимъ ощущеніемъ. Есть, такимъ образомъ, весьма наглядная разница между духовными явленіями: это—разница въ ихъ отношеніяхъ къ ихъ причинамъ, внутреннимъ и внѣшнимъ».

Переходя къ подробнымъ указаніямъ на методъ обработки внутренней связи психическихъ явленій, Броунъ настаиваетъ на томъ, что этотъ предметъ не допускаетъ другихъ научныхъ изслѣдованій кромѣ тѣхъ, которыя опираются на опытъ, и что эти изслѣдованія не ограничиваются изученіемъ однихъ преемствъ. «Видъ философскаго изслѣдованія, говоритъ онъ, допускаемый внутренними впечатлѣніями нашего духа,— есть тотъ же самый,

Digitized by Google

какой допускается и нашими внѣшними впечатлѣніями; т. е. въ нашемъ изслѣдованіи мы должны разсматривать обстоятельства, при которыхъ они происходятъ, и тѣ обстоятельства, какія слѣдуютъ за ними, съ тѣми отношеніями, которыя они обнаруживаютъ къ нашимъ внѣшнимъ ощущеніямъ и другъ къ другу, — и ничего болѣе. Независимо отъ опыта, à priori, не возможно открыть какое бы то ни было основаніе, почему, въ дѣлѣ нашихъ внутреннихъ чувствъ, одно состояніе духа должно сопровождаться тѣмъ частнымъ духовнымъ состояніемъ, какимъ составляется извѣстное ощущеніе цвѣта, а не тѣмъ, какимъ составляется ощущеніе звука соловья, или запаха фіалки; или почему эти внѣшнія причины сопровождаются скорѣе ощущеніями звука и запаха, чѣмъ ощущеніемъ цвѣта. Такимъ же образомъ, мы напрасно стали бы надѣяться найти какое нибудь основаніе въ природѣ самого духа, которое дозволило бы намъ предсказать, безъ помощи дѣйствительнаго опыта, или, по крайней мѣрѣ, аналогіи другихъ сходныхъ случаевъ, какія нибудь чисто умственныя перемѣны состоянія; напр., что образъ какого нибудь предмета, прежде видѣннаго нами при другихъ обстоятельствахъ, мгновеннымъ самостоятельнымъ внушеніемъ, вызоветъ эти, уже болѣе не существующія обстоятельства; что встрѣтивши въ самой отдаленной землѣ уроженца собственной страны, мы будемъ въ состояніи однимъ лишь словомъ какъ бы уничтожить на минуту всѣ моря и горы, отдѣляющія его отъ родины.... Безчисленные примѣры такихъ преемствъ мысли мы знаемъ изъ опыта, и только изъ опыта. Для насъ достаточно, однакожъ, установить простой фактъ, что внутреннія внушенія мысли за мыслью, безъ встрѣчи съ какимъ нибудь внѣшнимъ предметомъ, происходятъ точно также какъ и ощущенія, когда встрѣчаются внѣшніе предметы;— подмѣтить общія обстоятельства вразсужденіи самого внушенія, и привести въ порядокъ начала, отъ которыхъ они обнаруживаются зависящими, какъ начала нашего умственнаго устройства». Покушаясь только на это, мы увѣрены по крайней мѣрѣ, что не покушаемся на что нибудь такое что̀ выходило бы изъ круга человѣческихъ работъ. Покушаться на что нибудь большее и усиливаться открыть въ одномъ изъ рядовъ нашихъ внутреннихъ чувствъ какое нибудь основаніе, какое могло бы, само по

Digitized by Google

себѣ, вести насъ къ предсказанію ихъ существованія, или существованія другихъ умственныхъ впечатлѣній, какія за ними слѣдуютъ, значило бы надѣяться открыть то, что не только выходитъ за предѣлы нашей способности предсказаній, но что и не позволило бы знать, что мы угадали, если бы случайно даже мы и успѣли сдѣлать такое открытіе».

Основной предметъ психологическаго изслѣдованія составляютъ преемства психическихъ явленій; но это не должно давать поводъ думать, что эти явленія не заключаютъ въ себѣ никакого изучаемаго сосуществованія, или сложности. «Не смотря на безусловную простоту духа, и слѣдовательно всѣхъ его чувствъ или минутныхъ состояній, наука о духѣ, въ своихъ наиболѣе важныхъ отношеніяхъ, есть наука анализа, или процесса который виртуально тоже самое что̀ анализъ; и только потому, что она есть въ этомъ, виртуальномъ смыслѣ, аналитическая, и можно ожидать отъ ней какихъ нибудь открытій, по крайней мѣрѣ какихъ нибудь важныхъ открытій.

«Въ самомъ дѣлѣ, едва ли можно сдѣлать хоть одинъ шагъ впередъ въ умственной физикѣ, не имѣя нужды въ исполненіи нѣкотораго рода анализа, которымъ какія нибудь сложныя (complex) чувства сводятся къ простымъ элементамъ, которые, какъ намъ кажется, виртуально содержатся въ нихъ. Въ духѣ человѣка все бываетъ въ состояніи постоянной и вѣчно измѣняющейся сложности, и одно чувство можетъ быть едва замѣтнымъ слѣдствіемъ безчисленныхъ чувствъ. Нѣтъ ни одного удовольствія, или скорби, или мысли, или страстнаго волненія, которое не могло бы—подъ вліяніемъ закона ассоціаціи—входить въ такія сочетанія съ другими удовольствіями, или скорбями, или мыслями, или страстными волненіями, чтобы потомъ навсегда составлять съ ними самое тѣсное единство. Анализовать сложныя (complex), или кажущіяся сложными, явленія мысли, вытекающія изъ постояннаго дѣйствія того духовнаго начала, есть трудъ изслѣдованія духа; какъ трудъ химика — сводить сложныя тѣла, надъ которыми онъ работаетъ какъ бы ни было внутренне и тѣсно ихъ сочетаніе (combination),—къ ихъ составнымъ элементамъ. Процессъ и орудія, посредствомъ которыхъ совершается здѣсь анализъ, суть, дѣйствительно, столь же различны, какъ духъ и вещество,—въ одномъ случаѣ грубыя,

Digitized by Google

какъ вещество, въ другомъ простыя и духовныя, какъ самъ духъ. Аггрегатъ вещества мы анализуемъ, употребляя другое вещество, прибавляя субстанцію къ субстанціи, и разнообразя одинъ за другимъ внѣшніе пріемы; сложныя явленія духа мы анализуемъ виртуально, простымъ размышленіемъ; тотъ же самый недѣлимый духъ есть и предметъ анализа, и орудіе анализа, и анализующій изслѣдователь.

«Когда мы говоримъ, однакожъ, о соединеніи (union) отдѣльныхъ мыслей и чувствъ въ одно сложное чувство или духовное волненіе, и объ аналитической способности мысли или ума, то не надобно думать, что я пользуюсь этими словами въ томъ же самомъ смыслѣ, какъ они прилагаются къ веществу. Масса вещества, въ дѣйствительности, не есть одно тѣло, а множество смежныхъ тѣлъ, которыя можно на время разсматривать всѣ какъ имѣющія отдѣльное существованіе и какъ сопоставленныя вмѣстѣ болѣе случайнымъ приложеніемъ, нежели какимъ нибудь существеннымъ соединеніемъ, а анализъ есть не больше того, что указывается его этимологіею,—отдѣленіе ихъ одного отъ другого. Въ строгомъ смыслѣ слова, такая сложность и такой анализъ не могутъ имѣть мѣста въ духѣ. Самое сложное чувство есть всегда только одно чувство, потому что мы не можемъ дѣлить состояній или впечатлѣній духа на отдѣльныя, сами по себѣ существующія дроби, какъ можемъ дѣлить массу вещества на отдѣльныя и сами по себѣ существующія массы,—ни различать половину радости или скорби отъ цѣлой радости или скорби. Понятіе золота и понятіе горы могутъ происходить порознь, и могутъ сопровождаться понятіемъ золотой горы; послѣднее и можно назвать сложеннымъ изъ двухъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ я употребляю это слово, чтобы выразить просто, что называемое здѣсь сложнымъ или составнымъ есть результатъ предыдущихъ чувствъ, къ которымъ, какъ бы они существовали вмѣстѣ, чувствуется его отношеніе виртуальнаго равенства, или отношеніе, какое имѣетъ цѣлое къ заключающимся въ немъ частямъ. Но понятіе золотой горы есть опять столько же одно состояніе или чувство одного простого духа, какъ и каждое изъ отдѣльныхъ понятій—золота и горы, которыя ему предшествовали. Дѣйствительно, чувство вытекающее въ случаяхъ такого рода, по самой

Digitized by Google

природѣ своей, кажется намъ такимъ образомъ сложнымъ; и это, по самому устройству нашего духа, даетъ намъ поводъ разсматривать то, что мы называемъ сложною идеею, какъ эквивалентъ отдѣльнымъ идеямъ, изъ которыхъ оно вытекаетъ, или какъ содержащее ихъ, какъ то, что для нашего понятія, но только для нашего понятія, поэтому только виртуально, или въ отношеніи къ намъ, изслѣдователямъ, есть таково, какъ бы оно было составлено изъ отдѣльно существующихъ чувствъ, точно такъ какъ существуютъ въ пространствѣ элементы тѣла.

«Это-то чувство отношенія извѣстныхъ состояній духа и разрѣшаетъ всю тайну духовнаго анализа»...

6) *Д. С. Милль* опредѣляетъ предметъ Психологіи слѣдующимъ образомъ: «Однообразія послѣдовательности, послѣдніе, или даже и производные, законы, по которымъ духовныя состоянія слѣдуютъ другъ за другомъ, по которымъ одно состояніе причиняетъ другое, или по крайней мѣрѣ служитъ поводомъ къ его слѣдованію,—и образуютъ предметъ психологіи». Первоначальнымъ методомъ этой науки должна быть прямая индукція. «Простые и элементарные законы духа, говоритъ Милль, опредѣляются обыкновенными методами экспериментальнаго изслѣдованія, и никакимъ другимъ способомъ опредѣлены быть не могутъ». Найденные простые законы должны стать органомъ дедукціи законовъ сложныхъ, какъ и сложныхъ фактовъ психическихъ состояній. «Какъ скоро такимъ (экспериментальнымъ) путемъ, говоритъ Милль, найдено извѣстное число элементарныхъ законовъ (духа), настоящею задачею науки будемъ—изслѣдовать, какъ далеко эти законы могутъ быть прилагаемы къ объясненію дѣйствительныхъ явленій».

7) Взглядъ на задачи и методы Психологіи, выработанный въ Англіи Бэкономъ, Локкомъ и ихъ послѣдователями, постепенно распространялся на материкѣ Европы, и прежде всего получилъ осѣдлость во Франціи. Психологическій анализъ, долженствующій замѣнить собою схоластическую пневматологію, — таковъ былъ девизъ философіи *Кондильяка, Ларомиьера, Роайе-Колара, Жуфруа;* таковы же воззрѣнія современныхъ ученыхъ Франціи, какъ *Тэнъ, Рибо* и др.

Digitized by Google

8) Германія, въ дѣлѣ Психологіи, оказалась позади не только Англіи, но и Франціи. До половины XVIII-го столѣтія философы Германіи смотрѣли на пневматологію и психологію еще глазами средневѣковыхъ схоластиковъ. Съ половины XVIII-го столѣтія начинается движеніе благопріятное аналитической философіи Локка и его школы. Но съ появленіемъ сочиненій Канта, прежніе схоластическіе навыки опять стали брать верхъ, и болѣе строгая разработка науки о духѣ появилась здѣсь не раньше второй половины нашего столѣтія. Между тѣмъ литературная производительность нѣмецкихъ психологовъ, какъ въ прошломъ, такъ и въ текущемъ столѣтіи, была самою богатою. Это богатство нѣмецкой психологической литературы, съ одной стороны, и незамѣтные успѣхи Психологіи въ Германіи, съ другой, представляютъ наглядное доказательство—и правильности психологическихъ воззрѣній школы Локка, и несостоятельности опровергаемыхъ послѣднею предразсудковъ схоластики, съ которыми такъ долго,—почти до нашихъ дней, — не хотѣла разстаться нѣмецкая психологія. Для характеристики методовъ Психологіи съ отрицательной стороны, мы считаемъ нужнымъ остановиться на нѣкоторое время на этихъ тормазахъ успѣшной психологической работы,—на этомъ схоластическомъ наслѣдствѣ нѣмецкой психологіи.

9) Нѣмецкіе мыслители, начиная съ Лейбница и Вольфа, не могутъ, еще донынѣ, освободиться вполнѣ отъ того предразсудка, что область человѣческихъ знаній идетъ далеко за предѣлы человѣческаго опыта,—т. е. нашихъ наблюденій, и выводимыхъ изъ нихъ заключеній. Еще больше они вѣрятъ въ знанія получаемыя изъ началъ прирожденныхъ, или данныхъ раньше всякаго опыта, à priori. Поэтому, неудивительно, что они, до послѣдняго времени, не теряли надежды проникнуть въ существо всѣхъ вещей, или постигнуть вещи какъ онѣ есть сами въ себѣ, иначе независимо отъ внѣшнихъ и внутреннихъ явленій. Монадологія Лейбница, ученіе Канта о трансцендентальныхъ формахъ дѣятельности человѣческаго ума, ученіе Фихте старшаго объ абсолютномъ «Я»,—Шеллинга объ абсолютномъ «Тожествѣ», Гегеля объ абсолютной «Идеѣ», ученіе Гербарта о монадахъ и Бенеке о «первыхъ элементахъ» тѣлъ и души, служатъ тому доказательствомъ. Неудивительно, поэтому, что и нѣмецкая психологія не знала строго-научной обработки,

Digitized by Google

даже у такихъ замѣчательныхъ психологовъ, какъ Гербартъ и Бенеке. Основное психологическое ученіе обоихъ отличается совершенно апріорнымъ характеромъ, или представляетъ рядъ гипотезъ, не способныхъ стать когда-нибудь научными истинами.

10) Самою слабою стороною нѣмецкой психологіи оставалась долгое время теорія психическихъ способностей. Трансцендентальная философія Канта не только удержала средневѣковую теорію способностей, какъ индивидуальныхъ дѣятелей живущихъ въ человѣческомъ духѣ, но и раздѣлила ихъ на двѣ системы: способности трансцендентальныя и эмпирическія: трансцендентальное и эмпирическое воображеніе, трансцендентальный и эмпирическій разумъ, трансцендентальный и эмпирическій разсудокъ и т. д. Кантъ пытался составить точное описаніе операцій каждой способности, ихъ взаимной борьбы, вмѣстѣ со взаимными услугами. При такомъ взглядѣ на способности духа, мало было мѣста для истиннаго научнаго анализа ихъ обнаруженій и ихъ образованія, ведущаго къ открытію тѣхъ общихъ законовъ, какіе управляютъ теченіемъ и развитіемъ психическихъ явленій. Вотъ почему, протестъ Гербарта и Бенеке противъ Кантовой теоріи психическихъ силъ много способствовалъ ихъ славѣ въ Германіи, хотя, на взглядъ строгій, ни тотъ ни другой вполнѣ не освободились отъ этого «идола» нѣмецкой психологіи. Гербартъ поставилъ, на мѣсто Кантовыхъ психическихъ дѣятелей, своихъ, также индивидуальныхъ, подъ именемъ обитающихъ въ душѣ «представленій», то погружающихся въ темную область духа, то поднимающихся въ область ясную. Бенеке же не отказался отъ теоріи силъ какъ самостоятельныхъ психическихъ дѣятелей, но возставалъ противъ ихъ обобщенія, и полагалъ, что реальныя «первичныя силы» души должны быть исчисляемы милліонами, хотя онѣ не прирождены человѣку, а образуются во время сна.

11) Удержавши, въ той или другой мѣрѣ, схоластическую теорію психическихъ способностей, нѣмецкая психологія не могла достигнуть яснаго взгляда на собственный предметъ психологическаго анализа, т. е. внутреннюю зависимость психическихъ явленій. Мѣсто ея занимаетъ, въ психологіи Канта и Фриза, внутренняя зависимость самостоятельныхъ психическихъ дѣятелей, объясняющаяся сосуществованіемъ ихъ въ одномъ духѣ, и

Digitized by Google

неизбѣжностью встрѣчи ихъ дѣйствій. При этомъ, господствующее положеніе оба психолога предоставляютъ способностямъ трансцендентальнымъ. Эмпирическія способности находятся къ нимъ въ отношеніи подчиненія, доставляя имъ матеріалъ для ихъ операцій: онѣ же придаютъ этому матеріалу свои, трансцендентальныя формы. Гербартъ сдѣлалъ изъ своихъ «представленій» міръ какихъ-то психическихъ монадъ, параллельно монадамъ міра; и всю внутреннюю психическую связь понимаетъ какъ вліяніе другъ на друга представленій, то «стѣсняющее» и содѣйствующее ихъ «потемнѣнію», то «освобождающее» отъ стѣсненія, и содѣйствующее ихъ «проясненію». Особенно поразителенъ взглядъ Бенеке. Послѣдній полагаетъ что внутренняя психическая связь есть реальное соединеніе безчисленнаго множества реальныхъ элементовъ души, которые онъ называетъ психическими «первосилами», и «впечатлѣніями (Reize)», получаемыми извнѣ, какъ всякой другой элементъ организма. Изъ этихъ-то элементовъ, путемъ ихъ соединенія и разнообразныхъ усовершенствованій послѣдняго, которыя мы разсматриваемъ какъ исторію психическаго развитія человѣка, и образуется самая душа человѣка, въ его тѣлѣ или организмѣ, т. е. самая психическая субстанція. Связь указанныхъ психическихъ элементовъ въ составѣ этой субстанціи становится постепенно настолько крѣпкою, что Бенеке не затрудняется приписать этой субстанціи,—не смотря на ея сложность,—вѣчность безсмертія, или неразрушимость, съ разрушеніемъ тѣла человѣка. Очевидно, что эта психологія весьма далека отъ истиннаго предмета науки о духѣ.

12) Нѣмецкая психологія, претендовавшая, подобно схоластической, на проникновеніе въ самую сущность души, въ дѣйствительности долго не могла дойти до того тонкаго взгляда на духъ человѣка, какой свойственъ психологіи англійской, отказавшейся отъ такихъ претензій. Однимъ изъ важнѣйшихъ требованій послѣдней является правило, предписывающее никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ, не забывать разницы, существующей между духомъ и тѣломъ, и не переносить на первый черты характеризующія послѣднее. Духъ, состоянія сознанія, мы должны противополагать вещамъ тѣлеснымъ, какъ состоянія простыя, не допускающія реальнаго сосуществованія, которое свойственно тѣлеснымъ субстанціямъ: психическое сосуществованіе, психическая

Digitized by Google

сложность только относительны. Духъ существуетъ только въ преемствѣ своихъ перемѣнъ; психическая сложность вытекаетъ только изъ чувства отношеній однихъ преемственныхъ состояній къ другимъ,—состояній послѣдующихъ къ предыдущимъ. Психическое сосуществованіе есть такимъ образомъ послѣдствіе психическаго преемства. Между тѣмъ нѣмецкіе психологи никогда не стѣснялись, въ своихъ теоріяхъ, переносить на духъ аттрибуты матеріи, или разсматривать духъ какъ субстанцію сложную, по крайней мѣрѣ допускающую реальную сложность своего существованія.

«Для нѣмецкихъ психологовъ, духъ есть арена, открытая заразъ для множества впечатлѣній или состояній, на которую они вступаютъ въ одно и тоже время, пребывая такимъ образомъ въ отношеніи пространственной сопредѣльности или смежности; сходятся между собою, и расходятся, соединяются въ дѣйствительныя сложности, и раздѣляются; — подобно тому, какъ приближаются другъ къ другу, или удаляются другъ отъ друга, какія нибудь вещественныя субстанціи.

«Такой взглядъ былъ первоначально простымъ послѣдствіемъ теоріи духовныхъ силъ, какъ самостоятельныхъ агентовъ скрытыхъ за явленіями; это именно относится къ психологіи Вольфа, Канта, Фриза, и ихъ приверженцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, если въ духѣ, не взирая на его простоту, можетъ современно существовать множество самостоятельныхъ духовныхъ агентовъ; то, почему же они не могли бы и современно дѣйствовать? И дѣйствительно, по теоріи Канта и Фриза, они иначе и не дѣйствуютъ, какъ современно; всѣ они постоянно нуждаются во взаимномъ пособіи, для исполненія своихъ функцій, — способности «трансцендентальныя» въ «эмпирическихъ», «эмпирическія» въ «трансцендентальныхъ», и затѣмъ каждая «эмпирическая» или «трансцендентальная» въ другой «эмпирической» или «трансцендентальной». И если Гербартъ и Бенеке возстали противъ Канто-Фризовой теоріи силъ, то это не помѣшало имъ удержать, во всей полнотѣ, вторую половину этой теоріи,—современность приписываемыхъ имъ функцій; остался тотъ же самый механизмъ существующихъ рядомъ агентовъ, и только эти агенты приняли новую форму. Вмѣсто современныхъ агентовъ-способностей, явились современные агенты - дѣйствія, работающія, какъ и ихъ

Digitized by Google

предмѣстники, въ формѣ множества духовныхъ явленій, то мирно, то враждебно сходящихся другъ съ другомъ на аренѣ духа; приближающихся другъ къ другу, или удаляющихся другъ отъ друга, или вступающихъ во взаимную борьбу. Такова именно, у Гербарта, борьба «противоположныхъ представленій», составляющая содержаніе его „Статики» и «Механики духа». Психологія Бенеке наполнена теоріями построенными на современности духовныхъ явленій; такова теорія отношенія «первосилъ» къ «впечатлѣніямъ», теорія «подвижныхъ элементовъ»; *) и т. д.

13) Рядомъ съ предразсудкомъ реальной сложности духовныхъ состояній, нѣмецкая психологія удерживаетъ до сихъ поръ и другой, еще болѣе грубый предразсудокъ, по которому состоянія сознанія только кажутся исчезающими, а на самомъ дѣлѣ, разъ возникши, никогда не исчезаютъ: ихъ кажущееся исчезновеніе есть только ихъ переходъ изъ одного положенія въ другое, изъ положенія «яснаго» въ положеніе «темное», или въ форму памяти. Чтобы обнаружить въ этомъ предразсудкѣ остатки средневѣковой грубости, укажемъ подробнѣе на относящееся сюда ученіе англійскихъ психологовъ, и средневѣковую теорію памяти, противъ которой оно направлялось.

Излагая Локка, мы уже замѣтили, что онъ не допускалъ памяти, какъ способности отличной отъ воспоминанія, иначе отрицалъ схоластическое ученіе объ ней, какъ «хранилищѣ образовъ, идей въ темномъ состояніи». Подобно Локку, отрицали туже теорію и Юмъ, и Д. Стюартъ, и Броунъ, и Бэнъ. Броунъ приписывалъ этой теоріи происхожденіе ученія Гертли о физіологической ассоціаціи идей. Бэнъ замѣчаетъ: «о сохраненіи» (conservation, conservative faculty), отдѣльно отъ «воспроизведенія», мы не знаемъ совершенно ничего. Я имѣю что нибудь въ памяти—значитъ только: я могу, при извѣстномъ поводѣ, воспроизвести это, или сдѣлать это настоящимъ. Сохраненіе, отдѣльно отъ воспроизведенія, есть вещь не существующая; воспроизведеніе и исполняетъ то, что мы разумѣемъ подъ сохраненіемъ». Чтобы оцѣнить всю важность этого ученія индуктивной науки о духѣ, надобно познакомиться съ сущностью схоластической теоріи памяти.

---

*) Нѣмецкая Психологія. Изд. 2-е. Томъ II. Глава II.

Digitized by Google

«Схоластическая теорія памяти составляетъ центръ всего средневѣковаго ученія объ умѣ, а по слабой обработкѣ другихъ отдѣловъ духовныхъ явленій, плохо вяжущихся съ подобною теоріею памяти, и центръ почти всей средневѣковой психологіи. Какъ собирается матеріалъ памяти и какое дѣлается изъ него дальнѣйшее употребленіе, это были основные вопросы схоластической науки о духѣ. Такимъ образомъ ученіе о памяти состояло въ тѣсной связи, съ одной стороны, съ ученіемъ объ ощущеніяхъ, съ другой, съ ученіемъ о процессѣ мысли. Главную роль въ цѣлой теоріи памяти и ума играли такъ-называемыя *представленія* (reprаesentationes)». *)

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что «reprаesentatio» схоластиковъ есть именно «представленіе чего нибудь въ мысли, идеальное, умственное; во-вторыхъ, составляетъ нѣчто отдѣльное отъ самой мысли или акта представленія: это только предметъ мыслимый, вещь представляемая, вещь существующая и раньше акта представленія или мысли, слѣдовательно, отъ этого акта независимая, но отъ которой существенно зависитъ бытіе этого акта. Такая самостоятельная и независимая вещь, составляющая предметъ представленія или мысли, называлась также «идеею», «образомъ», «призракомъ», «видомъ», или «формой» (idea, imago, phantasma, species).

«Выраженная въ такомъ видѣ, эта теорія охватываетъ всѣ ея оттѣнки; но, очевидно, довольно темно. Чтобы подойти къ ея настоящему смыслу, надобно прослѣдить ея историческую вентиляцію, стадіи постепеннаго очищенія отъ грубостей, какія она имѣла первоначально, пока не стушевалась наконецъ до такой степени, что только получаемые изъ нея грубые результаты обнаруживаютъ, при историческомъ сравненіи, ея старый закалъ.

«Есть вещи, въ схоластическихъ теоріяхъ стараго времени, до того несообразныя, что передача ихъ въ сколько нибудь сносномъ видѣ становится затруднительною. Къ такому разряду относится безъ сомнѣнія, и схоластическая теорія «представленій». Чтобы приблизительно стать на эту точку зрѣнія, слѣдуетъ думать такъ, что духъ заключенъ въ тѣлѣ, какъ иная жидкость заключена въ

*) Тамъ-же.

Digitized by Google

закрытомъ сосудѣ; т. е. соприкасается съ внутреннею поверхностью тѣла, какъ вещь смежная съ нимъ. Такимъ именно образомъ, по этой теоріи, духъ отдѣляется отъ предметовъ дѣйствующихъ на тѣло, на его поверхность наружную, или такъ-называемые органы внѣшнихъ чувствъ. Такъ какъ, при такомъ центральномъ положеніи духа въ тѣлѣ, онъ не могъ прямо соприкасаться съ предметами, то возникалъ вопросъ: какъ совершается актъ внѣшняго или предметнаго ощущенія? — Отвѣтъ былъ такой, что нѣчто изображающее предметы, нѣкоторыя копіи ихъ, виды, образы, облики, идеи, препровождаются, черезъ извѣстныя среды, напр. свѣтъ, воздухъ и проч., къ органамъ внѣшнихъ чувствъ; здѣсь принимаютъ ихъ соотвѣтственные нервы, и ставятъ такимъ образомъ на той внутренней сторонѣ тѣла, къ которой прилежитъ духъ; а этотъ послѣдній получаетъ, поэтому, способность относиться къ нимъ непосредственно, т. е. безъ всякой, раздѣляющей его отъ нихъ, духовной или вещественной среды. Такъ, напр., «представленія», «образы», или «идеи», посылаемыя къ органу зрѣнія, останавливаются въ сѣтчатой плевѣ глаза, и духъ подступаетъ къ нимъ съ внутренней стороны.

«При этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе въ особенности на два пункта. Представленія или идеи не остаются постоянно въ своемъ первоначальномъ мѣстѣ,—напр. идеи зрѣнія въ сѣтчатой плевѣ глаза, гдѣ духъ впервые знакомится съ ними, — а, спустя нѣкоторое время, идутъ дальше, въ мозгъ, соотвѣтственными нервными путями;—напр. идеи зрѣнія, зрительными нервами, къ ихъ перекресту, и далѣе, въ особое, приготовленное для нихъ мѣсто; тамъ онѣ и остаются впредь до востребованія. Первый актъ знакомства съ «представленіями» будетъ, по теоріи, *ощущеніе*, или *внѣшнее ощущеніе*; мѣсто временнаго покоя ихъ въ центрѣ мозга — мѣстомъ «склада представленій», «магазиномъ» или «резервуаромъ» памяти; ихъ «обратный выходъ» изъ этого темнаго мѣста, на свѣтлое пространство ретины, или другой соотвѣтственной части, будетъ *воспоминаніе*, *воображеніе*, *воспроизведеніе*.

«При этомъ, схоластики «реалисты» полагали, что кромѣ «чувственныхъ видовъ», знакомящихъ духъ съ частными предметами, существующія вещи препровождаютъ еще «умственные виды»,

Digitized by Google

ознакомляющіе духъ съ «эссенціями» вещей, съ сущностями родовъ и видовъ,—и которые отличались отъ другихъ подъ именемъ «понятій», или «общихъ понятій», играющихъ роль въ сужденіяхъ и силлогизмѣ. Это разграниченіе существовало у всѣхъ ученыхъ того времени, пока такъ-называемый «номинализмъ» не сталъ оспаривать присутствіе въ духѣ такихъ общихъ сущностей, и ихъ привилегированную роль въ процессѣ нашего сужденія и умозаключенія.

«Ко всему этому прибавлялось много спеціальныхъ разсужденій и тонкостей; — напр. о той роли, какую въ этомъ входѣ и выходѣ «представленій» играютъ «животные духи», т. е. такъ-называемыя нервныя жидкости, или нервные токи; о взаимныхъ столкновеніяхъ «представленій», объ ихъ поврежденіи, путаницѣ, и вытекающихъ отсюда «иллюзіяхъ», галлюцинаціяхъ и т. д.» *).

Гоббсъ утверждаетъ, что эта теорія «идей» и «памяти» сохранялась еще въ его время во всѣхъ университетахъ Европы. «Во всѣхъ университетахъ христіанскаго міра, — говоритъ Гоббсъ въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія «О человѣкѣ», — схоластическая философія, опираясь на нѣкоторыя мѣста изъ Аристотеля, научаетъ насъ, что, для произведенія *зрѣнія*, предметъ видимый посылаетъ во всѣ стороны *видимый видъ* (species), призракъ или образъ или нѣкое видимое существо, котораго принятіе въ глазъ и составляетъ *зрѣніе*. Чтобы произвести слышаніе, слышимый предметъ посылаетъ *слышимый видъ*, который есть слышимый *призракъ*, или нѣкое *слышимое* существо, которое, входя въ ухо, рѣшаетъ тамъ слышаніе. Также говорятъ, что для произведенія ума, предметъ *понимаемый* посылаетъ *видъ умственный*, который есть видимое умственное существо, и которое, проникая въ разсудокъ, дѣлаетъ то, что мы понимаемъ». «Я говорю это не съ тѣмъ, продолжаетъ Гоббсъ, чтобы выразить неодобреніе обычаямъ университетовъ; но предполагая вскорѣ говорить о вліяніи, какое они имѣютъ на общественную жизнь, я долженъ пользоваться всѣми случаями, чтобы показать, въ ихъ обычаяхъ, все что требуетъ реформы; а это, прежде всего, *привычка къ ничего незначащимъ фразамъ*».

---

*) Тамъ же.

Digitized by Google

Чтобы нагляднѣе представить, что это за особенныя существа,—зрительныя, слуховыя, умственныя и т. д.,—называемыя именами «представленій», «идей» и т. д.,—замѣтимъ, что «въ болѣе мрачныя времена, схоластики были увѣрены, что это существа *матеріальныя*, вещественныя. Пока не были извѣстны законы оптики, думали, что изображеніе предмета на сѣтчатой плевѣ глаза отражается отъ самого предмета, какъ маленькая вещественная копія его,—проходитъ пространство, отдѣляющее его отъ глаза, и проникаетъ въ глазъ. Правда, впечатлѣнія слуха, обонянія и проч., не давали, для этого предположенія, подобнаго нагляднаго повода; но это старались понимать по аналогіи съ чувствомъ зрѣнія. Въ концѣ временъ схоластики, понятія о вещахъ стали облагораживаться, и теорія «представленій» получила значительное улучшеніе; тѣ «зрительныя», «слуховыя» существа стали представлять себѣ не матеріальными, а духовными, мысленными (intentionales), которыя, впрочемъ, исполняли тѣже самыя путешествія въ глазъ, мозгъ, какъ и матеріальныя» *). Приведемъ подлинныя слова одного изъ защитниковъ послѣдней теоріи, именно *Джона Фрэзера*. «Если вы спросите меня, говоритъ онъ, какъ все это случается, я попрошу обратить вниманіе на слѣдующія соображенія, которыя имѣю честь предложить вамъ. Замѣтьте, прежде всего, что къ органу глаза посылаются видимымъ предметомъ зрительные *виды* или *идеи*; что онѣ представляютъ цвѣтъ, фигуру этого предмета, и показываютъ его размѣры, соотвѣтственно разстоянію. Безъ сомнѣнія, въ наши глаза не входятъ ни предметы, ни промежуточное пространство. Поэтому, для увѣдомленія органа требуется *третья вещь*, отдѣльная и отъ предмета, и отъ глаза, точно также какъ и отъ мѣстнаго разстоянія. Эти виды пропускаются въ мозгъ посредствомъ оптическаго нерва, и слагаются въ магазинѣ памяти; въ противномъ случаѣ, воспоминаніе этихъ предметовъ продолжалось бы лишь столько, сколько ихъ присутствіе; а это воспоминаніе есть ничто иное, какъ воображеніе, или, лучше сказать, душа человѣка, получающая посредствомъ воображенія интенціональные виды, которые уже были приняты отъ видимыхъ предметовъ посредствомъ органа глаза, и сложены въ

*) Тамъ же.

Digitized by Google

резервуарѣ (receptaculum) памяти. Далѣе, когда мозгъ находится въ состояніи здоровомъ, эти виды сохраняются безъ всякаго повреждения, точно также какъ и чинъ и порядокъ, въ которомъ они вступили; но если онъ охватывается грубыми парами, когда именно въ животныхъ духахъ и влагахъ случается неистовое движеніе, въ такомъ случаѣ эти идеи то увеличиваются въ количествѣ, то выростаютъ въ объемѣ, то перемѣняютъ мѣста и смѣшиваются съ другими видами, и проч.,. и проч.; и этому обману подвергается не одно воображеніе: онъ простирается и на внѣшнія чувства, въ особенности зрѣнія и слуха. Потому что зрѣніе есть ничто иное, какъ проходъ интенціональныхъ видовъ черезъ кристалликъ до ретины, гдѣ *общее чувство* и судитъ объ нихъ, а оптическіе нервы овладѣваютъ ими и доводятъ до воображенія»...

Судя по времени процвѣтанія такихъ теорій, мы должны отнестись снисходительно къ ихъ тогдашнимъ защитникамъ. Но «если подобныя теоріи встрѣчаются и въ нашемъ XIX вѣкѣ, мы должны, не обинуясь, сказать, что это запоздалый остатокъ варварскаго состоянія физики и психологіи. А между тѣмъ, наслѣдство этихъ теорій составляетъ сущность всего ученія нѣмецкой психологіи объ умѣ». Замѣтимъ, что «требуется очень немного искусства, чтобы схоластическая теорія «представленій» потеряла свой патріархально-грубый видъ, оставаясь въ существѣ тѣмъ же, что̀ и прежде. Слишкомъ грубо, конечно, что «представленія» отражаются тѣлами, проходятъ физическую среду, кристалликъ, ретину, зрительные нервы, и занимаютъ надлежащее мѣсто въ какой нибудь части мозга, откуда выдвигаются снова на показъ души, и совершаютъ «ретроцессію» до ретины и кристаллика, получая ясность, приближающуюся иногда, по степени, къ ясности самыхъ ощущеній. Но если поставить дѣло такъ, что эти духовныя или интенціональныя вещи совершаютъ тѣже самые процессы не внѣ духа, а въ самомъ духѣ,—присутствуютъ напр. въ актѣ ощущенія, потомъ уходятъ куда-то въ самомъ духѣ, откуда снова появляются, и снова уходятъ, — смѣшиваются, по дорогѣ туда и обратно, одна съ другою, и т. д.; то покажется, что тутъ, дѣйствительно, больше чѣмъ однѣ «ничего незначащія фразы»,—есть что-то похожее на дѣло; и этотъ-то призракъ чего-то похожаго на дѣло и есть именно то, что̀ составляетъ душу

Digitized by Google

нѣмецкой психологіи. Измѣняется только сцена дѣйствія, а всѣ вымышленныя дѣйствія остаются тѣ же, и играютъ ту же самую роль, въ объясненіи воображенія, разсудка, мышленія и проч.» *).

Теорія духовныхъ или «интенціональныхъ представленій» получила «существенное измѣненіе съ успѣхами физики, и болѣе здравыми понятіями о духѣ, возникшими на развалинахъ схоластики. Прежде всего, стало безспорнымъ, что подобныя идеи не могутъ выходить отъ предметовъ, и путешествовать въ мозгъ. Декартъ въ особенности возставалъ противъ этой теоріи отражаемыхъ предметами «представленій»; и его авторитетъ изгналъ изъ школъ наивное мнѣніе, что духъ можетъ сноситься съ идеями въ мозгѣ, какъ вещь матеріальная сносится съ другою, или что въ духъ можетъ входить что нибудь снаружи, какъ различныя вещественныя субстанціи входятъ въ наше тѣло. Словомъ, у Декарта и въ его школѣ, духъ, такъ-сказать, замкнулся для всѣхъ внѣшнихъ вторженій; но теорія «идей», или «представленій», какъ особенныхъ вещей, далеко не исчезла. Попрежнему, онѣ остались вещами сосуществующими съ духомъ, и намѣстниками представляемыхъ ими предметовъ. Часть ихъ, у Декарта, приносится человѣкомъ съ самымъ рожденіемъ (ideae innatae); часть происходитъ позднѣе,—но сохраняетъ тѣже свойства: пребываніе въ духѣ, въ качествѣ вещей, отъ него самого отличныхъ. Лейбницъ пошелъ далѣе Декарта. Онъ предполагалъ, что въ «монадахъ» или душахъ существуютъ изначала копіи всѣхъ предметовъ, что монады суть *живыя зеркала* цѣлой вселенной; что онѣ различаются, въ своемъ достоинствѣ, по степени ясности этихъ, отъ вѣчности имъ присущихъ идей или образовъ, достигающихъ наивысшей ясности въ душѣ человѣка. Но и здѣсь, первоначальное положеніе «идей»— неясность и сбивчивость; только постепенно онѣ проясняются, выходя изъ глубины духа; но, пріобрѣтши ясность и раздѣльность, не перестаютъ, до востребованія, погружаться снова въ первобытное состояніе «темноты»... Это темное состояніе, для идей бывшихъ разъ въ состояніи ясномъ, будетъ память; а для идей не имѣвшихъ этой доли, запасной складъ ихъ, готовый къ услугамъ. Ясное состояніе идей будетъ, смотря по обстоятель-

*) Тамъ же.

Digitized by Google

ствамъ, ощущеніе, воображеніе, мышленіе и т. д.—Тоже положеніе идей, если только согласиться съ нимъ, подстрекаетъ къ вопросамъ: что же заставляетъ ихъ возвращаться въ ихъ прежнее темное состояніе? И какъ совершается это возвращеніе? Какъ онѣ могутъ выходить оттуда снова, и что встрѣчается съ ними при этихъ переходахъ? Все это и есть основные вопросы нѣмецкой психологіи у ея лучшихъ представителей, Фриза, Гербарта и Бенеке» *).

Кантъ, Фризъ, Гербартъ, Бенеке, «уничтожили въ теоріи Лейбница прирожденный или первоначальный запасъ идей, и съ этимъ вмѣстѣ тотъ первоначальный процессъ, какъ онѣ изъ идей «темныхъ» становятся «ясными»; но, затѣмъ, ихъ продолжающееся существованіе, въ качествѣ темныхъ идей, въ промежутки между ихъ первымъ появленіемъ въ духѣ, и воспроизведеніемъ, ихъ переходы изъ этого темнаго состоянія въ прежнее «ясное», и всѣ процессы и законы, какіе кому захотѣлось установить для этой «не существующей вещи»,—все это осталось въ прежней силѣ» **).

14) Схоластическая теорія памяти связалась, въ нѣмецкой психологіи, съ особенною теоріею *сознанія*, начало которой положилъ одинъ изъ главныхъ представителей шотландской философіи, *Ридъ*. «Ридъ понялъ сознаніе какъ операцію, *сопровождающую* всѣ другія духовныя операціи или состоянія, и именно *параллельную* имъ, и притомъ *простую*, или неразложимую на другія, болѣе элементарныя операціи». ***) Теорія эта была основательно опровергнута Броуномъ и позднѣйшими писателями Англіи. «Въ системахъ философіи, говоритъ Броунъ, господствующихъ особенно въ этой части острова (въ Шотландіи), сознаніе обыкновенно вводится въ классификацію, какъ одна изъ умственныхъ силъ нашего духа, отличная отъ другихъ его силъ, также какъ послѣднія отличаются другъ отъ друга. Такъ, у д-ра Рида она помѣщена въ его «Каталогѣ» умственныхъ способностей, какъ отдѣльная, особенная сила; и онъ говоритъ, что это — умственная операція своего особеннаго рода, и логически опредѣлена быть

---

*) Тамъ же.
**) Тамъ же.
***) Тамъ же.

Digitized by Google

не можетъ. Предметы ея суть наши наличныя страданія, удовольствія, надежды, страхи, желанія, сомнѣнія, мысли всякаго рода; однимъ словомъ, всѣ страсти, и всѣ дѣйствія и операціи нашего собственнаго духа, какъ скоро онѣ находятся на-лицо. И въ разныхъ мѣстахъ своихъ сочиненій, которыя нѣтъ нужды приводить, онъ намекаетъ на его коренную разницу отъ другихъ силъ духа, какъ на предметъ, о которомъ не можетъ быть и спора. Тѣмъ не менѣе, я долженъ признаться, что такая попытка какъ бы удвоять наши различныя чувства, принуждая ихъ составлять не сознаніе, а предметъ сознанія, какъ отдѣльной умственной силы,—по моему мнѣнію, не есть вѣрная постановка духовныхъ явленій, и основана отчасти на сбивчивости мысли, и еще болѣе на сбивчивости рѣчи. Ощущеніе не есть какой нибудь предметъ сознанія, отличный отъ самого сознанія; напротивъ, всякое частное ощущеніе и есть сознаніе въ данную минуту; какъ частная надежда, или страхъ, или скорбь, или злоба, или просто воспоминаніе, можетъ быть дѣйствительнымъ сознаніемъ въ ближайшую минуту. Кратко, если бы духъ человѣка, и всѣ перемѣны имѣющія въ немъ мѣсто, отъ перваго чувства, которымъ жизнь начинается, до послѣдняго, какимъ она заключается, могли предстать передъ взоры какого нибудь другого мыслящаго существа, то оно различило бы въ немъ только извѣстный рядъ чувствъ, т. е. извѣстное число преемственныхъ состояній, которыя, правда, заключали бы разнообразіе внѣшнихъ ощущеній, и мыслей, и страстей, какъ минутныхъ состояній духа, но при этомъ всѣ существовали бы индивидуально, и преемственно другъ за другомъ. Предполагать, что духъ существуетъ въ двухъ различныхъ состояніяхъ, въ одну и туже минуту, есть очевидная нелѣпость. Поэтому, цѣлому ряду состояній, каковы бы ни были эти жизненныя минутныя преемственныя состоянія, я и даю имя сознанія, — употребляя этотъ терминъ не для того, чтобы выразить какое нибудь новое, добавочное къ этому цѣлому ряду, состояніе (потому что къ тому что̀ уже было цѣлымъ, нельзя прибавить ничего, и духъ, какъ я уже сказалъ, не можетъ быть мыслимъ существующимъ заразъ въ двухъ различныхъ состояніяхъ), — но просто какъ краткій способъ выраженія широкаго разнообразія нашихъ чувствъ; почти также,

Digitized by Google

какъ я употребляю какое нибудь другое родовое слово, чтобы кратко выразить содержащіяся въ немъ частныя разницы. Сознанія не существуетъ подлѣ ощущеній, мыслей, страстей, точно также какъ не существуетъ четвероногаго или животнаго, какъ отдѣльнаго существа, которое нужно прибавить къ волкамъ, тиграмъ, слонамъ и другимъ живымъ тварямъ, которыя я разумѣю въ этихъ терминахъ». Переходя къ анализу такъ-называемаго *внутренняго наблюденія*, Броунъ замѣчаетъ: «Безспорно, что одинъ и тотъ же недѣлимый духъ, въ умственномъ изслѣдованіи, есть заразъ и предметъ и наблюдатель. Но благородное дарованіе памяти, которымъ снабдилъ насъ Творецъ, разрѣшаетъ всю тайну этого страннаго парадокса. Въ силу этой способности, духъ нашъ, простой и недѣлимый, какъ онъ дѣйствительно есть,— какъ бы помножается на себя, и распространяется надъ всѣмъ длиннымъ рядомъ ощущеній и волненій, въ которыхъ онъ, кажется, живетъ снова, и живетъ неоднократно. Что касается самой памяти, то, конечно, нѣтъ спора, что отношеніе мысли къ мысли въ ней не получается; при ней одной не могло бы существовать никакой философіи, умственной или нравственной, физической или метафизической. Такимъ образомъ, тому чудесному дарованію, которое позволяетъ намъ сравнивать прошлое съ настоящимъ, мы обязаны этимъ чудеснѣйшимъ изъ отношеній, по которому одно и тоже существо есть заразъ и предметъ, и субъектъ созерцающій самого себя и — подобно тому, какъ онъ бросаетъ взглядъ на предметы отъ него отдаленные — сравнивающій мысль съ мыслью, волненіе съ волненіемъ, одобряющій свои нравственныя дѣйствія, съ тѣмъ же довольствомъ, съ какимъ взираетъ на добродѣтели другихъ, кого онъ уважаетъ и любитъ, въ самой отдаленной націи или вѣкѣ,— или же высказывающій приговоръ себѣ, какъ бы преступнику, которымъ гнушается, который дрожитъ отъ сознанія проступка, предъ испытующими очами строгаго и всевѣдущаго судьи».

Нѣмецкіе психологи усвоили Ридову теорію сознанія, какъ операціи современной всѣмъ другимъ явленіямъ духа, и соединили ее съ схоластической теоріею памяти. Изъ такого сочетанія двухъ теорій вышло странное ученіе, „что „представленія“, возникая въ актѣ ощущеній, отправляются на дно души, въ

Digitized by Google

складъ памяти, — и это значитъ, уходятъ изъ сферы „сознанія“, какъ параллельнаго или современнаго сознаваемымъ „представленіямъ“; наоборотъ, возвращаясь оттуда, вступаютъ въ область предметовъ сознаваемыхъ, или въ сферу сознанія. Такъ что сфера „сознанія“ стала замѣнять Лейбницеву сферу „ясныхъ представленій“, именно, не измѣняя послѣднюю, а сочетаваясь съ нею; ясность представленій и стала именно „сознательностью“ ихъ, или показаніемъ того, что представленія составляютъ въ данную минуту предметъ сознанія. Наоборотъ, область „темныхъ“ представленій стала, по контрасту, называться областью „безсознательной“. Такимъ образомъ, въ понятіяхъ нѣмецкихъ психологовъ, духъ сталъ существовать заразъ, уже не въ двухъ какихъ нибудь различныхъ состояніяхъ, а въ цѣлыхъ трехъ отдѣлахъ состояній,—изъ которыхъ первый дается сознаніемъ, какъ современнымъ множеству представленій; второй — множествомъ современно сознаваемыхъ представленій; третій — множествомъ, также существующихъ, но безсознательныхъ представленій, хранящихся въ памяти. Духъ вышелъ не только „магазиномъ, наполняемымъ постепенно различными матеріалами“, но и раздѣлился на двѣ камеры: камеру-обскуру, безсознательную область памяти, и камеру-кляру, область сознанія. Къ этому уже не трудно прибавить другія подробности. Такимъ образомъ, у Фриза, усвоившаго эту теорію отъ Канта, возникъ вопросъ о рубежѣ отдѣляющемъ область сознанія, отъ области безсознательной; а это даетъ ему поводъ къ ученію о „горизонтѣ сознанія“. И вотъ разгадка всѣхъ относящихся сюда вопросовъ. Что такое — внутреннее наблюденіе? Это—особое направленіе сознанія на одно изъ сознаваемыхъ „представленій“. Что такое—забвеніе? Бытіе представленій за „горизонтомъ сознанія“. Что такое — воспоминаніе? Выходъ „представленій“ изъ-за „горизонта сознанія“; и т. д. Но разъ пошедши по этой дорогѣ объясненія, трудно остановиться. Представился новый вопросъ: почему представленія не остаются въ горизонтѣ сознанія, а должны уходить за горизонтъ, и оттуда возвращаться только по временамъ? На этотъ вопросъ Фризъ отвѣчаетъ кратко: — потому что новыя представленія „вытѣсняютъ“ старыя за „горизонтъ сознанія“!.. Повидимому, что можетъ быть страннѣе такого ученія?.. Однако Гербартъ, во всѣхъ за-

Digitized by Google

мѣчаніяхъ о Фризѣ, съ удовольствіемъ останавливается на этой теоріи „вытѣсненія“ представленій за горизонтъ сознанія; и вся Гербартова „Статика“ и „Механика“ духа занимается единственно разрѣшеніемъ этого страннаго вопроса. Правда, многое измѣнилось въ психологіи Гербарта; пропали Фризовы силы духа, какъ особенные агенты; но теорія памяти и воспроизведенія осталась та же, и измѣнились только термины: мѣсто „горизонта“ сознанія занялъ „порогъ“ сознанія, „пунктъ равновѣсія представленій“; и т. д.—У Бенеке—видоизмѣненіе той же самой теоріи, и опять новые термины. Область сознанія сохранилась, и область безсознательная получила въ духѣ такое широкое мѣсто, что, кажется, онъ весь превратился въ какую-то таинственную темную лабораторію: это ученіе Бенеке о „слѣдахъ“. Слѣды замѣняютъ мѣсто „интенціональныхъ представленій“, составляющихъ память, но далеко не могутъ быть названы только „темными представленіями“ Фриза или Гербарта, — потому что изъ этихъ интенціональныхъ, „безсознательныхъ представленій“ впервые и слагается субстанція нашего духа!!..“ *).

В. *Современное ученіе о задачахъ и методахъ Психологіи* изложено въ слѣдующей рѣчи.

---

*) Тамъ же.

Digitized by Google

Современное ученіе о задачахъ и методахъ Психологіи.

(Рѣчь произнесенная въ первомъ публичномъ засѣданіи Психологическаго Общества, учрежденнаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, 14-го марта 1885 года).

Digitized by Google

Digitized by Google

Въ послѣднія два столѣтія, когда науки физическія и математическія сдѣлали такіе огромные успѣхи, многіе ученые задавали вопросъ: почему не случилось того же съ психологіею? Въ отвѣтъ на это обыкновенно указывалась особенность предмета психологіи, т. е. *духа*. Писатели, защищавшіе приложеніе къ изслѣдованію духа тѣхъ самыхъ методовъ, которымъ столько обязаны своими успѣхами науки физическія, соглашались въ то же время, что эти методы должны быть приноровлены къ природѣ духа, или его отличіямъ отъ тѣла и матеріи, и что это приноровленіе представляетъ несомнѣнныя трудности.

Мы признаемъ вѣрность этого замѣчанія относительно главной причины замедляющей успѣхи психологіи; но мы думаемъ, что этимъ не исключается неблагопріятное имъ дѣйствіе и нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствъ. Одно изъ нихъ, на которое, какъ намъ кажется, не обращалось до сихъ поръ достаточнаго вниманія, заключается въ обычной формѣ психологическаго труда. Фихте младшій замѣтилъ въ свое время относительно нѣмецкихъ философовъ, что «большая часть изъ нихъ, одиноко, подобно кротамъ, копаютъ въ собственныхъ норахъ и опасаются недоброй встрѣчи, прикасаясь къ подземнымъ ходамъ другихъ». Слова эти могли бы быть повторены относительно современныхъ психологовъ. Отсутствіе соединенныхъ усилій, характеризующее до сихъ поръ психологическія работы, не можетъ не препятствовать успѣхамъ психологіи. Къ этому заключенію мы приходимъ, разсматривая тѣ великія услуги, какія учеными обществами оказаны естествознанію; и въ этомъ убѣждаемся, обращая вниманіе на то разнообразіе,—можно сказать, разнородность спеціальныхъ знаній, какія

Digitized by Google

необходимы для успѣшной разработки психологіи. Для этого требуются услуги описательной зоологіи, антропологіи, физіологіи и анатоміи человѣческаго тѣла, этнографіи, политической исторіи, лингвистики, исторіи литературы и искусствъ, психіатріи и многихъ другихъ наукъ. Соединеніе въ одномъ лицѣ спеціальныхъ знаній по столькимъ наукамъ, въ настоящее время, рѣшительно не мыслимо. Единственнымъ выходомъ изъ затрудненія, создаваемаго такимъ положеніемъ дѣла, представлялось учрежденіе психологическаго общества изъ представителей всѣхъ нужныхъ для ея разработки спеціальностей. Вотъ настоящая причина появленія нашего Психологическаго Общества, между другими обществами Москвы и Россіи, и вотъ почему учредителями его оказываются представители спеціальностей, принадлежащихъ всѣмъ факультетамъ. Привлеченіемъ въ свой составъ новыхъ членовъ, Общество надѣется развить намѣченную организацію своихъ ученыхъ работъ.

Такъ какъ раздѣленіе психологическихъ работъ между членами нашего Общества предрѣшено самымъ составомъ его, то главный предметъ, на который мы должны обратить наше вниманіе, заключается въ опредѣленіи взаимной связи этихъ работъ, ихъ точекъ соприкосновенія въ общемъ дѣлѣ, и тѣхъ взаимныхъ услугъ, какія онѣ могутъ оказывать другъ другу въ преслѣдованіи различными путями той же цѣли. Взаимное отношеніе всѣхъ видовъ разработки предмета психологіи объясняется всего легче указаніемъ на задачи и методы этой науки. Поэтому я прошу позволенія, Мм. Гг., остановить ваше вниманіе на *современномъ ученіи о задачахъ и методахъ психологіи.*

Понятіе о *духѣ,* какъ предметѣ психологіи, получается черезъ отвлеченіе, съ одной стороны, отъ предмета наукъ физическихъ, т. е. матеріи или тѣла, съ которымъ онъ находится въ связи,— съ другой, отъ предмета наукъ соціальныхъ или политическихъ, т. е. отъ фактовъ общественности. Духъ—не общество, и не тѣло: духъ есть вся сумма *психическихъ* фактовъ, отличающихъ индивидуальное существованіе живыхъ произведеній природы.

Психическими фактами называются факты *сознанія*, или факты чувства, ума и воли, которые достигаютъ своего единства въ фактахъ личности.

Digitized by Google

Древніе весьма тонко отдѣляли психологію отъ наукъ соціальныхъ, называя ее ученіемъ о *способностяхъ* духа, или о душевныхъ, психическихъ способностяхъ. Но способности могутъ быть изучаемы только по ихъ обнаруженіямъ или явленіямъ. Психическія способности относятся къ психическимъ явленіямъ, какъ возможность къ дѣйствительности. Поэтому, изученіе первыхъ совпадаетъ съ изученіемъ послѣднихъ.

Далѣе, психическія способности не представляютъ безусловнаго постоянства: имъ свойственъ между прочимъ тотъ важный видъ измѣненій, который называютъ *возрастаніемъ*, *образованіемъ*, *развитіемъ*,—однимъ словомъ, *исторіею*. Поэтому, съ вопросомъ о психическихъ способностяхъ связывается вопросъ объ ихъ развитіи или генезисѣ,—иначе сказать, вопросъ о *естественной исторіи* души.

Наконецъ, образованіе психическихъ способностей, находится въ тѣсной связи съ ихъ обнаруженіемъ, — иначе съ теченіемъ психическихъ явленій, — и оба процесса не чужды извѣстнаго постоянства. А это ведетъ къ вопросу объ управляющихъ ими *законахъ*.

Такимъ образомъ вопросы о духѣ, или о фактахъ сознанія, могутъ быть сведены, въ концѣ, къ тремъ вопросамъ: во-первыхъ, о количествѣ и свойствахъ психическихъ способностей, въ соотношеніи съ ихъ обнаруженіемъ, или явленіями; во-вторыхъ, объ образованіи тѣхъ же способностей; и въ-третьихъ, о законахъ ихъ обнаруженія и образованія,—иначе сказать, о законахъ теченія и развитія психическихъ явленій. Таковы основныя задачи изученія духа.

Между всѣми методами разработки психологіи, наибольшій контрастъ представляютъ два: во-первыхъ, *метафизическій*, или гипотетическій; и во-вторыхъ, *положительный*, или научный.

Метафизическій методъ изученія духа опирается на предположенія относительно самой сущности вещей. Метафизическій взглядъ на сущность духа имѣетъ двѣ главныя формы: *спиритуализмъ* и *матеріализмъ*. Типическимъ представителемъ спиритуализма можетъ быть поставленъ *монадизмъ* Лейбница, или Гербарта. По ученію Лейбница, духъ не есть названіе психическихъ способностей живыхъ существъ, а есть особое существо, могущее жить въ тѣлѣ, но чуждое всякой тѣлесности, т. е. протяженности, дѣ-

Digitized by Google

лимости. Выражаясь словами Лейбница, духъ есть нѣкоторая нематеріальная, но реальная единица, — *монада*, одаренная психическими способностями.—Спиритуализму противоположенъ матеріализмъ. Послѣдній признаетъ психическія способности свойствами матеріи, т. е. протяженной, дѣлимой субстанціи, особенно въ тѣхъ ея формахъ какія намъ представляютъ тѣла животныхъ. Матеріалистическій взглядъ на психическія способности и ихъ обнаруженія, со временъ французскаго ученаго Кабаниса, весьма распространенъ между физіологами и психіатрами. Основнымъ догматомъ современной матеріалистической доктрины служитъ признаніе *тожества* физіологическихъ функцій органовъ тѣла и фактовъ психическихъ, т. е. явленій сознанія.—Изъ этого видно, что спиритуализмъ и матеріализмъ, подобно другимъ метафизическимъ доктринамъ, не останавливаются на изученіи психическихъ способностей, по руководству психическихъ явленій и ихъ физическихъ сопровожденій, а рѣшаютъ вопросъ о самой субстанціи, которой принадлежатъ эти способности; и въ своихъ рѣшеніяхъ такъ расходятся между собою, что невольно наводятъ на мысль объ ихъ чисто гипотетическомъ характерѣ. И это дѣйствительно такъ. Философская критика, основанная Локкомъ, привела къ убѣжденію, что наши знанія о вещахъ ограничены одними *явленіями* ихъ; т. е., что сущность ихъ, какъ онѣ существуютъ сами въ себѣ,— или какъ субстанціальныхъ причинъ явленій, недоступна нашему знанію; и слѣдовательно, мнѣнія о субстанціяхъ психическихъ и физическихъ явленій будутъ всегда не только гипотезами, но притомъ еще такими, которыя выходятъ изъ круга научныхъ, какъ не подлежащія, по самой природѣ своихъ предметовъ, никакой повѣркѣ, т. е. ни оправданію, ни опроверженію, съ помощью строго-научныхъ методовъ. Единственное испытаніе, какому могутъ быть подвергнуты гипотезы спиритуализма и матеріализма, есть испытаніе ихъ «мыслимостью», способное открыть сравнительную степень ихъ логической состоятельности. И, на этотъ разъ, мнѣніе величайшихъ авторитетовъ по части логики — не на сторонѣ матеріализма. Бэнъ замѣчаетъ много разъ, что доктрина спиритуализма не заключаетъ въ себѣ никакого внутренняго противорѣчія. Гербертъ Спенсеръ идетъ дальше. Опредѣливши различіе между фактомъ психическимъ и фактомъ физіологическимъ,

Digitized by Google

Г. Спенсеръ прибавляетъ въ заключеніе: «Скажемъ однажды навсегда, что если бы намъ надо было выбирать одну изъ двухъ крайностей, т. е. или превратить явленія психическія въ явленія физическія, или наоборотъ, физическія — въ психическія, то мы скорѣе согласились бы на послѣднее». «Легче обратить такъ-называемую матерію въ такъ-называемый духъ,—продолжаетъ онъ,—чѣмъ обратить духъ въ матерію; потому что послѣднее, въ дѣйствительности, совершенно невозможно». Но, повторяемъ, эта оцѣнка логической состоятельности спиритуализма и матеріализма не можетъ сопровождаться научною повѣркою ихъ объективной истинности. Поэтому, психологическая наука не можетъ быть ни спиритуалистическою, ни матеріалистическою. Поэтому же, Психологическое Общество, созданное съ цѣлью разработки психологической науки, должно исключить изъ числа своихъ обсужденій вопросы спиритуализма, матеріализма и всякой другой метафизики души,—какъ вопросы научно-нерѣшимые. Само собою разумѣется, что этимъ вовсе не дѣлается покушенія на метафизическую совѣсть членовъ Общества. Метафизическія гипотезы не чужды нѣкотораго теоретическаго значенія: онѣ могутъ содѣйствовать цѣльности психологическаго взгляда и постановкѣ психологическихъ вопросовъ; но, какъ выходящія изъ области научныхъ изслѣдованій, должны оставаться дѣломъ личнаго убѣжденія, не останавливая на себѣ вниманія нашихъ собраній. — Методъ нашихъ психологическихъ работъ долженъ быть не метафизическій, а *положительный*, или строго-научный.

Положительный методъ изученія духа состоитъ въ приложеніи, къ психическимъ фактамъ всѣхъ средствъ изслѣдованія, способныхъ приводить къ научнымъ результатамъ, т. е. къ достовѣрному знанію объ нихъ. Положительный методъ разработки психологіи представляетъ въ настоящее время цѣлую связную систему отдѣльныхъ методовъ, во главѣ которыхъ стоитъ *субъективное* изученіе духа, называемое также субъективнымъ *изслѣдованіемъ*, субъективнымъ *анализомъ* и *психологическимъ анализомъ* по преимуществу. Субъективный методъ изученія духа противополагается *объективному*: первый есть изученіе психическихъ фактовъ изъ нихъ самихъ; второй—изъ ихъ тѣлесныхъ сопровожденій. Основой перваго служитъ прямое наблюденіе надъ фактами сознанія;

Digitized by Google

основой второго — умозаключенія объ этихъ фактахъ, по руководству ихъ физическихъ сопровожденій. На дѣлѣ, оба метода обыкновенно не отдѣлимы другъ отъ друга: и то или другое названіе усвояется имъ по перевѣсу того или другого характера, субъективнаго или объективнаго.

Послѣднее замѣчаніе справедливо и относительно того, что называютъ субъективнымъ анализомъ духа. Изученіе духа изъ самого духа отнюдь не означаетъ изученіе каждымъ только своего собственнаго духа. Психологія есть *наука* о духѣ. Всякая наука имѣетъ своимъ предметомъ только общности; факты индивидуальные для нея служатъ простымъ матеріаломъ изученія или объясненія. Поэтому, субъективный анализъ духа есть изученіе его по руководству наблюденій—не только надъ собою, но и надъ другими людьми. Всякое замѣчаніе изслѣдователя надъ собою, надъ своими психическими способностями, и порядкомъ ихъ обнаруженія и образованія, можетъ имѣть значеніе общаго факта только тогда, когда будетъ повѣрено на опытѣ другихъ. Органомъ наблюденія надъ другими, расширяющаго индивидуальный опытъ изслѣдователя, служитъ языкъ, рѣчь, словесность, литература, и всякая общепринятая и общепонятная символика психическихъ фактовъ. Всякій принятый символъ есть произведеніе смѣшаннаго характера, — явленіе субъективно-объективное. Отсюда ясно, что такъ-называемый субъективный анализъ психическихъ фактовъ, будучи въ первой стадіи своего развитія, методомъ *чисто субъективнымъ*, въ послѣдней становится методомъ *субъективно-объективнымъ*. Итакъ, *внутреннее* наблюденіе, *самонаблюденіе*, на которое опирается субъективный анализъ духа, не есть индивидуальный опытъ изслѣдователя, а есть наблюденіе всѣхъ вообще людей надъ собою, надъ фактами собственнаго сознанія, сличаемое и провѣряемое психологомъ въ его общности.

Субъективный анализъ духа имѣетъ своихъ противниковъ въ лицѣ Конта и нѣкоторыхъ его послѣдователей. Контъ считалъ внутреннее наблюденіе невозможнымъ, по крайней мѣрѣ въ кругѣ умственныхъ явленій; поэтому психологію онъ считалъ вѣтвію физіологіи, признавая методъ физіологическій, объективный, единственнымъ методомъ ея разработки. Мнѣніе Конта было основательно опровергнуто не только логически, особенно Д. С. Мил-

Digitized by Google

лемъ и Г. Спенсеромъ,—но и самымъ фактомъ такого блестящаго и плодотворнаго субъективнаго анализа, какой представленъ въ трудахъ Александра Бэна и родственныхъ ему, по направленію, психологовъ Англіи и Франціи. Прямое наблюденіе надъ фактами сознанія будетъ всегда единственнымъ ключемъ къ нимъ и достовѣрность его показаній на счетъ этихъ фактовъ никогда не можетъ быть превзойдена никакими другими показаніями. Физіологъ, — замѣчаетъ Льюисъ, — не могъ бы сдѣлать ни одного шага въ истолкованіи своихъ явленій, «если бы онъ не переводилъ ихъ постоянно на факты чувствованія. Безъ помощи внутренняго наблюденія, онъ не могъ бы видѣть ничего, кромѣ молекулярныхъ движеній въ нервныхъ процессахъ». Такимъ образомъ, каковы бы ни были недостатки субъективнаго анализа, но очевидно, что это—первое условіе всякой положительной психологической роботы.

Спрашивается: въ чемъ же состоитъ субъективный анализъ способностей духа и законовъ ихъ обнаруженія и образованія? Какіе пріемы изслѣдованія обнимаетъ онъ?

Методъ субъективнаго анализа не исключаетъ ни одного изъ извѣстныхъ пріемовъ научнаго изслѣдованія; въ составъ его входятъ и описанія, и наведенія, и дедукціи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно обратить вниманіе на логическія условія научной классификаціи психическихъ способностей, или научной системы психическихъ фактовъ, получаемой съ помощью этого метода. Научная классификація психическихъ явленій должна выражать ихъ глубокія сходства и разницы: тѣ и другія открываются съ помощью анализа психическихъ фактовъ, обнаруживающаго ихъ составъ и ихъ послѣдніе субъективные элементы. Такимъ образомъ, научная классификація психическихъ способностей не исполнима безъ тонкаго умственнаго разложенія ихъ обнаруженій, или психическихъ явленій; а такое разложеніе послѣднихъ не осуществимо безъ наведеній и дедукцій,—т. е. безъ открытія нѣкоторыхъ неизмѣнныхъ порядковъ ихъ встрѣчи и преобразованія,—иначе, субъективныхъ законовъ духа. Справедливость этихъ разсужденій доказывается исторіею классификаціи психическихъ способностей въ новое время; научная система психическихъ фактовъ получила больше прочности и развитія

Digitized by Google

только тогда, когда открытіе законовъ ассоціаціи положило начало ихъ дедуктивному объясненію. — Такимъ образомъ, безъ высшихъ пріемовъ научнаго изслѣдованія,— безъ наведеній и дедукцій, не исполнима окончательно и самая первая задача субъективной психологіи,—т. е. установленіе научной классификаціи психическихъ способностей. Поэтому несправедливо мнѣніе тѣхъ, которые результаты субъективнаго анализа считаютъ чисто эмпирическими: чистая эмпирія не устанавливаетъ законовъ и не объясняетъ изъ законовъ. Субъективный анализъ имѣетъ всѣ достоинства положительнаго метода, не смотря на то, что составляетъ только одинъ изъ его видовъ въ приложеніи къ изслѣдованію духа.

Второй видъ положительнаго психологическаго метода состоитъ въ *объективномъ* анализѣ психическихъ фактовъ, т. е. въ изученіи ихъ изъ ихъ тѣлесныхъ или физическихъ сопровожденій. Если бы между психическими фактами и ихъ тѣлесными сопровожденіями существовала постоянная связь, то послѣднія могли бы служить вѣрными признаками первыхъ, и такимъ образомъ дать косвенное орудіе къ ихъ изученію. Между тѣмъ связь эта не подлежитъ сомнѣнію, и прежде всего, связь психическихъ фактовъ съ физіологическими функціями органовъ тѣла.

Изученіе связи духа съ функціями органовъ тѣла составляло спеціальный предметъ многихъ изслѣдователей духа. Самымъ авторитетнымъ между ними является Бэнъ, съ своими выводами относительно этого предмета. «Вся тѣлесная система, — говоритъ Бэнъ,—хотя не въ одинаковой степени, тѣсно связана съ духовными явленіями». Какъ на самое наглядное доказательство связи духа съ функціями тѣла, Бэнъ указываетъ на естественный языкъ, или выраженіе чувствъ; для живописца, скульптора, поэта, каждое чувство имѣетъ свойственное ему выраженіе. — Вторымъ доказательствомъ тѣсной связи между духомъ и тѣломъ служатъ, для Бэна, вліянія перемѣнъ въ тѣлѣ на состоянія духа, и состояній духа на перемѣны въ тѣлѣ. Тѣлесное страданіе часто бываетъ причиною радикальнаго измѣненія нравственнаго характера. Память усиливается и слабѣетъ, смотря по состоянію тѣла. Съ другой стороны, внезапно возникающія волненія разстраиваютъ тѣлесныя функціи. Органъ тѣла, наиболѣе тѣсно связанный съ духомъ, есть мозгъ. «Факты, указывающіе на связь духа и моз-

Digitized by Google

га,—говоритъ Бэнъ,—многочисленны и неопровержимы». Работа мозга необходима для мысли, чувства и воли. — Теперь спрашивается: что-же это за связь между духомъ и тѣломъ, между психическими явленіями и физіологическими фактами?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ получается всего легче, когда мы имѣемъ въ виду тѣ послѣдніе термины, въ которыхъ выражаются явленія духа и функціи тѣла. Явленія духа, это—факты сознанія, болѣе или менѣе яснаго или темнаго, пассивнаго или дѣятельнаго. Льюисъ не принимаетъ этого обобщенія, отличая отъ сознанія чувствованіе (sentience), какъ психическій фактъ, которому не чужда и безсознательность. Это раздѣленіе,—отголосокъ шотландскаго ученія о сознаніи, перенесеннаго Кантомъ и въ нѣмецкую психологію,—совсѣмъ не выдерживаетъ критики съ точки зрѣнія новѣйшаго психологическаго анализа, не признающаго сознанія сопровожденіемъ нашихъ чувствъ, а напротивъ полагающаго его именно только въ чувствахъ и ихъ воспроизведеніяхъ, т. е. идеяхъ. Безсознательное чувство есть тоже что безсознательное сознаніе, т. е. скрытое противорѣчіе въ самыхъ словахъ. Безсознательные психическіе факты суть популярное выраженіе фактовъ слабаго или неяснаго сознанія: безсознательны въ строгомъ смыслѣ только процессы физическіе, къ которымъ принадлежатъ и факты физіологическіе. Послѣдніе сводятся къ другому общему терминy, именно *движенію*,—молярному и молекулярному. Такимъ образомъ, вопросъ о связи духа и функцій органовъ тѣла есть собственно вопросъ о связи фактовъ сознанія и движеній. Допускающіе гипотезу безсознательныхъ психическихъ фактовъ, молчаливо признаютъ, что факты сознанія и факты движеній не подлежатъ отожествленію. „Никакой сравнительный анализъ,—говоритъ Лётце,—не позволитъ намъ открыть въ химическомъ составѣ нерва, въ напряженіи, расположеніи и подвижности его мельчайшихъ частицъ, — причину, по которой звуковая волна, дошедшая до этого нерва, производила бы въ немъ, кромѣ колебанія того-же свойства, еще сознаніе или ощущеніе звука. Мы можемъ изслѣдовать раздраженіе по всей длинѣ нерва, можемъ вызывать въ немъ тысячу разъ измѣненія формы и превращеніе въ движенія болѣе и болѣе тонкія и деликатныя; но мы никогда не придемъ къ доказательству того, чтобы движе-

Digitized by Google

ніе, произведенное такимъ образомъ, могло перестать существовать въ формѣ движенія, и возродиться подъ формою ощущенія свѣтового, слухового или вкусового. Всегда останется одинаковая пропасть между послѣднимъ состояніемъ матеріальныхъ элементовъ, какое позволяютъ намъ подмѣтить наши средства, и первымъ появленіемъ ощущенія". Такимъ образомъ, при оцѣнкѣ связи между явленіями психическими и физіологическими, мы должны устранить мысль объ ихъ тожествѣ; а это, при доказанной связи тѣхъ и другихъ, приводитъ, въ концѣ, къ одному заключенію, именно къ утвержденію ихъ неизмѣннаго *сопутствія* другъ другу.

Ученіе о сопутствіи психическихъ и физіологическихъ явленій, какъ собственной формѣ ихъ связи было высказано съ особенною силою Броуномъ и усвоено Д. Стюартомъ Миллемъ. Оба они не задумывались переносить на это сопутствіе характеръ причинной связи, такъ какъ въ послѣдней не видѣли ничего кромѣ безусловно-постояннаго отношенія преемства. Когда Бэнъ внесъ въ логическую теорію причинной связи новую характеристику послѣдней, въ смыслѣ перенесенія и превращенія силы, или въ смыслѣ такъ-называемаго соотношенія физическихъ силъ, тогда потребовалось опредѣлить отношеніе силы психической къ другимъ силамъ природы. Нѣкоторые писатели не колебались ввести первую въ кругъ послѣднихъ; такъ что психическіе факты являлись для нихъ простымъ преобразованіемъ фактовъ физіологическихъ, т. е. нѣкоторыхъ молекулярныхъ движеній въ нервной системѣ и мозгѣ. Это уже выходило изъ указанныхъ выше границъ научнаго психологическаго изслѣдованія. Бэнъ, вводя въ логику новую теорію причинности, не нашелъ возможнымъ распространить ее на отношеніе физическихъ и психическихъ фактовъ, и въ связь духа и тѣла ввести что нибудь иное, кромѣ ихъ сопутствія другъ другу. Но это сопутствіе получило у него такое опредѣленіе, далѣе котораго не пошла современная наука. Бэнъ приходитъ къ своимъ выводамъ по этому предмету слѣдующимъ образомъ.

Два метода, которыми опредѣляется причинная связь, опираются, по ученію Бэна, на два факта: во-первыхъ, тотъ, что за наступленіемъ причины слѣдуетъ наступленіе дѣйствія; и во-вто-

Digitized by Google

рыхъ, тотъ, что отсутствіе причины ведетъ за собою отсутствіе слѣдствія. Бэнъ доказываетъ, что методъ *удаленія* причины не приложимъ къ рѣшенію такого вопроса, какъ связь между духомъ и тѣломъ. „Мы не можемъ,—говоритъ онъ,—разложить человѣка на тѣло и духъ. Мы не можемъ удалить духъ, чтобы посмотрѣть, исчезнетъ-ли тѣло. Мы можемъ уничтожить тѣло, но не можемъ сказать, исчезаетъ-ли при этомъ духъ, — или нѣтъ; ибо тѣмъ самымъ мы удаляемъ показатель духа, т. е. тѣлесныя его проявленія". Такимъ-же образомъ и методъ *отсутствія* причины не приложимъ къ главному органу психической дѣятельности, т. е. къ мозгу. „Удаленіе мозга, правда, ведетъ за собою прекращеніе явленій духа; но, за исключеніемъ самыхъ низшихъ организмовъ, оно ведетъ за собою прекращеніе и тѣлесной жизни". Только удаленіе мозга по частямъ можетъ вести къ вѣроятнымъ заключеніямъ относительно результатовъ его совершеннаго удаленія.—Но *методъ сопутствія*, или *соотвѣтствія* (concomitance or correspondence) вполнѣ приложимъ къ этому предмету, — замѣчаетъ Бэнъ. Методъ сопутствующихъ измѣненій не позволяетъ, однако, переносить на сопутствіе психическихъ и физическихъ явленій—характеръ причинной связи,—какъ это дѣлали Броунъ или Милль. Все что позволяетъ установить этотъ методъ, сводится къ доказательствамъ той тѣсной связи *сосуществованія*, при которой одни факты становятся точными показателями другихъ, или находятся въ отношеніи количественной *эквиваленціи*. Такимъ образомъ, *психологическій* фактъ долженъ быть разсматриваемъ какъ „двусторонній", т. е. психическій и физическій въ одно и то же время;—не въ смыслѣ тожества обоихъ фактовъ, а въ смыслѣ *соединенія* этихъ разнородныхъ явленій въ одномъ фактѣ сосуществованія. Идея, разсматриваемая отрѣшенно отъ своего физіологическаго сопровожденія, можетъ вмѣстѣ съ другою идеею оказаться, для нашего внутренняго наблюденія, въ составѣ третьей. Такъ идея *золота* и идея *горы* находятся въ составѣ идеи *золотой горы*. Это—внутреннія связи цѣльнаго психологическаго факта,—идеи *золотой горы*; т е. субъективныя связи трехъ психическихъ фактовъ,—субъективная или внутренняя зависимость сложной идеи *золотой горы* отъ простыхъ идей *золота* и *горы*. Но цѣльный психологическій фактъ идеи *золотой горы* за-

Digitized by Google

ключаетъ въ себѣ еще физіологическія сопровожденія этой идеи, въ которыхъ могутъ оказаться, съ нѣкоторымъ преобразованіемъ, простѣйшія физіологическія явленія, сопровождающія идею *золота* и идею *горы*. Это были бы внѣшнія связи того же психологическаго факта, — связи физическихъ сопровожденій идеи *золотой горы*.—Мы свободно двигаемся въ той и другой сторонѣ цѣльнаго факта психологіи, изучая его то съ субъективной, то съ объективной точки зрѣнія; но связь его обѣихъ сторонъ не имѣетъ для насъ другого выраженія, кромѣ *сопутствія* и *эквиваленціи*.

Отношеніе *количественнаго* соотвѣтствія или *эквиваленціи* психическихъ и физическихъ явленій Бэнъ доказываетъ многочисленными фактами субъективной психологіи и физіологіи. Замѣчательный примѣръ такого соотвѣтствія представляетъ совпаденіе по отношенію ко времени. «Мы имѣемъ,—говоритъ Бэнъ,—съ одной стороны физіологическую очевидность, что нервная сила занимаетъ своимъ проявленіемъ нѣкоторое время, а, съ другой стороны, очевидность психическую, что эквивалентное время бываетъ занято ощущеніемъ, мыслью и хотѣньемъ». Такимъ образомъ въ области ощущеній мы встрѣчаемъ эквиваленты физическихъ стимуловъ или раздраженій. «Есть, — говоритъ Бэнъ, — нѣкоторый чувственный (sensational) *эквивалентъ* тепла, пищи, упражненія мускуловъ, звука, свѣта; есть опредѣленная перемѣна чувства, однообразное возрастаніе удовольствія и страданія, соотвѣтствующее возвышенію температуры на 10, на 20 или на 30 градусовъ. Точно также, соотвѣтственно каждой группѣ обстоятельствъ, есть чувственный эквивалентъ алкоголя, запаховъ, музыки, спектакля». Разница между острыми, и массивными или широкими ощущеніями и волненіями имѣетъ свои соотвѣтствія въ острыхъ и массивныхъ раздраженіяхъ, периферическихъ и эксцентральныхъ.

Бэнъ не останавливается на эквиваленціи психическихъ и физическихъ фактовъ, но распространяетъ ее на самые законы психическихъ явленій, съ точки зрѣнія субъективнаго анализа: законъ относительности, законы ассоціаціи, законъ самосохраненія и т. д. Эти законы духа, устанавливаемые субъективною психологіею, имѣютъ свои физическіе эквиваленты въ физіологическихъ фактахъ и ихъ порядкахъ.

Digitized by Google

Если фактъ психологическій не есть только психическій, но психическій и физіологическій вмѣстѣ, то, очевидно, что психологія, разрабатываемая во всей полнотѣ, не можетъ ограничиваться однимъ субъективнымъ анализомъ психическихъ фактовъ; или, что психологія, оставаясь наукою о духѣ, должна изучать его не только, какъ онъ есть самъ въ себѣ, для нашего непосредственнаго наблюденія надъ нимъ, но и въ связи съ его физіологическими сопровожденіями, или съ функціями органовъ тѣла, особенно нервной системы и мозга.

Связь духа съ тѣломъ не ограничивается связью психическихъ фактовъ съ функціями органовъ тѣла, а простирается на самые органы тѣла, т. е. ихъ анатомическое строеніе. Это—неизбѣжное послѣдствіе отношенія функцій органовъ къ самымъ органамъ. Если функціи органовъ находятся въ зависимости отъ ихъ анатомическаго строенія и расположенія; если онѣ могутъ быть разсматриваемы какъ молекулярныя измѣненія вещества послѣднихъ, и слѣдовательно находятся съ ними въ полной корреляціи, какъ проявленія нѣкоторыхъ потенцій свойственныхъ веществу органовъ животнаго тѣла: то очевидно, что психическіе факты, имѣющіе свои эквиваленты въ физіологическихъ фактахъ, должны, вслѣдствіе этого, по тѣсной связи послѣднихъ съ фактами анатоміи, имѣть нѣкоторые эквиваленты анатомическіе. Доказательства количественнаго соотвѣтствія фактовъ психическихъ фактамъ анатоміи безчисленны; и вниманіе Бэна обращено столько же на эквиваленціи анатомическія, такъ и физіологическія. Первое великое соотвѣтствіе этого рода, на которомъ останавливается Бэнъ, есть «съ одной стороны, разнообразіе и многочисленность нашихъ психическихъ актовъ, а съ другой, многочисленность нервныхъ элементовъ», т. е. нервныхъ волоконъ и клѣтокъ, — насчитываемыхъ милліонами въ человѣческомъ тѣлѣ. «Какъ ни велико число и разнообразіе нашихъ духовныхъ состояній, говоритъ Бэнъ, но наша нервная система, при своемъ громадномъ объемѣ и своей сложности, повидимому, отнюдь не уступаетъ имъ въ этомъ отношеніи». Обширныя статистическія сравненія привели къ заключенію, что большое умственное превосходство сопровождается болѣе чѣмъ обыкновеннымъ объемомъ и вѣсомъ мозга. Въ органахъ болѣе умственныхъ внѣшнихъ чувствъ, — зрѣнія, слуха и

Digitized by Google

осязанія, — «нервныя волокна имѣютъ свои охраняющія и изолирующія оболочки, соотвѣтственно ясности и раздѣльности отдѣльныхъ частей впечатлѣнія; между тѣмъ какъ въ органѣ обонянія, нервы составляютъ сплетеніе не покрытыхъ оболочками волоконъ,—что соотвѣтствуетъ слiянію обонятельнаго впечатлѣнія въ одно цѣлое, безъ раздѣленія частей». Темный пигментъ глаза, видимый сквозь зрачекъ, какъ темнокоричневая тѣнь, есть существенная принадлежность хорошаго зрѣнія. Албиносы и животныя бѣлаго цвѣта уступаютъ въ зрѣніи и обоянiи темноцвѣтнымъ. Послѣдній примѣръ даетъ поводъ къ замѣчанію Бэна, проливающему свѣтъ на всю важность изученія психическихъ и анатомическихъ эквиваленцій. Припомнимъ, изъ сказаннаго раньше, что психическія явленія представляютъ сложности, образованныя изъ нѣкоторыхъ простыхъ элементовъ, каковы, въ концѣ, наши внѣшнія ощущенія. Поэтому, опредѣленіе характера ощущеній, путемъ анатомическихъ эквиваленцій, въ отдѣльномъ лицѣ, можетъ сообщить данныя для опредѣленія характера того же лица въ его высшихъ психическихъ актахъ, въ явленіяхъ его ума, волненій, воли, потому что свойства элементарныхъ состояній могутъ отражаться на состоянiяхъ сложныхъ. «Ничтожная разница въ пигментѣ органа какого нибудь чувства, — говоритъ Бэнъ, — сопровождающаяся большею впечатлительностью этого чувства, можетъ опредѣлить предпочтенія животнаго, вкусы и родъ дѣятельности,—другими словами, всю его судьбу. Въ человѣкѣ, обстоятельство тонкой впечатлительности одного или двухъ главныхъ чувствъ можетъ заправлять всѣмъ его характеромъ умственнымъ и нравственнымъ».—Между всѣми вопросами касательно связи психическихъ и анатомическихъ фактовъ, величайшимъ остается вопросъ, поднятый френологами, — Галлемъ и его послѣдователями,—относительно *локализаціи* психическихъ способностей въ отдѣльныхъ частяхъ нервной системы и ея главнаго органа, головного мозга. Труды френологовъ оказались несостоятельными передъ истинами субъективнаго анализа и повѣркою на опытѣ принятыхъ ими теорій; но самый вопросъ относительно локализаціи психическихъ способностей, т. е. объ ихъ анатомическихъ эквивалентахъ, очевидно, остается открытымъ, и имѣетъ въ свою защиту много извѣстныхъ фактовъ. Таковъ, напр., фактъ

Digitized by Google

сосуществованія способности зрительныхъ идей съ оптическими центрами. Труды Грасьёле, Брока, Томмази, Фрича, Ферье и другихъ, даютъ много основаній думать, что тѣ или другіе анатомическіе эквиваленты психическихъ способностей будутъ со временемъ найдены,—и могутъ, косвенно, пролить нѣкоторый свѣтъ на исторію ихъ образованія.

Изъ этого видно, что полная разработка науки о духѣ не можетъ состояться безъ помощи не только физіологіи, но и анатоміи. — Оканчивая наши замѣчанія относительно изученія психическихъ фактовъ въ ихъ связи съ фактами тѣлеснаго существованія, не забудемъ, что собственнымъ методомъ этого изученія остается одинъ и тотъ же,—методъ сопутствующихъ измѣненій. Физіологія и анатомія здороваго тѣла указываютъ собственно одинъ классъ такихъ измѣненій, наблюдаемыхъ въ здоровомъ животномъ. Между тѣмъ, есть другой классъ измѣненій, составляющій предметъ параллельныхъ изученій,—патологіи, патологической анатоміи, психіатріи, ученія о сомнамбулизмѣ и нѣкоторыхъ другихъ доктринъ, относительно болѣзненныхъ измѣненій строенія и функцій организма. Такія измѣненія должны имѣть свои психическіе эквиваленты въ разстройствахъ чувствъ, ума, воли и личности человѣка, — разстройствахъ, сближаемыхъ нѣкоторыми писателями съ явленіями *сна*, или съ предметомъ гипнологіи. Болѣзненныя физическія сопровожденія разстроенныхъ психическихъ явленій, равно какъ и тѣ глубокія уклоненія отъ нормы бодрственной жизни человѣка, какія мы находимъ въ сновидѣніяхъ, представляютъ, въ одно и то же время, и средства для повѣрки заключеній физіологіи и анатоміи здороваго тѣла, и цѣлое поле новыхъ фактовъ, способныхъ освѣтить мельчайшія подробности психическихъ и физическихъ эквиваленцій.

Выше было замѣчено, что изученіе органическихъ сопровожденій психическихъ фактовъ можетъ пролить свой свѣтъ на генезисъ психическихъ способностей. Не слѣдуетъ преувеличивать этого ожиданія. Субъективный анализъ психическихъ способностей, подкрѣпленный данными физіологіи и анатоміи, можетъ вести къ рѣшенію вопроса только о развитіи современнаго человѣка, современной личности, не проливая никакого свѣта на развитіе личности въ исторіи человѣка. Субъективный анализъ,

Digitized by Google

какъ произведеніе внутренняго наблюденія, слагающагося первоначально изъ личныхъ опытовъ изслѣдователя, остается всегда обработкою данныхъ индивидуальнаго психическаго развитія, ограниченнаго ничтожнымъ періодомъ времени, въ исторіи человѣчества и человѣческаго общества. При этомъ такой анализъ, хотя бы его результаты выражались въ общихъ терминахъ, будетъ всегда собственно психологіею *человѣка*, и долженъ искать поддержки также въ данныхъ физіологіи человѣка и анатоміи человѣческаго тѣла, ограниченныхъ современностью изслѣдователей. Такимъ образомъ, пока мы будемъ изслѣдовать факты своего личнаго психическаго существованія и останавливаться на психическихъ способностяхъ, свойственныхъ образованному человѣку нашего времени, и притомъ въ средѣ такъ-называемыхъ цивилизованныхъ народовъ, мы будемъ далеки отъ рѣшенія вопроса о томъ: насколько психическія способности, наблюдаемыя при этихъ условіяхъ, принадлежали человѣку раньше? Есть ли въ этомъ отношеніи разница между человѣкомъ цивилизованнымъ и дикимъ?

Отвѣтъ на это можетъ дать только исторія человѣка, разрабатываемая нынѣ подъ именемъ исторіи его культуры или цивилизаціи. Труды Лёббока, Тэйлора могутъ служить образцомъ работъ этого рода. Изученіе культуры дикихъ или первобытныхъ народовъ, сравнительно съ народами культурными, привело ко многимъ открытіямъ, имѣющимъ величайшую важность для рѣшенія основныхъ психологическихъ вопросовъ, — а именно, о системѣ психическихъ способностей человѣка,—его ума, чувствъ, воли, личности, — могли образоваться только съ успѣхами культуры человѣческихъ обществъ; — что общественность и ея прогрессъ обусловливали собою то высокое развитіе личности, какое мы находимъ въ современномъ образованномъ человѣкѣ.

Доказательства *историческаго* развитія высшихъ способностей человѣка опираются на результаты сравнительнаго изученія первобытной и исторической культуры, и разницъ послѣдней у древнихъ и новыхъ народовъ. По опредѣленію Тэйлора, „культура или цивилизація, взятая въ своемъ широкомъ этнографическомъ смыслѣ, есть то сложное цѣлое, что обнимаетъ знаніе, вѣрованіе, искусство, нравственность, право, обычай и всѣ другія способ-

Digitized by Google

ности и навыки, пріобрѣтаемые человѣкомъ, какъ членомъ общества". Сравнивая явленія культуры у народовъ дикихъ и высокоцивилизованныхъ, мы открываемъ факты, позволяющіе судить о разницѣ психическихъ силъ на различныхъ ступеняхъ культуры. Летурно, въ своемъ опытѣ соціологіи, такъ характеризуетъ психическую развитость людей на крайнихъ ступеняхъ культуры: „Въ духовной жизни низшаго человѣка господствуютъ аппетиты пищи, заглушая своимъ ревомъ всѣ другіе". Чувства людей къ женѣ и дѣтямъ не развиты. Первобытный человѣкъ живетъ только настоящимъ: такъ слабы его память, его воображеніе, его способность сочетанія идей. Непостоянство, непредусмотрительность, недостатокъ вниманія, — таковы психическія черты всѣхъ низшихъ человѣческихъ племенъ. Какой контрастъ этого человѣка съ человѣкомъ культурнымъ, съ его властью надъ своими аппетитами, съ его развитыми чувствами живописца, скульптора, музыканта; съ чувствами любви простирающейся не только на жену и дѣтей, но и на родныхъ, друзей, согражданъ, иногда на все человѣчество; съ понятіями долга и права; съ научною наблюдательностью и способностью научныхъ наведеній и дедукцій!—Описанныя крайности психической развитости указываютъ на промежуточныя ступени. Между самою низшею ступенью развитія, какова у Тасманійца, и высочайшею, какъ у Шекспира, существуютъ, по замѣчанію Д. Г. Льюиса, „безконечныя градаціи".—Говоря о развитіи высшихъ психическихъ силъ человѣка съ успѣхами его культуры, хотятъ сказать, что самый дикій человѣкъ надѣленъ способностями ума, чувствъ и воли; но эти способности далеко не такъ возвышаются надъ соотвѣтственными свойствами животныхъ, какъ онѣ возвышены у людей цивилизованныхъ. Послѣдній изъ названныхъ нами писателей настаиваетъ даже на томъ, что умственныя способности древнихъ цивилизованныхъ людей далеко уступали такимъ же способностямъ новыхъ. „Трактатъ объ алгебрѣ,—говоритъ Льюисъ, — который теперь одолѣетъ каждый школьникъ, показался бы Пифагору и Гиппарху свиткомъ чародѣя. Аристотель, при всемъ своемъ знаніи и геніальности, оказался бы ребенкомъ въ лабораторіи Либиха". „Въ поэзіи Гёте и Вордсворта есть гармоніи, какъ ритмическія такъ и нравственныя, которыя показались бы Софоклу

Digitized by Google

или Данте диссонансомъ или темными загадками. Фуга Баха или симфонія Бетговена произвела бы на Перикла впечатлѣніе безумнаго хаоса. Въ развитіи промышленности и механическихъ искусствъ, духъ не только пріобрѣлъ новыя силы, но и способности равняющіяся новымъ чувствамъ", сравнительно съ духомъ древнихъ грековъ.—Общій выводъ изъ этихъ фактовъ культуры человѣка,—исторической, первобытной — у дикихъ народовъ,—и доисторической, открываемой доисторическою археологіею,—тотъ, что высшія явленія психическаго порядка и высшія психическія способности, суть медленное произведеніе общественной культуры человѣка. Льюисъ направляетъ этотъ выводъ противъ тѣхъ физіологовъ, которые хотѣли бы ограничить разработку психологіи одними рессурсами физіологіи и анатоміи, съ прибавкою, въ той или другой мѣрѣ, субъективнаго анализа. Не принимая въ разсчетъ соціальнаго фактора психическихъ явленій, мы никогда, по его мнѣнію, не проникнемъ „въ самое существо духа". Только исторія культуры „показываетъ намъ, какимъ образомъ человѣческій духъ, изъ трехструнной лиры, съ которой можно сравнить его на зарѣ цивилизаціи, съ успѣхами образованія превратился въ семиструнную". „Разумъ (intellect) и совѣсть суть функціи соціальныя; и ихъ спеціальныя обнаруженія строго опредѣляются соціальною статикою, т. е. состояніемъ общественнаго организма въ данное время, — которое въ свою очередь опредѣляется ими. Языкъ, на которомъ мы думаемъ, и понятія, которыми мы пользуемся, складъ нашего духа и средства изслѣдованія, — все это общественные продукты, опредѣленные вліяніями коллективной мысли... Мы дышемъ соціальнымъ воздухомъ; такъ какъ то, что мы думаемъ, въ значительной степени зависитъ отъ того, что думали другіе".

Не останавливаясь на общемъ выводѣ относительно значенія культуры для развитія человѣческаго духа, многіе изслѣдователи предлагаютъ вопросъ о томъ, что составляло первое условіе всего прогресса человѣка. Большинство изъ нихъ склоняется къ тому мнѣнію, что этимъ conditio sine qua non человѣческаго прогресса, этимъ главнымъ средствомъ успѣховъ общественности, былъ языкъ, взятый въ самомъ широкомъ смыслѣ орудія сообщенія одного человѣка съ другимъ, и особенно членораздѣль-

Digitized by Google

ная рѣчь человѣка. Почти всѣ изслѣдователи приходятъ къ тому выводу, что безъ помощи языка не возможны высшія умственныя операціи, и многіе, съ большою тонкостью, доказывали, что всѣ другіе успѣхи развитія общественности и человѣческаго духа, находятся въ зависимости отъ умственной развитости человѣка. Съ этой точки зрѣнія, языкъ является своего рода ключемъ къ разгадкѣ всей исторіи культуры человѣка, и слѣдовательно, косвенно, исторіи развитія его психическихъ способностей. Взглядъ этотъ весьма энергично выраженъ авторомъ «Физіологіи мысли»,— изслѣдованія, помѣщеннаго въ Fortnightly Review за 1869 г. «Человѣкъ, — говоритъ онъ, — какъ существо одаренное разумомъ, находится въ такой зависимости отъ употребляемаго имъ языка, которая не поддается достаточной оцѣнкѣ. Въ силу именно языка, онъ приходитъ къ такому искусному и совершенному исполненію большей части сложныхъ духовныхъ процессовъ, и если, пытаясь набросить мостъ надъ широкою пропастью, умственною и нравственною, отдѣляющею человѣка отъ низшихъ животныхъ наиболѣе совершеннаго порядка, мы указываемъ на то, что онъ обладаетъ способностью говорить и пользоваться членораздѣльнымъ языкомъ, то, вѣроятно, мы касаемся при этомъ той способности, которая, безконечно болѣе, чѣмъ всѣ другія, имѣла дѣло съ постепеннымъ прогрессомъ, повидимому осуществившемся въ отдаленныхъ вѣкахъ, — прогрессомъ, который позволилъ нѣкоторымъ человѣческимъ расамъ пройти многія ступени цивилизаціи, отдѣляющія людей, жившихъ въ состояніи дикости, отъ тѣхъ, которые нынѣ составляютъ цвѣтъ европейской цивилизаціи».

Такимъ образомъ, наука о духѣ связывается съ исторіею культуры, и еще тѣснѣе съ лингвистикою. Очевидно, что субъективный анализъ, во всей *спеціальной* психологіи человѣка, можетъ давать только одну программу психологическихъ работъ, которая должна быть, и можетъ быть исполнена только съ помощью исторіи человѣка. Историки, ожидающіе отъ психологіи данныхъ для разъясненія своего предмета, очень часто забываютъ, что психологія еще раньше нуждается въ услугахъ исторіи, для разработки своего собственнаго предмета; что, такимъ образомъ, обѣ науки находятся въ отношеніи взаимной зависимости, по способамъ ихъ обработки. Объемъ способностей цивилизованнаго человѣка опре-

Digitized by Google

дѣляется простымъ субъективнымъ анализомъ; но тотъ minimum ихъ, которымъ владѣетъ человѣкъ на ступени первобытной, и владѣлъ на ступени доисторической, не подлежитъ опредѣленію субъективнаго анализа. Образованіе духа, возрастаніе его способностей вполнѣ доступно субъективному анализу только въ самомъ общемъ очеркѣ, не отдѣляющемъ человѣка отъ животнаго; въ остальномъ онъ даетъ построенія, которыя могутъ получить значеніе научныхъ истинъ, только послѣ оправданія ихъ при помощи данныхъ исторіи. Тоже самое прилагается и къ тѣмъ спеціальнымъ законамъ, которые управляютъ историческимъ генезисомъ духа, открывающимся въ прогрессѣ его идей, вѣрованій, чувствъ, нравовъ, права, науки. «Законы умственнаго прогресса, говоритъ Льюисъ, читаются въ исторіи, а не въ опытѣ индивидуальномъ", составляющемъ фундаментъ субъективной психологіи. Тоже прилагается къ законамъ прогресса и другихъ психическихъ силъ. И если относительно первоначальнаго образованія психическихъ способностей, такъ мало можетъ говорить субъективная психологія человѣка: то еще менѣе можетъ сказать объ этомъ физіологія человѣка и анатомія человѣческаго тѣла. Всѣ показанія ихъ, какъ и показанія субъективнаго анализа, могутъ относиться только къ воспроизведенію психическихъ способностей въ современномъ человѣкѣ; но и эти показанія, ни въ какомъ отношеніи, не могутъ быть особенно важны. Физіологическій анализъ органическихъ сопровожденій психическихъ фактовъ не простирается далеко даже въ предѣлахъ общей психологіи человѣка. Тѣмъ менѣе можно разсчитывать на него въ области спеціальной психологіи, — въ изученіи развитія культурнаго духа. «Физіологія, говоритъ Льюисъ, вполнѣ безсильна опредѣлить различіе въ строеніи и отправленіяхъ дикаго и цивилизованнаго человѣка той же расы», между тѣмъ какъ психологія, опирающаяся на данныя исторіи, «нисколько не затрудняется въ опредѣленіи замѣтной разницы въ духовной организаціи обоихъ». Не то это значитъ, чтобы не было соотвѣтственныхъ органическихъ измѣненій въ обоихъ случаяхъ; но «въ чемъ они состоятъ, этого мы не можемъ усмотрѣть». Ни одинъ анатомъ не можетъ надѣяться уловить различіе между рукой, совершающей самыя утонченныя и разнообразныя манипуляціи; и другой, не пріобрѣтшей ни одной изъ

Digitized by Google

этихъ способностей.—Историческій анализъ психическихъ фактовъ даетъ, такимъ образомъ, психологіи то, чего она не можетъ получить ни отъ субъективнаго анализа ихъ, ни отъ физіологическаго и анатомическаго изученія ихъ органическихъ сопровожденій.

Изученіе человѣческаго духа изъ исторіи его культуры тѣсно сливается съ тѣмъ, что называютъ *сравнительною* психологіею человѣка. Важнѣйшимъ основаніемъ того и другой служитъ одна и таже наука, этнологія или этнографія. Въ спеціальныхъ пріемахъ изслѣдованія и во взаимномъ обмѣнѣ услугъ оба изученія постоянно соприкасаются другъ съ другомъ; но это не мѣшаетъ видѣть ихъ разницы. Предметъ, съ которымъ имѣетъ дѣло историко-культурное изученіе духа, — именно образованіе высшихъ психическихъ способностей человѣка, — есть спеціальный предметъ субъективнаго анализа, и вмѣстѣ съ послѣднимъ, не выходитъ изъ предѣловъ изслѣдованія *психическаго типа* человѣка *вообще*, отличнаго отъ всѣхъ другихъ типовъ животнаго царства. Такой общій психическій типъ человѣка, составляющій, повторяемъ, собственный предметъ историко-культурнаго изученія духа, для сравнительной психологіи человѣка, есть чистая абстракція. Психическая дѣйствительность сравнительной психологіи—не какой нибудь единый психическій типъ человѣка, а *множество* такихъ типовъ, наблюдаемыхъ во множествѣ расъ, народовъ, обществъ.

Сравнительная психологія человѣка, переводящая насъ въ міръ конкретной психической дѣйствительности, можетъ быть разбита на три главные отдѣла:

1. То что Д. С. Милль назвалъ *политическою этнологіею*, и что нѣмецкіе писатели называютъ *народною психологіею*, или *психологіею народовъ* (Völkerpsychologie). Это прежде всего, психологія человѣческихъ *расъ*, которыя нельзя отожествлять съ народами,— такъ какъ народы суть произведенія политической исторіи и могутъ быть составлены или слиты изъ нѣсколькихъ расъ. Но, затѣмъ, это, конечно, и психологія народовъ. Соотвѣтственно широкому употребленію греческаго термина ἔθνος, въ словѣ этнографія, мы можемъ это изученіе назвать этнопсихологіею. Названіе Д. С. Милля, усвоенное и Бэномъ, характеризуетъ значеніе этой психологической науки для цѣлей наукъ политическихъ, или соціологіи.

Digitized by Google

2. Психологію *половъ* и *возрастовъ*. Изученіе психическаго типа женщины, въ отличіи отъ мужчины, и типа дитяти, въ отличіи отъ взрослаго человѣка, едва ли можетъ быть сведено съ широкаго поля сравнительной психологіи расъ и народовъ,— если мы хотимъ достигнуть основательнаго знанія этихъ типовъ. Гербертъ Спенсеръ считаетъ психологію половъ прямою главою сравнительнаго изученія психическихъ типовъ племенъ и народовъ.

3. Психологію *общественныхъ* типовъ, которые до сихъ поръ составляютъ собственно предметъ не науки, а искусства,—изящной литературы и художественной критики. Такая психологія имѣетъ дѣло съ многочисленными разновидностями культурнаго типа человѣка, измѣняющимися съ движеніемъ исторіи цивилизаціи каждаго народа. Изящная литература древнихъ грековъ и римлянъ, равно какъ и богатая литература новыхъ народовъ, вмѣстѣ съ произведеніями другихъ изящныхъ искусствъ, даютъ для изученій этого рода неисчерпаемый матеріалъ.

Предметъ всѣхъ отдѣловъ сравнительной психологіи человѣка составляютъ различные психическіе типы его. Въ чемъ состоятъ эти разницы типовъ? — Типическія разницы психическихъ фактовъ существованія расъ, народовъ, половъ, возрастовъ и проч., суть тоже самое, что характеристическія черты этихъ фактовъ, или короче, характеры расъ, половъ и т. д. Подъ характеромъ весьма часто разумѣютъ только нравственный характеръ; но это не есть научное употребленіе термина. По опредѣленію Бэна, характеръ означаетъ *мѣру* или *пропорцію* развитія психическихъ способностей человѣка. «Люди, говоритъ онъ, вообще обладаютъ извѣстными впечатлительностями или способностями чувства, силами воли, и дарованіями мысли; но все это имѣетъ мѣру, и можетъ быть представлено неодинаково въ различныхъ лицахъ. Поэтому, нельзя описать удовлетворительно индивидуальный духъ, указавши только на то, что онъ причастенъ нашей общей духовной природѣ; надобно, кромѣ того, изобразить его съ точки зрѣнія пропорціи раскрытія главныхъ чувствъ, и т. д., общихъ человѣчеству. Всѣ мы подвержены страху; всѣ обладаемъ нѣжными чувствами; но одни въ большей, другіе въ меньшей степени». Эти разницы отдѣльныхъ людей составляютъ ихъ индивидуальный характеръ. Но индивидуальные характеры допус-

Digitized by Google

кают обобщенія, съ точки зрѣнія расы, народа, пола, и т. д. Эти обобщенія, представляющіе характеры расъ, народовъ, половъ, и т. д., и даютъ тѣ общности, которыя составляютъ предметъ сравнительной психологіи человѣка, т. е. различные типы людей, составляющіе разновидности общаго типа человѣка, съ психической точки зрѣнія.

Изученіе того или другого, частнаго психическаго типа слагается изъ тѣхъ же главныхъ частей, какъ и изученіе общаго типа человѣка. Оно обнимаетъ, во-первыхъ, сумму особенностей составляющихъ изучаемый характеръ расы, народа, и т. д.; во-вторыхъ, ихъ генезисъ или образованіе, съ точки зрѣнія субъективнаго анализа, и исторіи; и въ-третьихъ, законы ихъ образованія и обнаруженій. Особенности, сочетаніе которыхъ составляетъ частный психическій типъ, подводятся Бэномъ подъ три отдѣла: дѣятельности, чувства и ума. „Въ отдѣлѣ *дѣйствія*, говоритъ Бэнъ, мы имѣемъ такія важныя разницы, какъ лѣность,— общая или частная, — колебаніе энергіи, или постоянная твердость. Характеристическія черты *чувствительности* еще разнообразнѣе: здѣсь мы находимъ разницы въ раздражительности внѣшнихъ чувствъ, въ общительности, въ чувствахъ почтительности, гнѣва, эгоизма, и т. д. Особенности *ума* еще многочисленнѣе: общая даровитость, общая умственная слабость, способность къ языкамъ, къ наукѣ, къ искусству, къ практикѣ, и многія другія свойства, еще болѣе спеціальныя.“—Гербертъ Спенсеръ, отмѣчая подобнымъ же образомъ частныя стороны изученія психическаго характера или типа, какъ предметъ сравнительной психологіи, останавливаетъ еще вниманіе на самой комбинаціи ихъ, т. е. суммѣ психическихъ способностей въ составѣ извѣстнаго типа, называемой имъ „психическою массою“ или „объемомъ“ психическихъ силъ..

Что касается исторіи образованія частныхъ психическихъ типовъ, то здѣсь важны слѣдующіе замѣчанія. Исторія общественныхъ типовъ тѣсно связана съ исторіею цивилизаціи; исторія типа женщины и типа дитяти—съ исторіею психическихъ типовъ народовъ и расъ. Послѣдняя должна дать лѣстницу типовъ, представляющую послѣдовательныя ступени высшаго психическаго развитія человѣка.

Digitized by Google

Что касается законовъ образованій частныхъ психическихъ типовъ, то они раздѣляются Бэномъ на первичные и вторичные. Къ первичнымъ относятся нѣкоторые общіе законы: субъективнаго анализа,—какъ законъ ассоціаціи; біологіи,—какъ законъ наслѣдственности, и физики,—какъ законъ сохраненія силы. Ко вторичнымъ — законы вліянія, на образованіе характера или типа, частныхъ обстоятельствъ, къ которымъ Бэнъ относитъ слѣдующія: *физическія* качества людей,—сравнительную силу или слабость различныхъ физическихъ органовъ; физическій *образъ жизни*, во всемъ что относится къ пищѣ и заботамъ о здоровьи; физическую *среду*, въ которой помѣщенъ человѣкъ; различныя *профессіи*, или привычныя занятія; *общественную* среду; *воспитаніе*; степень индивидуальной свободы; наконецъ, общественныя учрежденія, законы, обычаи.

До сихъ поръ мы занимались исключительно психологіею человѣка; а теперь должны замѣтить, что ею далеко не исчерпывается вся область изученія психическихъ фактовъ. Въ полномъ изслѣдованіи послѣднихъ, психологія человѣка должна быть разрабатываема въ связи съ *психологіею животныхъ*.

Выше было замѣчено, что психическій типъ человѣка, для сравнительной психологіи послѣдняго, есть абстракція, и останется такою до тѣхъ поръ, пока мы будемъ изучать его отдѣльно отъ другихъ животныхъ. Необходимость изученія психологіи животныхъ, въ цѣляхъ разработки психологіи человѣка, признавалъ еще Аристотель: „въ настоящее время, — говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ своего трактата о душѣ, — тѣ которые пытаются глубже поставить вопросы этого рода, дѣлаютъ ошибку, останавливаясь на душѣ одного человѣка: они слишкомъ съуживаютъ область изслѣдованія; необходимо придать ему болѣе широты“. Въ новое время, философія Декарта, не признавшая души въ животныхъ, не благопріятствовала разработкѣ зоопсихологіи; не смотря на то, вслѣдствіе многихъ другихъ, болѣе счастливыхъ условій, въ прошломъ и текущемъ столѣтіяхъ изученіе души животныхъ сдѣлало замѣчательные успѣхи, особенно со временъ великой революціи въ естественныхъ наукахъ, произведенной Дарвиномъ.

Digitized by Google

Важнѣйшій вопросъ касательно разработки психологіи животныхъ, связанъ съ вопросомъ объ исходномъ пунктѣ всѣхъ психологическихъ работъ. Такимъ пунктомъ мы признаемъ субъективный анализъ духа; слѣдовательно, по самой природѣ послѣдняго анализа, психологію человѣка мы дѣлаемъ естественнымъ введеніемъ въ психологію животныхъ. Между тѣмъ нѣкоторые писатели высказывали противоположный взглядъ, и повидимому опирались при этомъ на твердыя основанія. Психологія животныхъ, съ извѣстной точки зрѣнія, обнимаетъ и психологію человѣка, и можетъ быть, вмѣстѣ съ послѣднею, разсматриваема какъ одна и таже наука, — сравнительная психологія въ широкомъ смыслѣ этого слова. При этомъ кажется естественнымъ, чтобы эта наука начинала свои изученія не съ человѣка, а съ простѣйшихъ животныхъ, которыя могутъ имѣть простѣйшія формы психическаго существованія. Итти „отъ болѣе простого къ болѣе сложному“: это—одно изъ главныхъ правилъ логики; и не удивительно, что многіе настаиваютъ на немъ, въ приложеніи къ разработкѣ психологіи. Но,—какъ основательно замѣтилъ Д. Г. Льюисъ,—самъ, по его признанію, первоначально увлекавшійся этимъ методомъ,—попытки работы въ этомъ направленіи скоро убѣждаютъ въ ихъ несостоятельности, и въ необходимости слѣдовать, въ психологіи, другому правилу логики, предписывающему итти „отъ болѣе извѣстнаго къ менѣе извѣстному““; — слѣдовательно, отъ психологіи человѣка — къ психологіи животныхъ. Мы никогда не поймемъ вѣрно психическихъ явленій, если изученіе ихъ начнемъ съ наблюденій надъ простѣйшими явленіями изъ жизни животныхъ. „Я нашелъ“, говоритъ Льюисъ, „что (поступая такимъ образомъ) я постоянно впадалъ въ ошибки антропоморфическихъ объясненій. Оказалось невозможнымъ дать и приблизительныя истолкованія, прежде чѣмъ не будутъ установлены главныя черты человѣческихъ особенностей. Напр., наблюдая пчелъ за работой, мы видимъ, что онѣ не трогаютъ пчеловода, но жалятъ посторонняго, который мѣшаетъ имъ. Толкованіе наше таково, что онѣ *знаютъ* своего хозяина, и *сердятся*, когда имъ мѣшаютъ. Видя, что онѣ поступаютъ, какъ поступаемъ и мы при сходныхъ обстоятельствахъ, мы толкуемъ ихъ дѣйствія какъ свои собственныя; однако это очевидная ошибка.

Digitized by Google

„Приписывать пчеламъ наше знаніе и наши душевныя волненія, значитъ говорить метафорами. Пчелы безъ сомнѣнія обладаютъ чувствительностью, но не такою какъ мы. „И если мы станемъ говорить о психическомъ волненіи пчелы, и будемъ называть его гнѣвомъ, это ничто иное какъ антропоморфизмъ. Разрѣжьте пчелу на-двое, ея задняя часть будетъ наносить такіе же сильные уколы какъ и прежде: значитъ ли это, говоритъ Льюисъ, что эта часть будетъ испытывать гнѣвъ?"

Спрашивается теперь: что же нужно для того, чтобы психологія животныхъ могла быть освобождена отъ недостатковъ антропоморфизма?—Въ условія этого Льюисъ ставитъ исполненіе слѣдующихъ трехъ правилъ:

Первое: надобно исключить изъ круга нашихъ изслѣдованій всѣ спеціальныя свойства человѣка, всѣ его высшія способности, и остановиться только на свойствахъ общихъ человѣку и животнымъ.—Но какъ достигнуть этого?—Средствомъ для такого исключенія должны служить результаты историко-культурнаго изученія человѣческаго духа. «Животное, говоритъ Льюисъ, не обладая рѣчью, не способно къ отвлеченному мышленію, и не можетъ обладать тѣмъ что̀ называютъ разумомъ, точно такъ какъ безъ крыльевъ оно не можетъ летать».

Второе: способности общія человѣку и животнымъ слѣдуетъ всегда разсматривать не какъ *тожественныя*, а только какъ *сходныя* или *похожія*. Приводя слѣдующія слова Дарвина: «всѣ животныя испытываютъ *удивленіе*, и многія изъ нихъ выказываютъ *любопытство*», Льюисъ замѣчаетъ: «для насъ не ясно, насколько названныя чувства похожи на наши». «Что животныя разсуждаютъ, т. е. группируютъ опыты, составляютъ мнѣнія, выводы, — рѣдко оспаривается компетентными наблюдателями». Тѣмъ не менѣе, логическіе процессы ихъ мы должны признать «логикой чувства, а не логикой знаковъ».

Третье: мы должны допустить различные психическіе типы животныхъ. Требованіе это всего легче объяснить указаніемъ на предметъ сравнительной психологіи человѣка. Различные психическіе типы человѣка суть разновидности одного и того-же типа. Относительно животныхъ, психическій типъ человѣка, не смотря на всѣ разницы, есть одинъ и тотъ-же типъ. Между тѣмъ, отно-

Digitized by Google

сительно человѣка, нѣтъ единаго реальнаго психическаго типа животныхъ, а есть только множество различныхъ животныхъ типовъ. Типъ человѣка есть послѣднее звѣно въ длинной цѣпи животныхъ типовъ, изъ которыхъ каждый можетъ имѣть свои разновидности. Не отрицая у животныхъ основныхъ формъ чувствительности, психологъ, по ученію Льюиса, въ правѣ сомнѣваться, что бы эти формы были у нихъ однѣ и тѣже. Зрѣніе моллюска не похоже на зрѣніе птицы. Тоже слѣдуетъ сказать и относительно умственныхъ способностей. «Рыба чувствуетъ крючекъ и бросается назадъ; но избавившись отъ страданія, снова неоднократно возвращается къ приманкѣ, не смущаясь воспоминаніемъ объ испытанномъ ощущеніи и пораненіемъ рта. Насколько иначе дѣйствуетъ собака! Если она, пытаясь удовлетворить одной изъ своихъ потребностей, испытала боль, то она уже съ осторожностью подходитъ къ причинившему ее предмету, или можетъ и вполнѣ подавить свое желаніе, боясь возвращенія боли».

Такимъ образомъ, психологія животныхъ имѣетъ дѣло съ *низшими* психическими способностями, общими животнымъ и человѣку, но не *тожественными* у тѣхъ и другого, и *различными* у различныхъ видовъ животныхъ.

Собственный предметъ сравнительнаго изученія животныхъ психическихъ типовъ — не *качество* психическихъ способностей, а ихъ *количество*, т. е. ихъ сумма, объемъ, и интенсивность.

Спрашивается: чѣмъ можетъ быть гарантирована вѣрная постановка различія психическихъ типовъ животнаго царства? — Было время, когда изслѣдователи надѣялись достигнуть этого путемъ однихъ зоологическихъ наблюденій надъ внѣшними признаками психической жизни животныхъ, — т. е. ихъ ощущеній, памяти, воображенія, привязанностей, навыковъ и т. д. Въ послѣднее время высказывается однако недовольство результатами этого метода, и надежда достигнуть болѣе строгихъ заключеній, соединеніемъ метода зоологическихъ наблюденій, — содержащаго въ себѣ значительную долю субъективности въ истолкованіи фактовъ животной жизни, — съ другимъ, чисто объективнымъ, методомъ сравнительной физіологіи, и сравнительной анатоміи или *морфологіи*. Выдающимся защитникомъ этого синтеза двухъ ме-

Digitized by Google

тодовъ въ разработкѣ зоопсихологіи является итальянскій ученый, Сициліани.

Сициліани совершенно раздѣляетъ точку зрѣнія Бэна на связь психическихъ и физіологическихъ явленій. Отрицая отношеніе превращенія однихъ въ другія, Сициліани удерживаетъ взглядъ на ихъ корреляцію по закону эквиваленціи. Количественная равносильность психическихъ фактовъ ихъ физіологическимъ сопровожденіямъ и органамъ послѣднихъ, такъ много освѣщающая въ психологіи человѣка, должна пролить свой свѣтъ и на психологію животныхъ. Поэтому Сициліани ставитъ два «постулята» для объективной разработки послѣдней: во-первыхъ, основательное знаніе научно-установленныхъ результатовъ зоологическаго, или точнѣе, зоопсихологическаго наблюденія; и во-вторыхъ, знаніе законовъ сравнительной морфологіи вообще, и законовъ нервной системы въ частности.

Сициліани не останавливается на общихъ требованіяхъ приложенія сравнительной анатоміи, или морфологіи, къ изученію психическихъ типовъ животныхъ, но требуетъ изслѣдованія ихъ съ точки зрѣнія двухъ законовъ послѣдней: закона *гомологій* и закона *аналогій*. Психическія гомологіи соотвѣтствуютъ тому, что мы называли разновидностями одного и того-же психическаго типа. Но между разновидностями различныхъ психическихъ типовъ, есть свой параллелизмъ, свои аналогіи. Съ этой точки зрѣнія, естественная исторія развитія животныхъ психическихъ типовъ представляетъ не одинъ рядъ, не одну лѣстницу, на вершинѣ которой стоитъ человѣкъ, а нѣсколько такихъ лѣстницъ,—одну, наиболѣе длинную, съ человѣкомъ на вершинѣ, и множество болѣе короткихъ, приставленныхъ къ первой, въ видѣ ея развѣтвленій. Такой взглядъ на прогрессивное во многихъ направленіяхъ развитіе животныхъ типовъ устраняетъ сразу массу недоразумѣній. «Сравнимъ»,—говоритъ Сициліани, «для примѣра, послѣднюю группу позвоночныхъ, съ одною изъ высшихъ группъ безпозвоночныхъ: членистоногими (arthropoda). Съ морфологической точки зрѣнія, а именно, съ точки зрѣнія типическаго устройства нервной системы, низшія позвоночныя (рыбы костистыя, хрящевыя и до круглоротыхъ), безъ сомнѣнія имѣютъ верхъ надъ высшими безпозвоночными; но въ психическомъ отношеніи (съ точки зрѣнія ума, про-

Digitized by Google

мысловъ, общественной жизни), членистыя весьма далеко оставляютъ за собою рыбъ».

Сравнительною психологіею животныхъ исчерпывается все несомнѣнное поле изученія психическихъ фактовъ. Нѣкоторые писатели говорятъ еще о душѣ растеній. Такъ какъ психическіе факты суть факты сознанія или чувства, то, очевидно, что, доказавши чувства у растеній, мы расширили-бы поле психическихъ изслѣдованій. Между тѣмъ, авторы, компетентные въ вопросахъ логики, сомнѣваются въ осуществимости такихъ доказательствъ. Какъ-бы то ни было, несомнѣнно то, что отношеніе между раздраженіемъ кожи животнаго, и рефлективнымъ движеніемъ, какое имъ вызывается, имѣетъ свою аналогію въ нѣкоторыхъ явленіяхъ растительной жизни, и, конечно, такія явленія всегда будутъ предметомъ интереса не только для ботаника или біолога, но и для психолога.

Изъ этого обозрѣнія задачъ и методовъ психологіи видно, какое центральное мѣсто она занимаетъ въ кругу другихъ наукъ, и почему къ ея разработкѣ привлекаются представители различныхъ спеціальностей со всѣхъ факультетовъ. Ни одна наука не способна такъ тѣсно связывать такую массу другихъ наукъ: психологія—ихъ естественный центръ. Такое положеніе нашей науки станетъ еще очевиднѣе, если мы обратимся къ нѣкоторымъ изъ ея многочисленныхъ приложеній.

Первое мѣсто здѣсь принадлежитъ тѣмъ наукамъ, которыя всегда считались прикладною или практическою философіею, каковы: *Логика*, *Мораль*, *Философія Права*, *Эстетика*. Въ прежнее время опорою всѣхъ этихъ наукъ считалась *Метафизика*. Въ настоящее же, когда метафизика потеряла свое значеніе фундамента философіи, а сдѣлалась однимъ изъ ея послѣднихъ словъ, не претендующихъ на научную достовѣрность, единственная наука, способная занять ея мѣсто, есть психологія. Съ этимъ нынѣ согласно огромное большинство лучшихъ представителей философіи (понимаемой въ смыслѣ особеннаго предмета каѳедры философіи). Правда, что въ настоящее время не много найдется изслѣдователей, которые бы вѣрили въ возможность разработки указанныхъ нами философскихъ доктринъ, безъ помощи изученія культуры человѣка, первобытной и исторической; но анализъ тѣхъ ея фактовъ, ко-

Digitized by Google

торые имѣютъ особенное значеніе для постановки началъ этихъ наукъ, зависитъ въ большей или меньшей степени отъ успѣховъ психологіи.

Второе мѣсто принадлежитъ *Педагогикѣ*. Чтобы оцѣнить всю важность психологіи для педагогики, припомнимъ то, что было нами сказано о связи духа и тѣла. Психическіе факты имѣютъ свою внутреннюю связь, какъ факты физіологическіе свою внѣшнюю связь; но тѣ и другіе факты, равно какъ и связи ихъ, находятся въ корреляціи, или неизмѣнномъ количественномъ соотвѣтствіи: по одному порядку фактовъ мы можемъ судить о другомъ. Ясно, что физическія измѣненія, производимыя въ нашемъ тѣлѣ внѣшними вліяніями матеріальнаго свойства, могутъ вызывать соотносительныя перемѣны въ нашемъ духѣ. Но ясно также и то, что всякое психическое измѣненіе, вызванное внѣшнимъ вліяніемъ нематеріальнаго свойства, т. е. вліяніемъ психическимъ, должно имѣть своего представителя въ какомъ нибудь измѣненіи физическомъ,—какомъ нибудь состояніи нашего мозга и другихъ членовъ тѣла. Такое внѣшнее психическое вліяніе на какой нибудь индивидуальный духъ могло-бы выходить изъ среды общества. Но спрашивается: существуютъ-ли вліянія такого рода?— Такія вліянія несомнѣнно существуютъ и указываются всѣми перемѣнами въ нашихъ душевныхъ состояніяхъ, которыя вызываются въ насъ другими посредствомъ *знаковъ* или *символовъ*. Между этими знаками первое мѣсто принадлежитъ членораздѣльной рѣчи человѣка, а второе — всякаго рода письменамъ. Нѣсколько каракулекъ на бумагѣ способны перевернуть всѣ чувства человѣка, измѣнить его взгляды, вызвать въ немъ новыя рѣшенія. Эти вліянія—не физическія, а психическія, хотя и внѣшнія; т. е. психическія, при употребленіи такой ничтожной доли вліянія физическаго, съ какою послѣднее можетъ быть не принимаемо въ разсчетъ, при оцѣнкѣ первыхъ.

Спрашивается теперь: какъ далеко простираются внѣшнія психическія вліянія,—иначе вліянія общественной среды? — Лучшимъ отвѣтомъ на это служатъ факты воспитанія. Эти факты доказываютъ, что наслѣдственныя способности человѣка раскрываются настолько и такъ, насколько и какъ дозволяется это воспитаніемъ и общественною средою. «Организмъ Гёте,—говоритъ Льюисъ, въ

Digitized by Google

общественной средѣ Карибовъ, далъ бы очень выдающагося Кариба, но не высоко парящій умъ съ впечатлительной природой». Факты воспитанія показываютъ болѣе того: во-первыхъ, пріобрѣтеніе совершенно новыхъ психическихъ способностей, которыя были чужды духу родителей и предковъ, — какъ это мы видимъ на такъ называемыхъ novi homines въ обществѣ, — подобныхъ Цицерону, Наполеону первому, и т. д.; и во-вторыхъ, ослабленіе и подавленіе нѣкоторыхъ наслѣдственныхъ свойствъ, примѣры котораго весьма не рѣдки въ практикѣ воспитателей.

Эти-то факты и составляютъ основанія педагогики. Педагогика, или искусство воспитанія, имѣетъ своею задачею указать средства желательнаго въ семействѣ, обществѣ или государствѣ, воспитанія психическихъ силъ человѣка, т. е. раскрытія однѣхъ, пріобрѣтенія другихъ, и преобразованія или подавленія третьихъ. Очевидно, что это искусство, которое еще до сихъ поръ отличается полнымъ эмпиризмомъ, опираясь на отрывочные и часто сомнительные опыты воспитанія, — приметъ совершенно другой характеръ, съ разработкою психологіи. Для педагогики психологія имѣетъ тоже значеніе, что физіологія и анатомія для медицины.

Наконецъ, мы не должны оставить безъ вниманія и наукъ политическихъ или общественныхъ, въ смыслѣ теоріи, и въ смыслѣ практики. Лучшіе авторитеты согласны съ тѣмъ, что психологія составляетъ важное пособіе для изученія исторіи цивилизаціи общества, для теоріи общества и для практической политики. Мы уже замѣчали, что исторія культуры общества, и историко-культурная вѣтвь науки о человѣческомъ духѣ или личности, отдѣляются другъ отъ друга только по преслѣдуемымъ ими цѣлямъ, но не отдѣлимы по тѣмъ взаимнымъ услугамъ, какія требуются отъ одной изъ нихъ для успѣховъ другой. Относительно теоріи общества Бэнъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „Теорія общества,— говоритъ онъ,—состоитъ въ установленіи того, какимъ образомъ люди будутъ дѣйствовать при какомъ нибудь данномъ правительствѣ: она есть, слѣдовательно, прямое приложеніе законовъ духа и характера. Поэтому, точное знаніе всего того, чему учитъ психологія, будетъ необходимою подготовкою къ этому изученію“. Особенное значеніе для этой цѣли Бэнъ придаетъ той части

Digitized by Google

сравнительной психологіи, которую онъ, подобно Миллю, называетъ политическою этологіею, т. е. ученію о характерѣ расъ и народовъ. Гербертъ Спенсеръ видитъ въ психологіи важное знаніе для практической политики. Изученіе психологіи, по его мнѣнію, „поведетъ къ здравой оцѣнкѣ даже косвенныхъ и отдаленныхъ вліяній учрежденій на индивидуальный характеръ, и послужитъ нѣкоторою преградою для важныхъ бѣдствій, причиняемыхъ невѣжественнымъ законодательствомъ".

Въ виду услугъ, какія психологія можетъ оказать другимъ наукамъ и искусствамъ, наше Психологическое Общество поставило своею задачею разработку психологіи не только въ ея составѣ, но и въ ея приложеніяхъ къ логикѣ, морали, праву, эстетикѣ, педагогикѣ и т. д.

Вступая на путь психологическихъ изслѣдованій, наше Общество найдетъ его протореннымъ во всѣхъ направленіяхъ. Поэтому, первымъ долгомъ его должно быть ознакомленіе со всѣмъ тѣмъ, что уже сдѣлано и дѣлается нашими предшественниками на поприщѣ психологическаго труда, — особенно въ Англіи, Франціи, Германіи и Италіи.

Русское психологическое общество не найдетъ у себя дома большой психологической литературы; но за то не найдетъ также массы тѣхъ закоренѣлыхъ ложныхъ направленій въ разработкѣ нашей науки, которыя такъ тормозятъ ея успѣхи въ упомянутыхъ нами странахъ. Воспользуемся же выгодами своего положенія и, распространяя въ новыхъ поколѣніяхъ широкій взглядъ на задачи психологіи, и вѣрное пониманіе ея методовъ, положимъ начало такимъ успѣхамъ ея въ Россіи, которые бы въ состояніи были убѣдить всякаго, что психологія есть единственная наука, способная оказать тѣ услуги, какихъ ожидаютъ отъ теоретической философіи.

Appelt. Anthropologie. 1856.

Bailey. Letters on Philosophy of Human Mind. 1869.

Bain, A. The Senses and the Intellect. 1864. The Emotions and the Will. 1865. Mind and Body. 1873.

Digitized by Google

Ballauf. Die Elemente der Psychophysik. 1877.

Benecke. Lehrbuch der Psychologie als Naturwissenschaft. 4—te Ausg. 1877. Die Neue Psychologie. 1846.

Berkeley. The Theory of Vision.

Brentano, F. Psychologie vom empyrischen Standpuncte. 1874.

Brown, T. Philosophy of the Human Mind. 20—th edit. 1860.

Carus, K. G. Vorlesungen über die Psychologie. 1831. Psyche. 1846.

Condillac. Oeuvres completes. 1801. Essais sur l'origine des connaissances humaines. Traité des sensations.

Dittes, F. Lehrbuch der Psychologie und Logik. 1874.

Erdmann, J. D. Grundriss der Psychologie. 1840. Psychologische Briefe. 5-te Ausg. 1875.

Exner. Die Psychologie der Hegelschen Schule. 1842.

Fechner, A. F. Elemente der Psychophysic. 1860.

Fichte, J. H. Anthropologie. 3-te Ausg. 1876. Psychologie. 1864.

Fries. Handbuch der psychischen Anthropologie, 2-te Aufl. 1837.

Jouffroy. Mélanges philosophiques. 1833.

Hamilton W. Lectures on Methaphysics (Psychology) and Logic. 4 Voll. 1870.

Hartley. Observations on Man. 1749.

Herbart. Lehrbuch der Psychologie. 1816. Psychologie als Wissenschaft, neu gegründet auf Erfahrung, Methaphysik und Mathematik. 1824—25.

Hobbes. Th. Opera philosophica. Amster. 1668.

Hume, D. Philosophical Works. 4 Voll. 1826.

Kant, I. Sämmetliche Werke. Herausg von Rosenkranz. Anthropologie in pragmatischer Hinsicht. 1838.

Krause. Von der Selbstschauung des Ich. 1829.

Lazarus, M. Das Leben der Seele in Monografien über seine Erscheinungen uud Gesetze. 2-te Aufl. 3 Bde. 1882.

Lewes, G. H. Problems of Life and Mind. 2 Voll. 1874—75. The Physical Basis of Mind. 1877. Study of Psychology.

Locke. Works. 1823.

Lotze, B. H. Microkosmos. 3 Bde. 3-te Ausg. 1876—78. Medizinische Psychologie 1852.

Digitized by Google

Mill, D. S. A System of Logic ratiotinative and Inductive. 2 Voll. 8-th ed. 1872.

Mill, I. Analysis of Human Mind.

Ribot, Th. Les Maladies de la Mémoire. 4-e ed. 1886. Les Maladis de la Volonté, 4-e ed. 1887. Les Maladies de la Personnalité. 1885.

Siciliani. Psychogenie moderne.

Spamer. Physiologie der Seele 1877.

Spencer. Principles of Psychology. 2 Voll 1870—72.

Steinthal, H. Die Grundlegung der Mathematischen Psychologie. 1865.

Stewart, D. Elements de la Philosophie de l'Esprit humain, trad. par Peisse. 1845.

Su'ly. Sensations and Intuition. 1880. Illusions. 2—d. edit. 1882.

Taine, H. De l'Intelligence. 2 Voll. 1867.

Троицкій, М. Нѣмецкая Психологія въ текущемъ столѣтіи. 2-е изд. 1883. Наука о духѣ. Общія свойства и законы человѣческаго духа. 1882.

Volkmanu von Volkmar. Lehrburh der Psychologie vom Standpuncte des Realismus nach genetischer Methode. 1875.

Ulrizi. Leib und Seele. 2 Bde. 2-te Aufl. 1874.

Wundt. Vorlesungen über die Menschen-und Thierseele. 1863. Grundzüge der Physiologischen Psychologie. 2 Bde. 2-te Ausg. 1880.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

3 2044 022 598 759

Digitized by Google

Digitized by Google